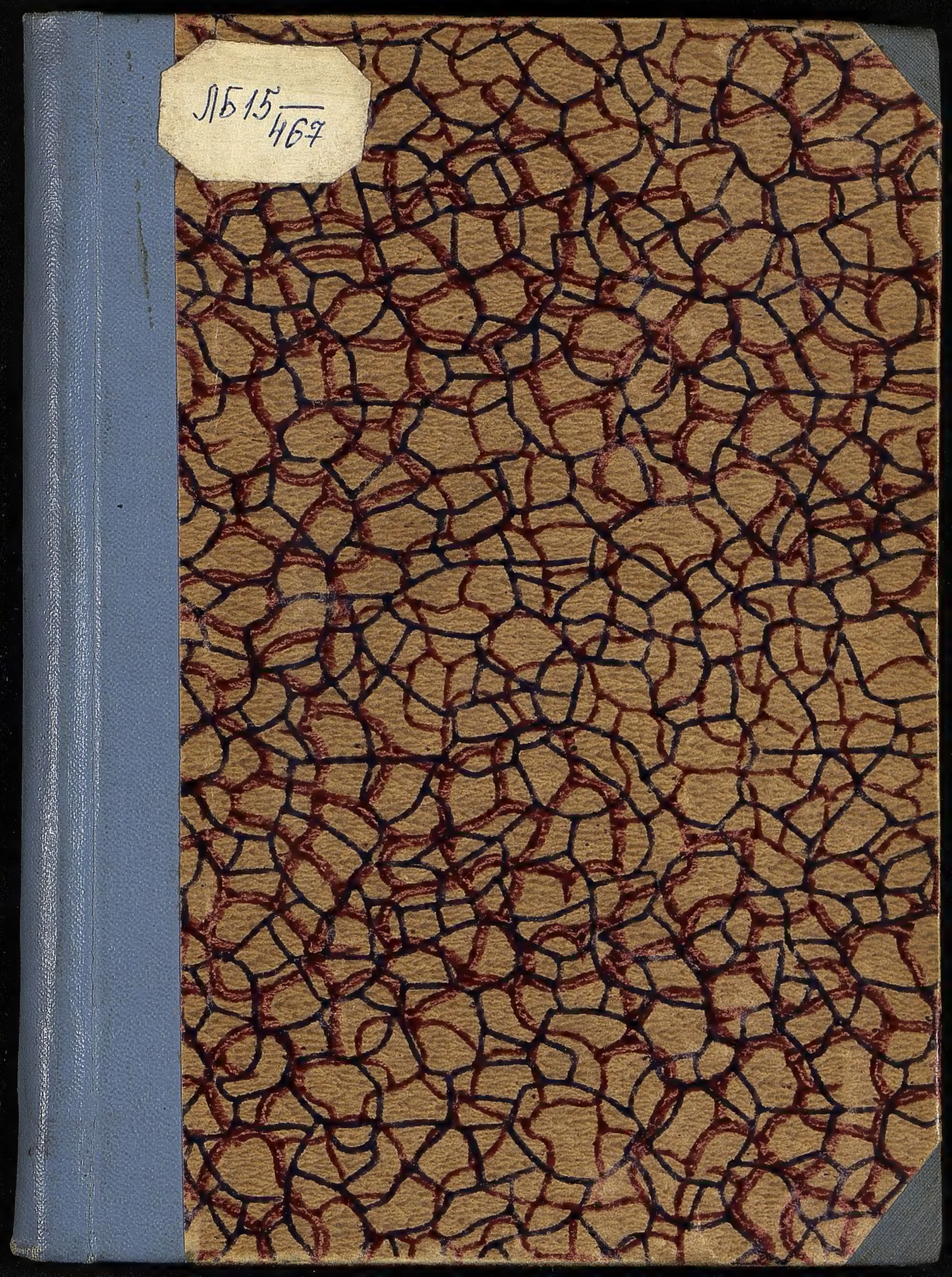
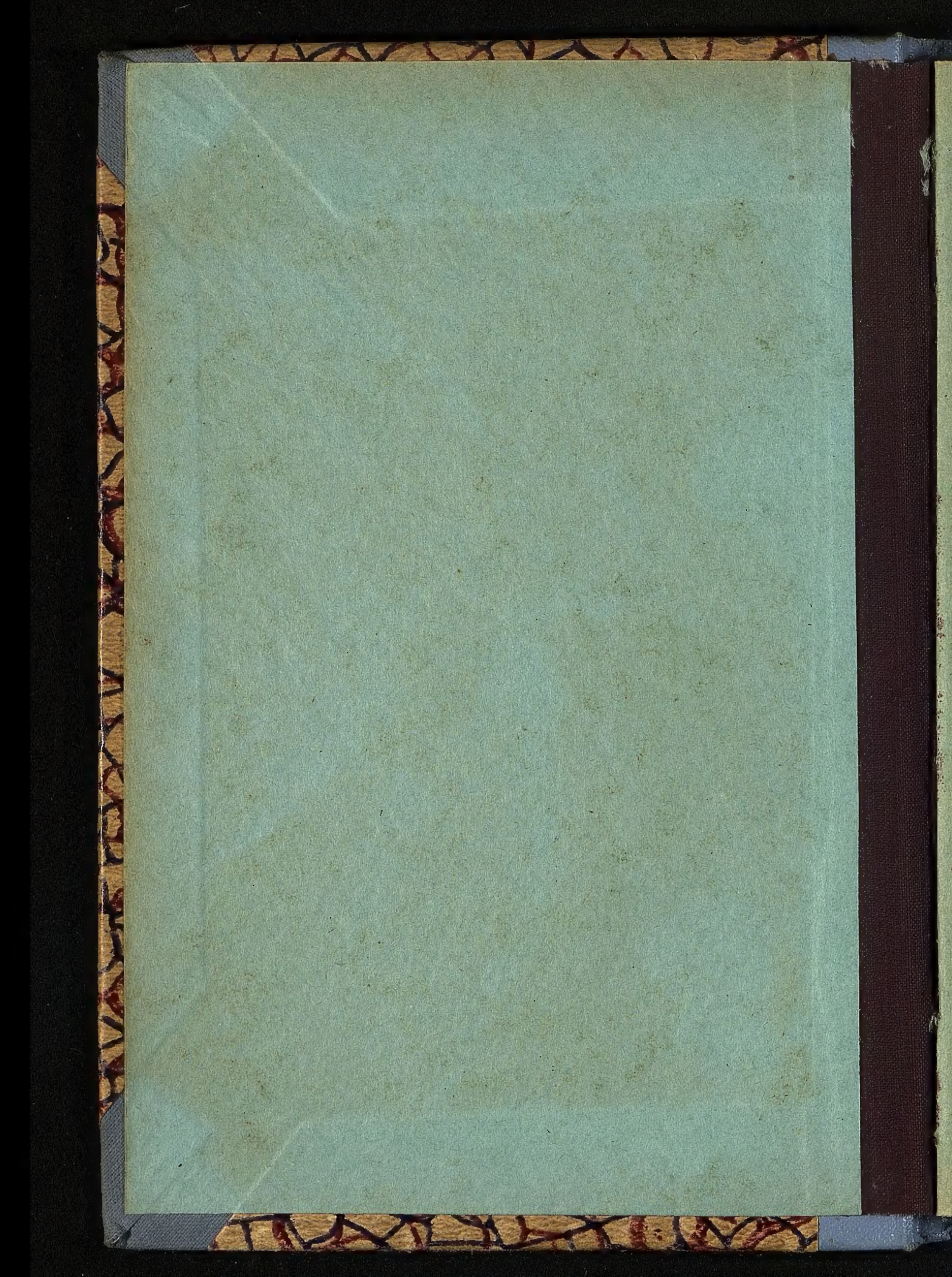
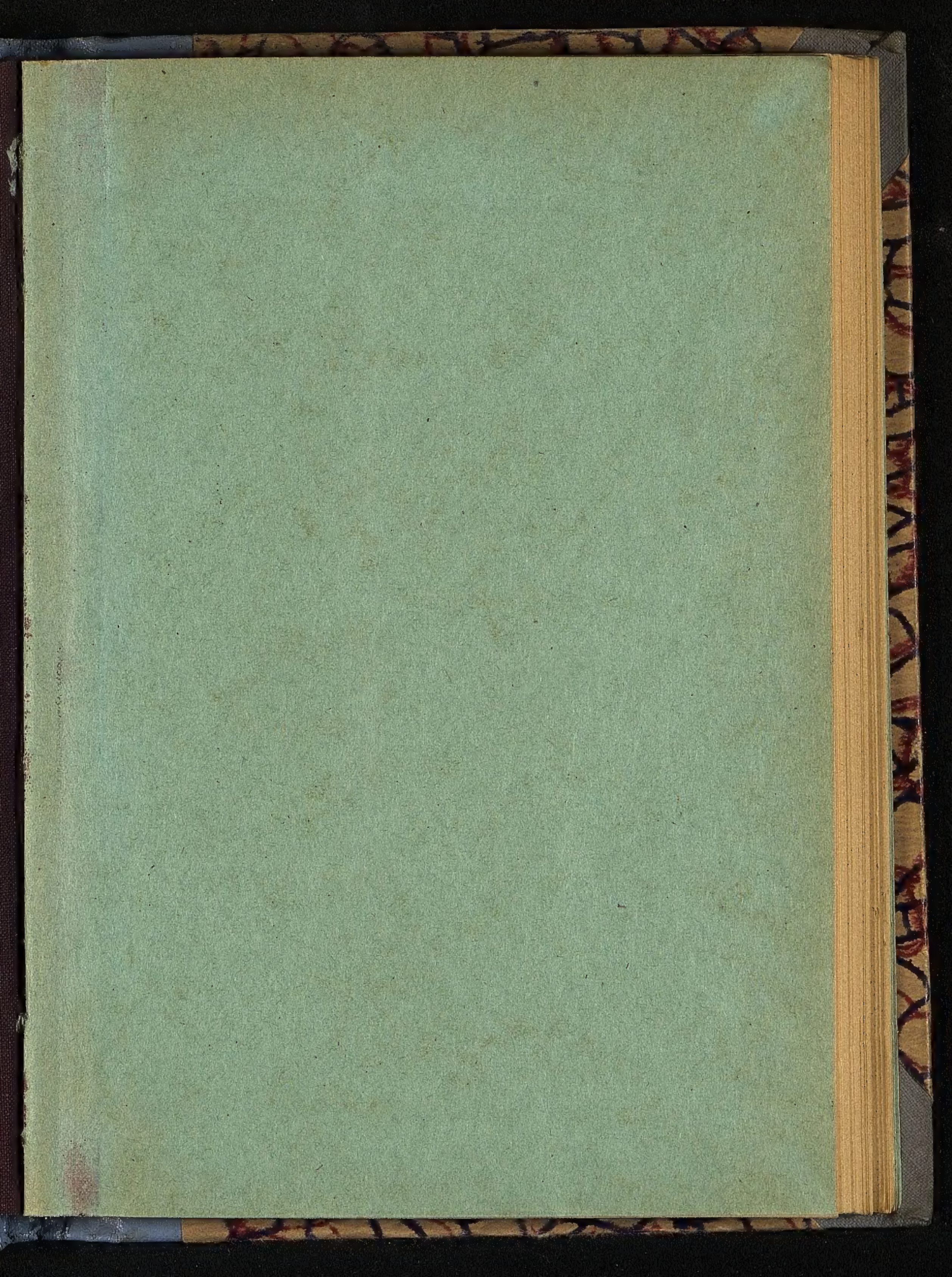
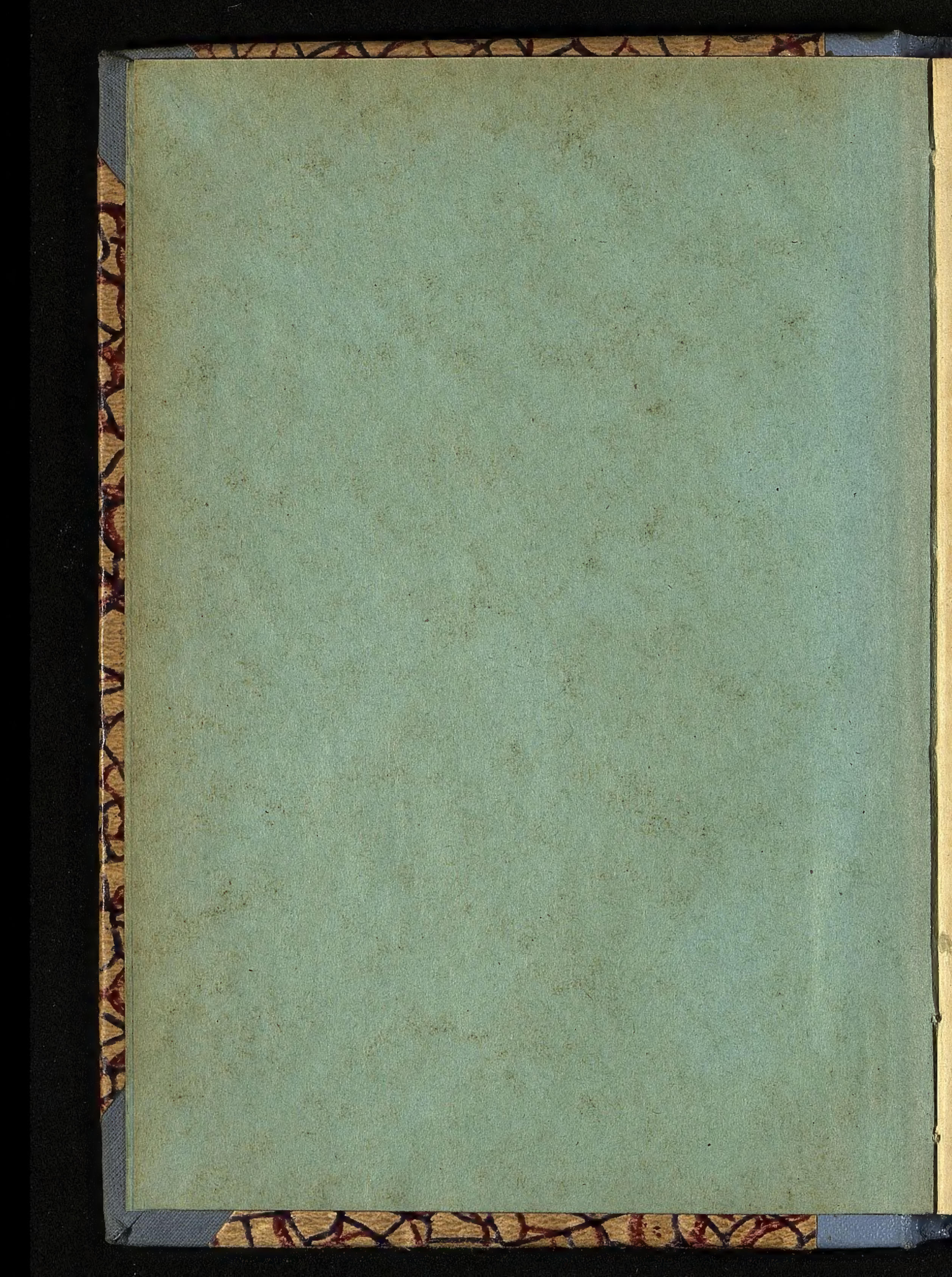

П. Засодимскій

ДЕСПОТИЗМЪ

ЕГО ПРИНЦИПЫ, ПРИМѢНЕНІЕ ИХЪ И БОРЬБА ЗА ДЕСПОТИЗМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 л., 28
1911

4167

I.

Деспотическая, абсолютная монархія представляетъ собой въ теоріи очень стройный образъ правленія. Подразумѣвается, что въ государствѣ съ такимъ режимомъ народъ съ общаго, хотя и негласно выраженнаго, согласія передалъ все дѣло правленія, всю власть надъ собой въ руки одного человѣка. При наслѣдственной же неограниченной монархіи народъ, въ теоріи, уже вручаетъ ему не только свою судьбу, но и судьбу всѣхъ послѣдующихъ поколѣній, причемъ безграничныя полномочія, данныя ему, переносятся во всей полнотѣ и на его потомство.

Такимъ образомъ, въ неограниченной монархіи государь, по теоріи, является альфой и омегой въ дѣлѣ правленія: онъ безпрепятственно осуществляетъ свою волю, свою единую волю,—конечно, на благо народа. Отсюда уже естественно подразумѣвается, что такой правитель долженъ обладать выдающимися умственными способностями, глубокими и всесторонними знаніями и прекрасными душевными качествами: онъ уменъ, добръ, честенъ, трудолюбивъ, мужественъ, строгъ къ себѣ, великодушенъ къ людямъ, проницателенъ, справедливъ, безпристрастенъ, правосуденъ; онъ—тонкій психологъ, сердцевѣдецъ, — однимъ словомъ, въ теоріи, онъ обладаетъ почти всемогуществомъ и всевѣдѣніемъ, — качествами, присущими лишь Божеству.

Благодаря своему уму и проницательности, монархъ безошибочно избираетъ для исполненія своей воли людей даровитыхъ, честныхъ, правдивыхъ, безкорыстныхъ, словомъ—лучшихъ людей, достойныхъ довѣрія. Черезъ этихъ людей онъ узнаетъ о дѣйствительныхъ потребностяхъ народа, узнаетъ всю правду о положеніи дѣлъ въ государствѣ. Онъ—всевѣдущъ. Въ государствѣ все ему покорно; люди, облеченные его довѣріемъ, начиная съ высшихъ и до самыхъ низшихъ агентовъ, безпрекословно повинуются его повелѣніямъ, въ точности исполняя свое дѣло, то-есть осуществляя волю государя. Слѣдовательно, абсолютный монархъ, въ теоріи, является всемогущимъ. На тронѣ онъ самъ — первый работникъ. Въ своей частной жизни онъ руководствуется лишь правилами чистѣйшей нравственности, служа другимъ примѣромъ. Въ дѣлѣ правленія онъ руководится единымъ желаніемъ счастія народу.

Понятно, что законы, составляемые по указанію монарха, подъ его диктовку, выражаютъ лишь его идеи, его желанія—и всѣ клонятся къ общему благу. Такой правитель ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняемый, ни въ чемъ не встрѣчающій оппозиціи, можетъ безпрепятственно и немедленно осуществлять на практикѣ каждую полезную мысль, свое каждое доброе желаніе.

Безспорно, въ этой патріархальной теоріи — все стройно и красиво...

Въ дѣйствительности же, въ жизни, деспотическая, неограниченная монархія является, рѣшительно, не тѣмъ, чѣмъ рисуется въ абстракціи: въ сущности она представляетъ собой олигархію—въ скрытомъ видѣ.

О гласномъ или негласномъ согласіи всего народа на передачу всей власти, всѣхъ своихъ судебъ одному человѣку—не можетъ быть и рѣчи, какъ о предположеніи, вполнѣ фантастическомъ: подобнаго факта не встрѣчается въ исторіи. Хотя основаніе деспотическихъ монархій бо̀льшею частію теряется въ легендарныхъ туманахъ прошлаго, но тѣмъ не

менѣе исторія народовъ доставляетъ немало фактовъ, дающихъ возможность заключить, что въ дѣйствительности процессъ образованія монархій происходилъ такъ:

Энергичный человѣкъ, предпріимчивый, дерзкій, съ помощью своихъ родственниковъ и многочисленныхъ приверженцевъ, хитростью, посредствомъ различныхъ искусныхъ манипуляцій, или вооруженной рукой захватывалъ власть, а народъ, какъ неорганизованная масса, долженъ былъ уступать насилію и долго ли-коротко ли примирялся съ совершившимся фактомъ. Или же представители какого-нибудь могущественнаго рода, а позже—представители высшаго сословія, свѣтскаго или духовнаго, или ихъ обоихъ, выдвигали изъ своей среды подходящаго человѣка, которымъ они могли бы руководить въ своихъ интересахъ, и устраивали, въ видѣ пародіи, якобы всенародное избраніе его въ правители, хотя народъ въ этомъ дѣлѣ никакого участія не принималъ, „народъ безмолвствовалъ"... Шли—проходили годы, десятилѣтія, столѣтія, совершонный подлогъ покрывался давностью и освящался всякими миѳами и преданьями. Такими способами создавались деспотіи Востока и всѣ позднѣйшія абсолютныя монархіи.

Затѣмъ, такихъ идеальныхъ монарховъ, какіе требуются для оправданія теоріи абсолютизма, не встрѣчается въ жизни. За рѣдкими исключеніями, неограниченные монархи являются обыкновенно людьми самыми заурядными, не выше средняго уровня по своимъ духовнымъ качествамъ. Въ средѣ ихъ нерѣдко встрѣчаются люди, крайне ограниченные и даже иногда душевно-больные, маньяки (какъ будетъ видно ниже на приведенныхъ нами примѣрахъ).

По закону, неограниченный монархъ—каковъ бы онъ ни былъ самъ по себѣ—первое лицо въ государствѣ: онъ, какъ уже сказано, альфа и омега въ дѣлѣ правленія государствомъ; ему придаются самые пышные, громкіе титулы („Сынъ Солнца", „Сынъ Неба", „Могущественнѣйшій", „Божественный" и т. п.); въ торжественныхъ случаяхъ онъ

облачается въ роскошное одѣяніе, только одному ему присвоенное; ему оказываются всевозможныя почести. Монеты чеканятся съ его изображеніемъ; законы и указы важнаго государственнаго значенія подписываются имъ,—безъ его подписи они не имѣютъ силы; судъ совершается его именемъ и отъ его имени произносятся приговоры; онъ принимаетъ иностранныхъ пословъ; его именемъ объявляется война и заключается миръ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ вышеуказанная фантастическая теорія, повидимому, находитъ воплощеніе въ жизни. Да, но это воплощеніе—кажущееся, ибо оно касается лишь внѣшности...

Прежде всего должно замѣтить, что монархъ въ теченіе всей жизни остается изолированнымъ отъ народа: даже издали народъ рѣдко видитъ его.

Онъ со своей семьей осужденъ на одиночество, а иногда и въ семьѣ онъ—не только одинокъ, но чувствуетъ себя какъ бы во вражескомъ лагерѣ. Онъ никому не довѣряетъ, и ему не довѣряетъ никто. Всѣхъ окружающихъ—иногда даже родныхъ братьевъ — онъ подозрѣваетъ въ злыхъ замыслахъ, такъ какъ и самъ въ отношеніи ихъ питаетъ таковые.

Онъ живетъ—родится и воспитывается — въ совершенно особенной атмосферѣ, затхлой, пропитанной тлетворными микробами лести, фальши, лицемѣрія, коварства, самыхъ дикихъ предразсудковъ и отчужденности отъ міровыхъ интересовъ. Окружающіе его родственники и немногіе изъ представителей высшихъ сословій, единственно имѣющіе доступъ во дворецъ, вліяютъ на юношу — на выработку его характера, привычекъ, взглядовъ, мнѣній. Съ ранняго возраста онъ уже лишается значительной дозы своей самостоятельности, привыкая жить и дѣйствовать подъ чужимъ вліяніемъ и смотрѣть на вещи чужими глазами. Люди, окружающіе его, естественно, становятся ему необходимы, какъ бываютъ необходимы калѣкѣ костыли для поддержки при ходьбѣ.

Онъ смотритъ на окружающихъ подозрительно, съ недовѣріемъ, но не можетъ обойтись безъ помощи этихъ единственныхъ совѣтниковъ. Кромѣ этой весьма ограниченной кучки людей у него нѣтъ, рѣшительно, никакихъ живыхъ связей съ окружающимъ его обширнымъ міромъ.

За стѣнами его дворца бушуетъ житейское море; оттуда несутся живые голоса, голоса радости и муки, но они не проникаютъ черезъ толстыя стѣны дворца; лишь смутнымъ гуломъ они доносятся до него. За стѣнами дворца простирается чуждый ему міръ, полный какихъ-то неясныхъ призраковъ, полный случайностей, загадокъ и какихъ-то неопредѣленныхъ, но грозныхъ опасностей, — міръ, непонятный ему.

Когда приходитъ часъ вступленія на престолъ молодого государя, тогда изъ среды родственниковъ и окружающихъ его сановниковъ — люди, болѣе энергичные, болѣе хитрые, или болѣе дерзкіе и притомъ болѣе ему симпатичные, являются тѣми лицами, которыя, по теоріи, должны быть „исполнителями" его монаршей воли, его единой воли.

Являясь администраторами, полководцами, верховными жрецами, судіями, завѣдующими финансами и сношеніями съ иностранными правительствами, они одни пользуются доступомъ къ монарху. О всѣхъ дѣлахъ, о всѣхъ текущихъ событіяхъ они сообщаютъ государю въ томъ свѣтѣ, подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, какіе имъ нужны, то-есть въ своихъ личныхъ или сословныхъ интересахъ; они иногда искажаютъ факты до неузнаваемости, иногда утаиваютъ такіе факты, которые могли бы произвести на государя непріятное впечатлѣніе, вызвать неудобные для нихъ вопросы, возбудить подозрѣнія и повлечь монаршее охлажденіе къ нимъ или даже явную немилость. Отъ его имени—въ интересахъ господствующихъ сословій — они составляютъ законы, издаютъ указы, которые государь санкціонируетъ своею подписью, то-есть принимаетъ на себя отвѣтственность за нихъ. Абсолютный монархъ хотя формально ни передъ кѣмъ не отвѣт-

ственъ (кромѣ Божества), но въ дѣйствительности, фактически, отвѣтственность для него всегда существуетъ передъ собственнымъ сознаніемъ и передъ людьми: она только оффиціально не признается.

Такъ какъ подразумѣвается, что всѣ государевы сановники и назначаемые ими агенты являются лишь покорными исполнителями монаршей воли, то поэтому открыто, гласно критиковать ихъ дѣйствія не допускается, хотя бы эти дѣйствія и шли наперекоръ самымъ законнымъ желаніямъ и самымъ необходимымъ, насущнымъ потребностямъ народа. Критика ихъ дѣятельности есть въ то же время критика намѣреній и дѣйствій монарха, а такая критика, какъ знакъ явнаго, дерзостнаго непочтенія къ особѣ государя, признаннаго—въ теоріи—непогрѣшимымъ, считается уже тяжкимъ преступленіемъ, „оскорбленіемъ величества“ (lèse majesté) въ лицѣ его агентовъ, причемъ этому преступленію придается иногда, какъ, напр., въ древнемъ Римѣ, весьма широкое, распространенное значеніе и карается оно болѣе или менѣе сурово.

Забронировавшись отъ нападеній критики, обезпечивъ себѣ безнаказанность, заслоняясь особой монарха, оффиціально являясь исполнителями его воли, его слѣпыми орудіями, въ дѣйствительности они—не онъ—завѣдываютъ войскомъ, распоряжаются финансами, даютъ указанія суду, въ важныхъ случаяхъ диктуютъ судебные приговоры, смягчая или усиливая кары, по своему усмотрѣнію комментируютъ законы, сами нарушая ихъ, вообще даютъ направленіе внутренней и внѣшней политикѣ,—однимъ словомъ, они управляютъ государствомъ, преслѣдуя свои личные и сословные матеріальные интересы [1]).

[1]) Императоръ Николай I, сознававшій отчасти дѣйствительное положеніе вещей, чувствуя иногда свое безсиліе въ качествѣ абсолютнаго монарха, сказалъ, что „Россіей управляютъ столоначальники“. Подъ видомъ шутки, въ утрированномъ видѣ, онъ высказалъ горькую истину.

Такимъ-то образомъ, подъ маской деспотической, неограниченной монархіи создается олигархія, правленіе немногихъ. Группа людей захватываетъ, какъ говорится, „бразды правленія", предоставляя монарху царствовать, представительствовать, пользоваться всѣми благами жизни, удовлетворять всѣ свои личныя склонности, предаваться страстямъ.

А народъ, находя на монетахъ изображеніе монарха, на всѣхъ государственныхъ актахъ встрѣчая его подпись, зная, что всѣ законы, указы и судебные приговоры идутъ отъ его имени, видя, что всѣ, даже самые высшіе сановники, склоняются передъ нимъ, — смотритъ на монарха, какъ на высшее существо, всемогущее, всевластное, смотритъ, почти какъ на полубога, какъ на единственный источникъ грозы и милостей, и благоговѣетъ передъ нимъ. Въ извѣстный историческій періодъ—въ періодъ патріархальной простоты и наивности—все доброе въ правленіи народъ приписываетъ монарху, а все зло — государевымъ совѣтникамъ, видя въ нихъ своихъ недоброжелателей, враговъ. Какъ-то инстинктивно народъ приближается къ правильному разрѣшенію вопроса о соотношеніи силъ, дѣйствующихъ въ правительствѣ, подозрѣвая, что приближенные вводятъ въ заблужденіе государя, насилуютъ его волю, дѣйствуютъ безъ его согласія или даже безъ его вѣдома.

Инстинктъ подсказываетъ народу не всю правду, лишь часть ея, и народъ еще долго остается въ невѣдѣніи того, что сановники по большей части дѣйствуютъ въ согласіи съ государемъ. Позже, при болѣе высокомъ развитіи народнаго сознанія, люди уже не представляютъ себѣ монарха полубогомъ, но лишь „первымъ между равными", причемъ подъ „равными" ему подразумѣваются тѣ изъ государственныхъ дѣятелей, которые почему-либо выдвинулись впередъ и сдѣлались извѣстными народу: благословенія или проклятія шлются имъ уже всѣмъ вкупѣ.

Говорятъ, что въ конституціонной монархіи государь царствуетъ, но не управляетъ. Въ абсолютной монархіи

„неограниченный“ государь также не столько управляетъ, сколько царствуетъ. Въ конституціонной монархіи власть государя оффиціально ограничена; въ абсолютной монархіи она ограничена неоффиціально, закулиснымъ способомъ; въ первомъ случаѣ власть ограничена народнымъ представительствомъ, во второмъ случаѣ она ограничена группой лицъ, окружающихъ государя.

Въ государственныхъ дѣлахъ монархъ, конечно, можетъ проявлять свою инициативу, можетъ властно осуществлять свою волю, но только при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы его намѣренія не противорѣчили интересамъ окружающей его среды, интересамъ высшихъ сословій. Впрочемъ, бывали государи съ сильной волей, настойчиво, энергично выполнявшіе на практикѣ свои намѣренія и заставлявшіе приближенныхъ повиноваться себѣ до извѣстной степени, но такіе богатыри—наперечетъ; они—исключенія, объ исключеніяхъ не говоримъ.

Сановники (олигархи, по нашей квалификаціи) составляли негласно между собой оборонительный и наступательный союзъ, помогая другъ другу, постоянно памятуя, что если сегодня съ однимъ изъ нихъ случилась погрѣшность, то завтра для другого можетъ наступить очередь оказаться въ неловкомъ положеніи передъ государемъ. Они между собой—„свои люди“. И эта крѣпко сплоченная клика заграждала всѣмъ, помимо нея, доступъ къ государю. Олигархи не только охраняли монарха, но и держали его подъ тайнымъ, самымъ бдительнымъ надзоромъ, слѣдили за каждымъ его шагомъ, шпіонили за нимъ, такъ что каждый его поступокъ, каждое слово, все, даже самое интимное, въ жизни государя, дѣлалось имъ извѣстно; они всегда оказывались au courant того, что происходило во дворцѣ.

Въ средѣ олигарховъ, какъ въ каждой семьѣ, иногда на почвѣ соперничества, изъ-за личныхъ интересовъ возникали недоразумѣнія, начинались пререканія, велись интриги, вспыхивала порой и открытая вражда. Въ этой борьбѣ по-

бѣдителемъ, обыкновенно, выходилъ не лучшій, не достойнѣйшій, но тотъ, кто оказывался хитрѣе, льстивѣе и лично государю былъ болѣе симпатиченъ. Если случайно въ ихъ среду попадалъ человѣкъ изъ болѣе низшихъ слоевъ общества, его или оттирали, какъ выскочку, оттѣсняли на задній планъ и устраняли, или же олигархи бывали принуждены терпѣть его, не находя почему-либо возможнымъ отдѣлаться отъ него, но этотъ „выскочка" долженъ былъ неминуемо войти въ ихъ общіе интересы, попасть имъ въ тонъ, если не желалъ быть вышвырнутымъ вонъ. Иногда одинъ изъ олигарховъ, умнѣе или нахальнѣе другихъ, совершенно овладѣвалъ государемъ, обращая въ свое исключительное пользованіе вліяніе на него. Тогда его сотоварищи, видя себя обойденными, вели подъ него подкопы, мины и свергали этого счастливца-временщика, „калифа на часъ"; или же—напротивъ — онъ такъ искусно велъ контръ-мины противъ своихъ завистниковъ, что тѣ попадали въ изгнаніе или даже лишались жизни.

Не надо думать, что олигархи — въ роли министровъ, верховныхъ жрецовъ, полководцевъ и т. д. — всегда шли наперекоръ волѣ государя, грубо и рѣзко противорѣча ему. Чаще всего—вслѣдствіе сходства положенія—ихъ намѣренія совпадали съ желаніями государя. Проводя же мѣры общегосударственнаго значенія, издавая законы, несоотвѣтствовавшіе предначертаніямъ монарха, они дѣйствовали такъ искусно, не щадя лести, что государю представлялось, будто они дѣлаютъ именно то, что слѣдуетъ, что ему самому желательно. Порой монархъ по своей иниціативѣ или по внушенію кого-нибудь изъ близкихъ ему людей задумывалъ какую-нибудь реформу въ дѣлѣ государственнаго правленія, изданіе какого-нибудь новаго закона и поручалъ своимъ сановникамъ осуществить ихъ, но если тѣ находили ихъ противорѣчащими интересамъ тѣхъ сословій, представителями которыхъ они являлись, то, не выступая явно на оппозиціонный путь, старались отклонить государя отъ его намѣ-

реній и иногда въ томъ успѣвали; если же государь упрямился, не находя удобнымъ отступать, олигархи отсрачивали введеніе реформы, изданіе закона, и потихоньку-помаленьку хоронили ихъ, или же, искалѣчивая, обезвреживали ихъ. Иногда монархъ (если онъ не былъ лишенъ проницательности) начиналъ отчасти подозрѣвать правду, догадываться о фальши въ отношеніяхъ къ нему приближенныхъ, но сознавая, что ихъ дѣйствія, клонящіяся къ ихъ интересамъ, въ то же время совпадаютъ и съ его личными интересами, съ интересами его семьи и династіи, онъ молчалъ, дѣлая видъ, что онъ ничего не видитъ, и не слышитъ и не знаетъ, что̀ въ данномъ случаѣ дѣлается его именемъ, но безъ его согласія.

Если же между государемъ и его приближенными начиналось треніе, возникали частные, мелочные конфликты, то они бо́льшей частью легко улаживались. Или олигархи упорствовали, доказывая свою правоту, убѣждая монарха въ неотложной необходимости принимаемыхъ ими мѣръ, сочиняемыхъ ими законовъ и, наконецъ, въ крайнемъ случаѣ ставили ему ультиматумъ. А такъ какъ они уже успѣли сдѣлать себя необходимыми для монарха, успѣли самымъ основательнымъ образомъ запугать его и убѣдить въ томъ, что благосостояніе и слава государства, а также — и это главнымъ образомъ—его личная безопасность и интересы его династіи всецѣло зависятъ именно отъ нихъ — отъ ихъ услугъ, отъ ихъ ловкости и умѣнія, отъ ихъ самоотверженной преданности ему, то монархъ, естественно, и уступалъ ихъ настояніямъ. Или же олигархи съ покорнымъ видомъ дѣлали монарху уступки, впрочемъ, неидущія дальше незначительныхъ деталей, измѣненій какихъ-нибудь формальностей, уступки, весьма несущественныя, но достаточныя для того, чтобы успокоить щепетильность монарха и удовлетворить его мелочное самолюбіе.

Государь могъ оказаться недоволенъ которымъ-нибудь изъ приближенныхъ. Тогда съ помощью другихъ, лично не-

расположенныхъ къ человѣку, навлекшему на себя его немилость, государь удалялъ его или даже „уничтожалъ“, словомъ избавлялся отъ непріятнаго ему совѣтника, хотя бы тотъ въ свое время и оказалъ монарху большія услуги. Чувства привязанности и благодарности рѣдко живутъ при дворахъ... Тамъ люди, смѣняя другъ друга, проходятъ безслѣдно, какъ тѣни волшебнаго фонаря... Едва лишь выбывалъ одинъ изъ кружка олигарховъ (вслѣдствіе „опалы“, старости или смерти), какъ на вакантное мѣсто немедленно же предлагался ихъ избранникъ, „свой“ же человѣкъ.

Если же между монархомъ и командующей кучкой возникали серьезные, слишкомъ долго тянувшіеся конфликты, вслѣдствіе чего страдали личные интересы тѣхъ или другихъ вліятельныхъ сановниковъ или вообще интересы высшихъ сословій, если со стороны взбунтовавшагося государя начинала угрожать опасность его приближеннымъ, тогда государя устраняли—лишали престола или убивали, иногда даже свѣдома и согласія его близкихъ родственниковъ. Исторія Византіи и другихъ государствъ Востока представляетъ тому немало примѣровъ: дворцовыя революціи, дворцовые перевороты—обычное явленіе въ исторіи деспотическихъ монархій.

Положеніе, чреватое всевозможными опасностями, создается для абсолютнаго монарха и для государства тѣмъ, что изъ сообщеній своихъ сановниковъ государь никогда не знаетъ всей правды о положеніи дѣлъ, о настроеніи умовъ, объ истинныхъ потребностяхъ и чаяніяхъ народа, вообще о жизни народныхъ массъ,—и не узнаетъ онъ всей правды до могилы, если только какой-нибудь необыкновенно счастливый случай не раскроетъ ему глазъ, не бросить луча свѣта въ окружающія его искусственныя потемки и не раздвинетъ его умственнаго кругозора. Такіе случаи рѣдки, очень рѣдки въ жизни абсолютныхъ монарховъ: властвующая клика отдѣляетъ ихъ отъ міра, какъ непроницаемой стѣной, тщательно охраняя ихъ отъ вліянія всякихъ живыхъ вѣяній извнѣ.

Не зная всей правды, ведя жизнь изолированную, чуждый жизни родного народа, монархъ не можетъ уразумѣть многаго изъ совершающагося въ мірѣ; многое для него является неразрѣшимой загадкой. Волей-неволей, какъ уже сказано, онъ бываетъ вынужденъ смотрѣть на вещи глазами его окружающихъ. Съ юныхъ лѣтъ онъ считаетъ себя существомъ высшей расы и такъ же, какъ его приближенные, съ юныхъ лѣтъ начинаетъ смотрѣть съ презрѣніемъ на народъ, какъ на стадо скота, которое ему и его близкимъ свыше поручено пасти и стричь и для управленія которымъ нуженъ лишь крѣпкій, длинный бичъ. Одинъ государь, жившій въ концѣ XVIII вѣка, во время Великой французской Революціи, разсуждая однажды съ сыновьями о событіяхъ, происходившихъ во Франціи, сказалъ: „Vous voyez, mes enfants, qu'il faut traiter les hommes comme des chiens!“ Въ представленіи этого государя народъ являлся даже не стадомъ, а стаей собакъ... Съ такимъ-то презрѣніемъ деспоты взирали на подвластные имъ народы.

Такъ какъ олигархи дѣйствовали въ своихъ личныхъ интересахъ или въ интересахъ своего сословія, не обращая вниманія на самыя насущныя потребности, на нужды и страданія народа, видя въ народѣ лишь источникъ наживы, то, естественно, народъ прозябалъ въ умственной темнотѣ, въ невѣжествѣ, въ нищетѣ, и поэтому-то деспотическія монархіи всегда оказывались самыми жалкими, самыми отсталыми, наименѣе цивилизованными странами. Знаніе—сила; поэтому властвующій классъ тщательно наблюдалъ за тѣмъ, чтобы въ народъ не проникалъ свѣтъ знанія. Умственно развитый народъ легко пойметъ тѣ сложныя махинаціи, съ помощью которыхъ горсть людей въ своихъ интересахъ держитъ его какъ бы на положеніи рабочаго скота; сознавъ свои человѣческія права, народъ уже не потерпитъ надъ собой произвола и насилія.

Монархъ согласно указаніямъ и разъясненіямъ приближенныхъ вѣрилъ или притворялся вѣрящимъ, что въ госу-

дарствѣ все благополучно и проявляющееся порой народное недовольство съ ихъ словъ считалъ (искренно или притворно) результатомъ какихъ-то злоумышленныхъ происковъ. Издали, изъ оконъ дворца народныя движенія представлялись какой-то безтолковой смутой, дерзкимъ вызовомъ, заслуживавшимъ лишь строжайшей кары. И кары, бичи и скорпіоны, не заставляли себя ждать: они обрушивались на мятущійся народъ, страстно, не щадя жертвъ, искавшій выхода изъ своего невыносимо тяжкаго положенія. Слезами и кровью написана исторія деспотій древнихъ и новыхъ временъ.

Но, несмотря на всѣ преграды, на бичи и скорпіоны, мысль, сознаніе—хотя туго, съ трудомъ—пробивались въ умы народа. Изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ вѣка въ вѣкъ накоплялось въ средѣ народа недовольство, какъ горючій матеріалъ, народъ ожесточался и, наконецъ, происходилъ взрывъ народнаго негодованія. И тѣ, кто взялъ на себя отвѣтственность за судьбы народа, дѣлались въ эти дни жертвами народнаго гнѣва.

Хотя—по теоріи неограниченный—абсолютный монархъ, въ дѣйствительности, является въ дѣлахъ правленія весьма ограниченнымъ волею его окружающихъ; хотя на тронѣ онъ не чувствуетъ себя гарантированнымъ отъ опасностей дворцоваго переворота, военныхъ заговоровъ и народныхъ возстаній, хотя, по словамъ шекспировскаго Ричарда II, „Смерть царитъ въ коронѣ королей“, но тѣмъ не менѣе еще никогда, какъ извѣстно, не бываетъ недостатка въ претендентахъ на тронъ абсолютнаго манарха, и даже государи, дѣды которыхъ уже лишились абсолютной власти, еще долго послѣ такой потери (какъ, напр., нѣмецкіе правители послѣ 48 года) со вздохомъ сожалѣнія оглядывались на „доброе старое“ время.

Въ этомъ фактѣ, кажущемся живымъ противорѣчіемъ, противорѣчія не существуетъ; это кажущееся противорѣчіе

можетъ быть легко разъяснено, если обратиться къ психологіи, заглянуть въ человѣческую душу.

Хотя абсолютный монархъ и мало проявляетъ свою инициативу въ государственныхъ дѣлахъ, хотя онъ нерѣдко сознаетъ себя вынужденнымъ исполнять волю, желанія другихъ людей, по его мнѣнію, необходимыхъ для его спокойствія и безопасности, но зато ему—какъ бы въ видѣ утѣшенія—предоставляется все внѣшнее, показное величіе. Богатство, представительство, всевозможныя почести, аттрибуты высокаго положенія, громкіе, пышные титулы, преклоненіе окружающихъ—льстятъ ему и, дѣйствительно, нѣсколько вознаграждаютъ его за потерю полноты власти, какая слѣдуетъ ему по теоріи, въ принципѣ, и которую признаютъ за нимъ въ народѣ: его честолюбіе, самолюбіе, тщеславіе, гордость находятъ удовлетвореніе въ предоставленномъ для его пользованія мишурномъ блескѣ.

Деспоту иногда воздаются почти божескія почести; служители Божіи льстятъ ему, низкопоклонничаютъ; раболѣпное подслуживаніе ему считается дѣломъ благороднымъ; молодыя, красивыя женщины, даже изъ знатнаго рода, почитаютъ за честь побывать въ его объятіяхъ. Для человѣка съ грубыми вкусами, мало развитаго, нетребовательнаго мишура сходитъ за золото, ходьба на ходуляхъ замѣняетъ для него истинное величіе, холопство, низкопоклонничество онъ принимаетъ за благоговѣніе, съ какимъ люди относятся лишь къ Божеству, въ продажныхъ ласкахъ матронъ-аристократокъ онъ видитъ настоящую любовь и преклоненіе...

Власть обаятельна и для незауряднаго человѣка, а для умственно ограниченнаго субъекта обаятельна даже и тѣнь власти, и онъ дорожитъ властью, даже не пользуясь ею во всей полнотѣ, но лишь утѣшая себя сознаніемъ, что люди считаютъ его всевластнымъ, всемогущимъ существомъ,—а иногда деспотъ и дѣйствительно мнитъ себя таковымъ. Несмотря на ограниченность своей власти, абсолютные монархи, ослѣпленные внѣшнимъ блескомъ, бываютъ одержимы „гор-

делимымъ умопомѣшательствомъ"... „Государство, это—я!" заявляетъ Людовикъ XIV. „Здѣсь вашъ законъ!" ударяя себя въ грудь, говоритъ другой государь (по поводу какого-то его рѣшенія, не согласнаго съ закономъ). Впрочемъ, подъ конецъ жизни нѣкоторые изъ этихъ самообманывающихся людей приходили къ сознанію своего безсилія, призрачности своего царственнаго могущества.

Монарху, стѣсненному въ дѣлахъ правленія, предоставляется, какъ уже сказано, полный просторъ для удовлетворенія страстей, и въ этой области онъ является, воистину, неограниченнымъ властителемъ. Въ этой области, изъ числа уже указанныхъ преимуществъ, предоставленныхъ въ его пользованіе, монархъ можетъ широко и безпрепятственно пользоваться одной изъ существенныхъ прерогативъ абсолютизма, самой заманчивой для нравственно неразвитаго человѣка—въ своихъ личныхъ интересахъ, по произволу, безнаказанно нарушать права всѣхъ (лишь съ непремѣннымъ, всегда подразумѣваемымъ, условіемъ,—по возможности щадить интересы своихъ приближенныхъ и высшихъ сословій вообще).

Досугъ, богатство, власть, угодничество даютъ деспоту возможность исполнять всѣ свои прихоти и капризы, всѣ самыя нелѣпыя затѣи. Приближенные не только не препятствуютъ монарху въ этомъ отношеніи, но еще поощряютъ его, потворствуютъ его слабостямъ и порокамъ, и онъ безудержу предается иногда самымъ низменнымъ, позорнымъ страстямъ. И деспотизмъ нигдѣ не проявляется съ такой силой, такъ ярко, какъ въ сферѣ страстей. Тутъ деспотизмъ ничѣмъ не стѣсняемъ, тутъ для него не существуетъ никакихъ запретовъ, никакихъ законовъ—ни божескихъ, ни человѣческихъ (кромѣ законовъ природы, не освобождающей деспота изъ-подъ своей власти). Его высокомѣріе, гордыня, алчность, сладострастіе, самое гнусное, отвратительное распутство, мстительность, жестокость находятъ для себя удовлетвореніе, достигая иногда до невѣроятной разнузданности

Въ личныхъ дѣлахъ руки деспота развязаны: онъ можетъ осуществлять всякую прихоть, свое самое нелѣпое желаніе, хотя бы исполненіе ихъ стоило десятки, сотни тысячъ человѣческихъ жизней и громадныхъ денегъ.

Сладострастникъ окружаетъ себя женщинами и для ихъ удовольствія расточаетъ народныя деньги. Напр., у Лолліи Паулины, любовницы императора Клавдія, одинъ лишь уборъ стоилъ—на наши деньги—до 2 милліоновъ рублей. Государь-гастрономъ питается лишь самыми изысканными кушаньями, чего бы они ни стоили. Каждый пиръ императора Геліогабала стоилъ 100,000 сестерцій (около 1 милліона руб.) Императоръ Вителлій въ теченіе 3 мѣсяцевъ своего правленія сожралъ 900,000 сестерцій. Развратникъ открыто позоритъ себя всевозможными половыми излишествами, какъ, напр., Неронъ и др. Монархъ, зараженный любовью къ роскоши, какъ Геліогабалъ, Калигула и др., спитъ на ложѣ изъ массивнаго серебра, а его постель и подушки набиваются пухомъ изъ-подъ крыльевъ куропатокъ, ѣздитъ на колесницахъ, обложенныхъ сплошь золотомъ и серебромъ, кушанья у него подаютъ на золотыхъ блюдахъ; онъ съ громадными издержками воздвигаетъ себѣ фантастическіе дворцы. Монархъ съ звѣрскими инстинктами наслаждается убійствами, зрѣлищемъ казней и всякаго рода человѣческихъ страданій,—какъ Домиціанъ, Каракалла и др., проливаетъ, буквально, потоки крови, иногда и самъ принимаетъ участіе въ истязаніяхъ, соперничая съ палачомъ. Деспоты, задавшіеся цѣлью обезсмертить свое имя грандіозными памятниками и передать вмѣстѣ съ ними отдаленнѣйшему потомству, царямъ и народамъ, повѣсть о своихъ славныхъ подвигахъ, всѣ эти Хеопсы, Тутмозисы, Рамзесы повелѣвали сооружать себѣ усыпальницы въ видѣ громадныхъ пирамидъ, надъ созиданіемъ которыхъ непроизводительно расточался народный трудъ и безполезно гибла во славу фараоновъ масса человѣческихъ жизней. Государь, одержимый гордыней, самъ себя провозглашалъ богомъ (какъ Калигула и Домиціанъ), заста-

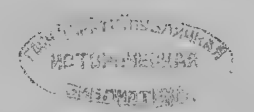
вялъ воздвигать себѣ статуи, алтари, заставлялъ молиться себѣ и приносить жертвы, какъ богу...

Мы приведемъ рядъ фактовъ изъ жизни римскихъ императоровъ для того, чтобы на конкретныхъ примѣрахъ указать, что деспоты, несмотря на ограниченность своей власти, несмотря на отвѣтственность и опасность своего положенія, съ жадностью хватаются за власть, идя къ ней даже по трупамъ самыхъ близкихъ родственниковъ, по трупамъ родныхъ братьевъ, (какъ, напр., Каракалла), потому что эта власть, въ соединеніи съ внѣшнимъ величіемъ и блескомъ, даетъ имъ возможность удовлетворять безудержу свои страсти. И читатель убѣдится, ради чего человѣкъ съ такимъ упорствомъ цѣпляется за деспотическую власть, за произволъ, и до какихъ чудовищныхъ размѣровъ доводитъ онъ злоупотребленіе своею властью.

Мы остановились на римскихъ императорахъ потому, что они очень живо рисуются на страницахъ Исторіи и представляютъ собой цѣльный, законченный типъ... Впослѣдствіи, съ теченіемъ времени, этотъ типъ въ частностяхъ варіировался въ зависимости отъ условій мѣста и времени, въ немъ являлись или пропадали тѣ или другіе оттѣнки, но и во всѣхъ позднѣйшихъ деспотахъ (въ Филиппѣ II испанскомъ, Людовикѣ XI и др.) самыя характерныя черты этого мрачнаго, зловѣщаго типа сохранились, уцѣлѣли, — общій, основной тонъ его оставался одинъ и тотъ же даже до нашихъ дней, какъ читатель увидитъ изъ исторіи ех-султана Абдулъ-Гамида.

Да! Римскіе императоры живутъ на страницахъ Исторіи.

Образы этихъ деспотовъ до того ярки, до того типичны, что даже и теперь сквозь дымку вѣковъ они являются намъ словно вылитыми изъ бронзы, — и даже теперь, по истеченіи длиннаго ряда вѣковъ, когда смотришь на нихъ, становится страшно за человѣка...

II.

Вотъ Тиверій—звѣрски жестокій, пьяница и развратникъ...

Толстякъ, средняго роста, широкоплечій, съ лицомъ, покрытымъ прыщами, всегда угрюмый, молчаливый, говоритъ медленно, какъ бы нехотя, и при разговорѣ шевелитъ пальцами; ходитъ, склонивъ голову на сторону, словно все къ чему-то прислушиваясь...

Уже смолоду за нимъ упрочилась репутація пьяницы, а сдѣлавшись императоромъ, онъ уже сталъ безудержу предаваться этому пороку. Однажды онъ два дня и двѣ ночи подъ-рядъ пьянствовалъ съ Помпоніемъ Флаккомъ и Луціемъ Пизономъ—въ то время, какъ задумывалъ различныя преобразованія для поднятія общественной нравственности. Послѣ этого двухдневнаго кутежа онъ назначилъ одного изъ своихъ сотрапезниковъ намѣстникомъ Сиріи, а другого—римскимъ префектомъ... Изъ числа нѣсколькихъ весьма достойныхъ кандидатовъ на должность квестора Тиверій утвердилъ какого-то неизвѣстнаго, ничтожнаго человѣка только потому, что тотъ у него за столомъ выпилъ цѣлый кувшинъ вина, налитаго ему самимъ Тиверіемъ... Тиверій однажды пожелалъ ужинать у Сестія Галла, расточительнаго и развратнаго старика, съ тѣмъ условіемъ, чтобы тотъ ради него ничего не измѣнялъ въ своихъ домашнихъ порядкахъ и чтобы за ужиномъ, по заведенному имъ обыкновенію, имъ прислуживали голыя дѣвушки.

Въ своемъ любимомъ убѣжищѣ, на островѣ Капри, Тиверій погружался въ самое необузданное распутство. Тамъ въ его присутствіи юноши и дѣвушки предавались разврату для того, чтобы такимъ зрѣлищемъ оживить угасшія желанія сластолюбиваго старика. Въ его дворцѣ были собраны картины соблазнительнаго содержанія и такія же книги за тѣмъ, чтобы молодые люди повсюду находили уроки и образцы всевозможнаго какъ самаго грубаго, такъ и самаго

утонченнаго разврата. Рощи и лѣса были посвящены Венерѣ, и здѣсь въ гротахъ и въ пещерахъ скалъ молодежь обоего пола, въ видѣ нимфъ и сильвановъ, отдавалась любовнымъ наслажденiямъ.

Не будемъ говорить о томъ, что̀ Тиверiй дѣлалъ съ дѣтьми, которыхъ называлъ своими „маленькими рыбками“. Всевозможныя гнусности, придуманныя съ помощью распущенной фантазiи, осуществлялись Тиверiемъ на дѣлѣ...

Одинъ гражданинъ завѣщалъ императору картину Парразiя, на которой Аталанта была изображена съ Мелеагромъ въ такой позѣ, о какой даже намекомъ неудобно говорить. Картина была завѣщана съ тѣмъ, что если она не понравится Тиверiю, то онъ можетъ вмѣсто нея получить миллiонъ сестерцiй. Тиверiй, несмотря на свою жадность къ деньгамъ, предпочелъ оставить у себя эту скверную картину и повѣсилъ ее въ своей спальнѣ.

Во время одного жертвоприношенiя Тиверiю очень понравился юноша, подносившiй ему ѳимiамъ для куренiя. Съ трудомъ дождавшись конца религiозной церемонiи, Тиверiй изнасиловалъ этого юношу, а также и его брата флейтиста, а затѣмъ черезъ нѣсколько времени велѣлъ перебить имъ ноги за то, что они упрекали другъ друга въ позорѣ... Тиверiй также безжалостно игралъ жизнью и честью женщинъ. Маллонiя, почтенная женщина изъ аристократической среды, упорно отказывалась удовлетворить его желанiя, и за то Тиверiй съ помощью доносчиковъ обвинилъ ее въ какомъ-то вымышленномъ преступленiи и на судѣ продолжалъ спрашивать ее, не одумалась ли она? Маллонiя, не дожидаясь приговора, покончила самоубiйствомъ, передъ смертью публично обозвавъ Тиверiя за его безстыдство „старымъ вонючимъ козломъ“.

Къ этимъ двумъ порокамъ—къ пьянству и распутству—въ Тиверiи присоединилась еще алчность къ деньгамъ. Угрозами онъ заставлялъ римскихъ богачей назначать его своимъ единственнымъ наслѣдникомъ. Онъ конфисковалъ иму-

щества многихъ гражданъ въ Галліи, Испаніи, Сиріи и Греціи подъ самыми наглыми предлогами. Много городовъ и частныхъ лицъ было лишено ихъ старинныхъ привилегій, напр., права добывать металлы. Воинамъ-ветеранамъ онъ неохотно давалъ отставки, разсчитывая на то, что они умрутъ, оставаясь на службѣ, и ихъ скромныя сбереженія послѣ ихъ смерти перейдутъ къ нему. Онъ даже не постѣснился ограбить и убить изгнанника, парфянскаго царя Вонона, когда тотъ отдался подъ покровительство римлянъ и прибылъ со своими сокровищами въ Антіохію.

Тиберій, какъ всякій деспотъ, ненавидѣлъ и боялся тѣхъ, кто пользовался общественнымъ уваженіемъ и любовью, и, какъ всякій деспотъ, постоянно опасался за свою власть и за свою особу. „Тотъ, кого многіе боятся, неизбѣжно долженъ въ свою очередь бояться многихъ“, какъ сказалъ Децимъ Лаберій по адресу Юлія Цезаря. Германикъ, одинъ изъ родственниковъ Тиберія, былъ любимцемъ народа, и Тиберій, возненавидѣвъ его самою лютою ненавистью, поручилъ одному изъ своихъ клевретовъ, Кнею Пизону, отравить его. Несмотря на страхъ, внушаемый Тиберіемъ, долго по ночамъ близъ императорскаго дворца, послѣ смерти Германика, слышались крики: „Отдай Германика!“ Тиберій не удовольствовался гибелью ненавистнаго ему человѣка; онъ сталъ жестоко преслѣдовать пользовавшихся популярностью его вдову, Агриппину, и его сыновей. Агриппина уморила себя голодомъ, два старшіе сына также умерли голодной смертью. Одинъ изъ нихъ самъ уморилъ себя голодомъ послѣ того, какъ палачъ показалъ ему орудія казни—петлю и крюкъ; брата его уморили голодомъ тюремщики, причемъ этотъ несчастный такъ страдалъ, что принимался ѣсть набивку изъ своей подушки.

Когда Тиберій былъ еще мальчикомъ, его наставникъ, риторъ Теодоръ, уже разглядѣлъ въ немъ будущаго злодѣя и называлъ его „грязью, смѣшанною съ кровью“. И его воспитанникъ впослѣдствіи всей своей жизнью оправдалъ эту

характеристику. Жестокость Тиверія, повидимому, не знала границъ... Историкъ говоритъ, что во время его правленія не проходило безъ казней ни одного дня, не исключая ни праздниковъ, ни дня новаго года. Однимъ приговоромъ иногда присуждались къ смертной казни и жены, и дѣти обвиняемыхъ. Напримѣръ, вся семья павшаго временщика, Сеяна, была приговорена къ смерти. Дочь Сеяна, еще ребенокъ, наивно спрашивала палача, несшаго ее на висѣлицу, за что̀ ее уносятъ изъ дому, и обѣщала вести себя хорошо. Палачъ публично растлилъ ее, а потомъ повѣсилъ... Родственникамъ было запрещено оплакивать казненныхъ. Большія награды давались обвинителямъ и свидѣтелямъ (вѣрнѣе—лжесвидѣтелямъ). Всякій доносчикъ, шпіонъ былъ желаннымъ гостемъ для правительства Тиверія.

Нѣкоторые подсудимые, увѣренные въ томъ, что они въ угоду императору будутъ осуждены на казнь, сами наносили себѣ смертельныя раны, чтобы избавиться отъ пытокъ и позора, но раны ихъ перевязывали, и людей, полумертвыхъ, влекли въ тюрьму, а оттуда на мѣсто казни. Въ одинъ день бывало до 20 смертныхъ казней; казнили женщинъ и дѣтей. По обычаю, было не принято удавливать дѣвственницъ, а поэтому палачъ передъ казнью насиловалъ дѣвушекъ, а затѣмъ уже вѣшалъ ихъ... Тиверій заставлялъ жить тѣхъ, кто хотѣлъ умереть, ибо онъ находилъ, что смерть—легкая казнь. Ему было пріятнѣе позорить, томить, мучить, терзать человѣка, чѣмъ разомъ отнять у него жизнь. Когда одинъ узникъ, Корвилій, кончилъ самоубійствомъ, Тиверій съ досадой вскричалъ: „Корвилій ускользнулъ отъ меня!"

Долго послѣ смерти Тиверія показывали на островѣ Капри мѣсто казней. Это была скала, съ которой, въ присутствіи Тиверія, осужденныхъ, послѣ долгихъ и утонченныхъ пытокъ, сбрасывали въ море, но страданія несчастныхъ этимъ не кончались: матросы, бывшіе въ морѣ, подъ скалой, баграми и веслами подхватывали падавшихъ и окончательно добивали ихъ.

Народъ ненавидѣлъ Тиверія и публично оскорблялъ его. Осужденные въ лицо поносили его. Императоръ получалъ ругательныя анонимныя письма; оскорбительные надписи и стихи о немъ распространялись по Риму. Въ одномъ стихотвореніи, напримѣръ, о Тиверіи говорилось: „Ему не нравится вино, теперь онъ жаждетъ крови, онъ пьетъ ее такъ же жадно, какъ раньше пилъ вино"... Тиверій то хотѣлъ изъ чувства стыда скрывать наносимыя ему оскорбленія, то притворялся презирающимъ ихъ. Сознавая свое безсиліе, онъ съ яростью обрушивался на писателей. Поэтъ Мамеркъ Скавръ былъ обвиненъ за то, что въ его трагедіи оказались непочтительныя выраженія по адресу Агамемнона (принятыя за намекъ на Тиверія). Скавръ и жена его кончили самоубійствомъ. Историкъ, Кремуцій Кордъ обвинялся въ томъ, что въ своемъ сочиненіи назвалъ Брута и Кассія „послѣдними римлянами". Оба сочиненія были уничтожены, хотя они и были написаны за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ и были даже читаны Августу.

Парѳянскій царь Артабанъ въ письмѣ къ Тиверію, укоряя его въ убійствахъ, совѣтовалъ ему скорѣе удовлетворить вполнѣ справедливую и неумолимую ненависть къ нему народа добровольной смертью. Его совѣтъ, конечно, не былъ принятъ.

Умеръ ли Тиверій естественною смертью, былъ ли отравленъ или задушенъ, какъ утверждали нѣкоторые, въ точности неизвѣстно. Только извѣстно, что слухъ объ его смерти былъ съ восторгомъ встрѣченъ народомъ. „Въ Тибръ Тиверія!"—слышались крики. Предлагали стащить его трупъ въ Гемоніи [1]). Солдаты избавили трупъ императора отъ поруганія и сожгли его. Но солдатамъ не удалось очистить память его въ потомствѣ... Ненависть народа пережила Тиверія.

„Я оставляю Кая въ живыхъ на горе ему и другимъ... Я воспиталъ ехидну для римскаго народа!"—съ злорадствомъ

[1]) Крутая лѣстница въ скалѣ, спускавшаяся къ Тибру, по которой крючьями волочили трупы казненныхъ и бросали въ рѣку.

говорилъ Тиверій о своемъ наслѣдникѣ, очевидно, разгадавъ его характеръ.

И, дѣйствительно, въ распутствѣ, въ жестокости и въ цинизмѣ Калигула не только не уступалъ своему дядѣ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже превзошелъ его. Характерныя черты деспота-тирана выразились въ немъ еще съ бо́льшей силой, чѣмъ въ Тиверіи.

Презрѣніе къ людямъ, къ человѣческому достоинству, самолюбіе, гордыня, сознаніе неограниченной власти, сознаніе возможности дѣйствовать по произволу, исполнять всякое безсмысленное, даже иногда самое чудовищное желаніе, безнаказанно унижать, мучить людей—дошли въ Каѣ до грандіозныхъ размѣровъ. Онъ уже недовольствовался тѣми почестями и поклоненіемъ, какія воздавались ему, какъ императору, онъ захотѣлъ бо́льшаго... Онъ самъ себя возвелъ въ божество и сталъ требовать себѣ божескихъ почестей. У него былъ свой храмъ, и въ храмѣ стояла его золотая статуя во весь ростъ; были у него свои жрецы, и ему приносились жертвы, болѣе изысканныя, чѣмъ прочимъ богамъ (павлины, фламинго, нумидійскія куры, фазаны). И, стоя между статуями Кастора и Поллукса, Калигула, въ роли бога, принималъ поклоненіе.

Въ томъ фактѣ, что Кай Калигула обожествлялъ себя, нѣкоторые историки видятъ признакъ безумія и считаютъ Калигулу маньякомъ. Въ извѣстномъ смыслѣ, конечно, всѣ деспоты были маньяками. Но нельзя считать между ними Калигулу сумасшедшимъ par excellence лишь за то, что онъ обожествлялъ себя. Въ позднѣйшія времена деспоты объявляли же себя ставленниками свыше, людьми избранными, посланными Богомъ властвовать надъ милліонами своихъ ближнихъ, но ихъ не признавали и не признаютъ сумасшедшими. А между тѣмъ разница между ними и Калигулой въ данномъ случаѣ лишь въ томъ, что этотъ римскій императоръ пошелъ немного далѣе ихъ...

Въ роли божества Калигула могъ уже легко дойти до

признанія себя властелиномъ вселенной, владыкой надъ всѣми царями. Поэтому-то однажды, когда цари, пріѣхавшіе въ Римъ, обѣдали у императора и за столомъ заспорили о знатности своего происхожденія, Калигула воскликнулъ: „Да будетъ единый властитель, царь да будетъ единый!“—подразумѣвая подъ „единымъ властителемъ“, конечно, самого себя. Эта выходка Калигулы не должна показаться особенно нелѣпой, если вспомнить тѣ принципы, какіе заявлялись деспотическими правителями Востока (богдыханами, султанами, ханами, шахами).

Божественность не препятствовала Калигулѣ предаваться разврату. Можетъ быть, беря примѣры съ похотливыхъ, сладострастныхъ боговъ Греціи, онъ даже воображалъ, что, распутничая, онъ выполняетъ одну изъ божескихъ функцій.

Калигула жилъ въ преступной связи со всѣми своими сестрами, но особенно любилъ изъ нихъ одну—Друзиллу. По разсказамъ современниковъ, онъ еще мальчикомъ лишилъ ее невинности. Онъ выдалъ ее замужъ за Луція Лонгина, но затѣмъ отнялъ ее у мужа и открыто жилъ съ нею. Когда она умерла, онъ установилъ въ Римѣ глубокій трауръ (напримѣръ, было строжайше запрещено публично смѣяться, устраивать домашнія собранія—хотя бы только для родственниковъ, ходить въ бани). Остальныхъ сестеръ онъ любилъ меньше и даже иногда предоставлялъ ихъ своимъ пріятелямъ...

Ни одна римлянка во дни его правленія не могла считать себя въ безопасности... Явившись на свадьбу Ливіи Орестиллы, выходившей замужъ за Кая Пизона, онъ приказалъ отвести ее къ себѣ во дворецъ и черезъ нѣсколько дней прогналъ ее. Узнавъ, что бабка Лолліи Паулины, жены бывшаго консула, Кая Меммія, отличалась смолоду замѣчательной красотой, Калигула повелѣлъ вызвать ее изъ провинціи, недолго потѣшился надъ нею и отослалъ обратно, запретивъ ей, послѣ того имѣть сношеніе съ мужчинами. Всего долѣе онъ оставался вѣренъ Цезоніи, женщинѣ крайне

развратной, некрасивой, немолодой и не особенно умной. Онъ страстно любилъ ее: эта безстыдная распутница словно околдовала его. Калигула говаривалъ, что онъ когда-нибудь, хотя бы подъ пыткой, узнаетъ отъ нея: „почему онъ такъ горячо ее любитъ“. Цезонія въ военномъ плащѣ и шлемѣ, съ копьемъ въ рукѣ, парадировала иногда вмѣстѣ съ нимъ передъ солдатами. Подъ веселый часъ Калигула показывалъ ее голою своимъ товарищамъ по разврату.

Вступая въ сношенія съ публичными женщинами, въ родѣ Пираллиды, Калигула въ то же время не оставлялъ въ покоѣ и порядочныхъ женщинъ. Онъ приглашалъ ихъ съ мужьями къ себѣ на ужинъ и заставлялъ ихъ проходить передъ собой, внимательно и подробно осматривая ихъ съ головы до ногъ, а когда женщины со стыда поникали головой, онъ бралъ ихъ за подбородокъ и насильно поднималъ имъ голову. Ту изъ нихъ, которая ему болѣе понравилась, онъ уводилъ въ сосѣднюю комнату, не стѣсняясь присутствіемъ мужа и, возвратившись въ залу, безстыдно хвалилъ или порицалъ ее, разсказывая во всеуслышаніе о достоинствахъ или недостаткахъ ея тѣлосложенія... Онъ предавался противоестественному разврату съ Маркомъ Лепидомъ, съ танцовщикомъ Мнестеромъ, съ которымъ онъ публично цѣловался въ театрѣ. Валерій Катуллъ, юноша изъ хорошаго семейства, открыто заявлялъ, что Калигула развратилъ его...

Какъ всякій деспотъ, Калигула, до нѣкоторой степени, былъ одержимъ „горделивымъ умопомѣшательствомъ“. Онъ желалъ, чтобы только на него одного было исключительно обращено общественное вниманіе, чтобы только имъ интересовались и восхищались, чтобы только передъ нимъ все преклонялось, чтобы его считали образцомъ и идеаломъ во всѣхъ отношеніяхъ и благоговѣли, какъ передъ божествомъ.

Онъ низложилъ консуловъ за то, что они забыли объявить о годовщинѣ дня его рожденія, и въ теченіе нѣсколькихъ дней Римъ оставался безъ первыхъ государственныхъ сановниковъ. Однажды во время гладіаторскихъ игръ одинъ

изъ бойцовъ на колесницахъ, Порій, оставшись побѣдителемъ, далъ вольную своему рабу. Такой поступокъ былъ встрѣченъ со стороны публики громомъ аплодисментовъ. Калигула въ раздраженіи сорвался съ мѣста и съ такой поспѣшностью сталъ сходить съ лѣстницы, наступая на полу своей тоги, что едва не упалъ. Уходя, онъ съ яростью кричалъ, что „римскій народъ изъ-за пустяковъ оказываетъ больше почестей какому-нибудь гладіатору, чѣмъ ему"... Калигула былъ плѣшивъ и завидовалъ людямъ съ хорошими, густыми волосами. Поэтому всѣхъ мужчинъ съ роскошной шевелюрой, попадавшихся ему на глаза, онъ обезображивалъ, приказывая брить имъ затылокъ.

Стоя однажды передъ статуей Юпитера, Калигула спросилъ трагика Апелла: „кто выше въ его глазахъ—онъ, Калигула, или Юпитеръ?" Актеръ замялся, не зная, какъ лучше отвѣтить, чтобы не обидѣть императора и не совершить кощунства. За такое колебаніе Калигула приказалъ тутъ же, при себѣ, высѣчь его плетьми, и когда тотъ заревѣлъ отъ боли и взмолился о пощадѣ, Калигула съ насмѣшкой сказалъ, что „голосъ у него замѣчательно пріятенъ, даже среди стоновъ"... Въ то время жилъ въ Римѣ нѣкто, Эзій Прокулъ, сынъ центуріона, прозванный „Исполинскимъ Эротомъ" за свой необыкновенно высокій ростъ и за красоту. Калигула, увидѣвъ его въ циркѣ, велѣлъ его вытащить изъ среды публики, вывести на арену и заставилъ его бороться съ двумя гладіаторами. Когда Прокулъ побѣдилъ ихъ, императоръ велѣлъ немедленно связать его, одѣть въ лохмотья, провести съ позоромъ по улицамъ и—зарѣзать... И все это за то, что люди имъ восхищались. Птолемей, родственникъ Калигулы, былъ убитъ по его повелѣнію только потому, что императоръ замѣтилъ, какъ Птолемей, войдя въ театръ, обратилъ на себя вниманіе публики блескомъ своего костюма.

Даже давно умершіе знаменитые люди не давали императору покоя. Статуи великихъ людей, стоявшія на Марсо-

вомъ полѣ, Калигула велѣлъ сбросить съ пьедесталовъ и разбить. Онъ задумывалъ уничтожить поэмы Гомера и изъять изъ библіотекъ бюсты и сочиненія Виргилія и Тита Ливія...

„Своею расточительностью Кай Калигула оставилъ за собой всѣхъ выдающихся мотовъ",—говоритъ историкъ. Онъ придумалъ новаго устройства бани и мылся теплыми или холодными благовоніями; кушанья подавались на золотыхъ блюдахъ. По его повелѣнію были выстроены нѣсколько легкихъ морскихъ судовъ, корма которыхъ была украшена драгоцѣнными камнями. На этихъ судахъ находились бани, портики, множество виноградныхъ кустовъ и различныя фруктовыя деревья. И императоръ, лежа на палубѣ, съ музыкой, плавалъ вдоль береговъ Кампаніи. Для его коня, Инцитата, была выстроена мраморная конюшня и сдѣланы стойла изъ слоновой кости. Конь покрывался пурпуровой попоной и украшался ожерельемъ изъ драгоцѣнныхъ камней. Цѣлый штатъ прислуги состоялъ при немъ. Калигула посылалъ къ сосѣдямъ солдатъ съ приказаніемъ не шумѣть, не безпокоить Инцитата. Въ Римѣ даже поговаривали, что онъ хотѣлъ свою лошадь сдѣлать консуломъ... Кучеру Евтиху за одной попойкой Калигула подарилъ на гостинцы 2 милліона сестерцій... Менѣе чѣмъ въ годъ этотъ императоръ промоталъ колоссальныя суммы, въ томъ числѣ цѣликомъ оставленные Тиберіемъ 2.700.000,000 сестерцій.

Разорившись и нуждаясь въ деньгахъ, Калигула превратился въ грабителя. Угрозами онъ принуждалъ гражданъ объявлять его своимъ наслѣдникомъ, и если послѣ составленія завѣщанія они долго не умирали, Калигула посылалъ имъ отравленныя сласти. Онъ похищалъ изъ дворцовъ старинныя вещи, устраивалъ аукціоны и принуждалъ публику покупать вещи по высокой цѣнѣ. Онъ установилъ новые, неслыханные дотолѣ налоги: ни одна вещь, ни одинъ человѣкъ не освобождались отъ нихъ. Носильщикъ, напримѣръ, долженъ былъ платить $^1/_8$ часть своего суточнаго за-

работка; каждая проститутка уплачивала стоимость одного визита. Желая пустить въ ходъ всѣ средства для добыванія денегъ, императоръ устроилъ во дворцѣ публичный домъ, гдѣ выставлялись на продажу дѣвушки и мальчики. По городу ходили глашатаи, заманивавшіе на развратъ молодежь и стариковъ... Однажды Калигула объявилъ, что въ Новый годъ будетъ принимать подарки, и, дѣйствительно, въ день Новаго года всталъ въ передней своего дворца для собиранія денегъ. Иногда ему приходила фантазія порыться въ деньгахъ: то онъ ходилъ босикомъ по грудамъ золотыхъ монетъ, разсыпанныхъ по полу, то валялся на нихъ...

Сластолюбіе, развратъ, какъ извѣстно, часто идутъ объ-руку съ жестокостью. Калигула былъ свирѣпо жестокъ: онъ находилъ наслажденіе въ томъ, чтобы причинять людямъ самыя нестерпимыя страданія, истязать, мучить и притомъ еще подло издѣваться надъ своими жертвами. Нѣкоторымъ фактамъ его кровожаднаго неистовства нельзя было бы дать вѣры—до того они чудовищны, безчеловѣчны,—если бы они не были занесены на страницы исторіи со всѣми ихъ ужасающими подробностями, съ указаніемъ именъ и мѣстъ.

Онъ убилъ своего брата, Тиверія, пославъ къ нему, вмѣсто палача, военнаго трибуна. Своего тестя, Силана, заставилъ покончить съ собой: Силанъ перерѣзалъ себѣ горло бритвой. Оба эти человѣка погублены Калигулой лишь по одному нелѣпому подозрѣнію. Онъ отравилъ свою бабку Антонію, какъ утверждали въ Римѣ. По его повелѣнію, были умерщвлены Макронъ и Эннія, помогавшіе ему овладѣть властью. Нѣсколько сенаторовъ, неугодныхъ ему, были убиты тайно, и Калигула, послѣ того, не однажды приглашалъ ихъ къ себѣ, какъ будто бы они были въ живыхъ, а затѣмъ, съ присущей ему наглостью, онъ распространилъ слухъ о томъ, что они покончили самоубійствомъ.

Когда въ Римѣ вздорожало мясо, шедшее для кормленія животныхъ въ циркѣ, то было повелѣно кормить звѣрей мясомъ преступниковъ, и этихъ несчастныхъ бросали живьемъ

на растерзаніе звѣрямъ. Калигула самъ намѣчалъ жертвы. Однажды онъ, посѣтивъ тюрьму и стоя у окошечка, осудилъ на растерзаніе звѣрямъ всѣхъ заключенныхъ, даже не освѣдомившись: всѣ ли они заслуживали смертной казни. Множество гражданъ Калигула сослалъ въ рудники; иныхъ, вмѣсто тюрьмы, заточали въ низкія, тѣсныя подземелья, гдѣ люди могли двигаться лишь ползкомъ; нѣкоторыхъ несчастныхъ распиливали надвое... И такимъ жестокимъ карамъ подвергались люди не за какія-нибудь важныя преступленія, но, напр., лишь за то, что остались недовольны публичными играми, устроенными императоромъ, или, по мнѣнію деспота, относились къ нему съ недостаточной почтительностью.

Калигула принуждалъ отцовъ присутствовать при казни ихъ сыновей. Одинъ отецъ отказался быть при казни сына, ссылаясь на нездоровье; Калигула послалъ за нимъ свои носилки. Другого гражданина, послѣ казни его сына, императоръ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ и всячески побуждалъ его быть веселымъ и смѣяться... За какую-то ничтожную кражу онъ велѣлъ отрубить руки рабу, повѣсить ихъ ему на шею и въ такомъ видѣ водить его вокругъ столовъ съ пирующими. Ради забавы онъ сталъ однажды бороться съ гладіаторомъ, и тотъ, чтобы угодить императору, далъ себя побороть и упалъ. Калигула, воспользовавшись его беззащитнымъ положеніемъ, пронзилъ его кинжаломъ и, какъ побѣдитель, ходилъ съ пальмовой вѣтвью. Завѣдывавшаго гладіаторскими играми Калигула приказалъ за какую-то оплошность въ теченіе нѣсколькихъ дней бить цѣпями въ своемъ присутствіи и заставилъ убить его лишь послѣ того, какъ зловоніе отъ его ранъ сдѣлалось невыносимо. Поэта Ателлу за одно двусмысленное стихотвореніе Калигула приказалъ сжечь живьемъ на аренѣ амфитеатра. Одинъ римскій всадникъ, осужденный на растерзаніе звѣрямъ, идя на казнь, вскричалъ, что онъ невиненъ. Императоръ тотчасъ велѣлъ привести его съ арены и вырвать у него языкъ, а затѣмъ отослалъ его на казнь.

Калигула однажды спросилъ человѣка, возвращеннаго имъ изъ ссылки, въ которой тотъ долго пробылъ по повелѣнію Тиверія, что онъ тамъ дѣлалъ? Желая задобрить императора, онъ сказалъ: „Я молилъ боговъ, чтобъ Тиверій умеръ, а ты сдѣлался бы императоромъ!“ Изъ этихъ словъ Калигула заключилъ, что всѣ сосланные имъ желаютъ его смерти, и велѣлъ всѣхъ ихъ перерѣзать. Жаждая гибели одного ненавистнаго ему сенатора, Калигула подучилъ нѣсколькихъ человѣкъ объявить его врагомъ народа, убить и разорвать его въ клочья. И императоръ успокоился лишь послѣ того, какъ члены и растерзанныя внутренности несчастнаго были принесены и брошены къ его ногамъ... Нерѣдко пытки и казни происходили въ присутствіи Калигулы, когда онъ со своими приближенными сидѣлъ за ужиномъ или предавался дебошу. Палачъ тутъ же рубилъ головы осужденнымъ. Калигула, обыкновенно, приказывалъ казнить послѣ цѣлаго ряда жестокихъ истязаній, причемъ повторялъ: „Бей такъ, чтобы онъ чувствовалъ, что умираетъ!“ Черезъ каждые десять дней онъ подписывалъ смертный приговоръ нѣсколькимъ человѣкамъ. Однажды онъ разомъ подписалъ смертный приговоръ болѣе, чѣмъ сорока лицамъ. И послѣ того, придя къ Цезоніи, еще лежавшей въ постелѣ, Калигула похвастался тѣмъ, что успѣлъ уже много сдѣлать, пока она спала...

Насколько ярко выразились въ Каѣ Калигулѣ самыя характерныя черты деспота, о томъ можно легко заключить по его двумъ-тремъ фразамъ.

Ужиная однажды съ консулами, Калигула принялся громко хохотать; консулы почтительно спросили его, надъ чѣмъ онъ такъ смѣется. „Я подумалъ о томъ, что однимъ кивкомъ головы могу заставить зарѣзать васъ обоихъ!“ Цѣлуя жену или любовницу, онъ говаривалъ: „Эта красивая голова падетъ съ плечъ, когда я захочу!“ Калигула былъ страшно взбѣшонъ, когда публика по поводу какого-то театральнаго представленія не согласилась съ его мнѣніемъ.

„О, если бы у римскаго народа была одна голова!.. воскликнулъ онъ. Калигула не договорилъ, для чего ему было желательно, чтобы у римскаго народа была одна голова: для того ли, чтобы ее можно было легче заставить думать такъ, какъ было желательно деспоту, или для того, чтобы однимъ взмахомъ меча можно было отрубить ее. (Коментаторы стараго времени, склонявшіеся въ пользу послѣдняго предположенія, можетъ статься, были правы). Калигула, очень недовольный какимъ-то замѣчаніемъ своей бабки Антоніи, сказалъ ей: „Помни, что мнѣ позволено все—въ отношеніи всѣхъ!" Онъ также любилъ повторять извѣстный стихъ изъ трагедіи „Атрей" Луція Аттія: „Пусть меня ненавидятъ, лишь бы боялись меня!"

Въ этихъ фразахъ деспотъ встаетъ передъ нами во весь ростъ, во всей своей циничной наготѣ. „Мнѣ все позволено!"—„Что хочу, то и дѣлаю!"—„Ни въ чьихъ указаніяхъ не нуждаюсь!"—„Могу безнаказанно нарушать права всѣхъ!"—„Въ любви народной не нуждаюсь! Пусть народъ ненавидитъ меня, лишь бы боялся!" Вотъ profession de foi абсолютныхъ монарховъ всѣхъ временъ и народовъ.

Въ странѣ, гдѣ государь заявлялъ: „Мнѣ все позволено; что хочу, то и дѣлаю; хочу казню, хочу милую!" разумѣется, и рѣчи не могло быть о личной и имущественной неприкосновенности, о свободѣ, о всестороннемъ развитіи личности, объ экономическомъ преуспѣяніи, о народной мощи. Абсолютный монархъ смотрѣлъ на государство, какъ на свое частное владѣніе, полученное въ наслѣдство или захваченное силой, въ управленіи которымъ онъ былъ не обязанъ никому давать отчетъ и могъ совершать всевозможныя преступленія и оставаться безнаказаннымъ, пользуясь тѣмъ, что въ его распоряженіи были копья и мечи. Совершая злодѣйства, нарушая законы, такіе правители иногда подозрительно часто и много распространялись о „народномъ благѣ", о „государственномъ спокойствіи и безопасности" и о т. под. Эти фразы служили правителямъ для оправданія совершае-

мыхъ ими жестокостей. Много такихъ фразъ было пущено въ обращеніе, и всѣ онѣ крайне избиты отъ слишкомъ продолжительнаго употребленія, всѣ онѣ крайне однообразны, какъ составленныя по шаблону, и ни одинъ, самый находчивый деспотъ не скажетъ въ этомъ отношеніи новаго слова. Попугаи сами словъ не выдумываютъ, но лишь заучиваютъ съ чужого голоса и при случаѣ повторяютъ ихъ... Но эти звонкія, громкія фразы, по существу пустыя и лживыя, иногда достигали своей цѣли, морочили людей. Прикрывшись ими, деспотъ могъ осуществлять всѣ свои сумасбродныя, безсмысленныя затѣи, могъ казнить ненавистныхъ ему людей или, черезъ третьихъ лицъ, подсылать къ нимъ убійцъ, а если убійцы бывали обнаружены и уличены въ преступленіи, то онъ могъ миловать ихъ и даже награждать тайно или явно. Въ такомъ государствѣ вмѣсто закона царилъ произволъ, вмѣсто суда — насиліе, и общество жило въ состояніи хронической анархіи, чему печальный примѣръ представляетъ императорскій Римъ во времена Калигулы, Клавдія, Нерона и др.

Калигула жаловался на то, что его царствованіе не ознаменовалось никакимъ общественнымъ бѣдствіемъ, какъ будто его правленіе само по себѣ уже не было величайшимъ бѣдствіемъ для римскаго народа. Въ правленіе Августа, говорилъ онъ, былъ разбитъ Варъ въ Тевтобургскомъ лѣсу; при Тиверіи произошелъ обвалъ театра въ Фиденахъ, а его правленіе будетъ забыто, благодаря „общему благополучію"... Онъ желалъ кровопролитной войны, голода, чумы, пожаровъ или землетрясеній. Впрочемъ, Калигула затѣялъ на подобіе войны какой-то жалкій фарсъ, прогулку на берега Рейна, гдѣ устраивалъ примѣрныя сраженія, раздавалъ награды за храбрость,—начать же дѣйствительно войну съ германцами у него не хватило мужества. Не одержавъ ни одной побѣды, даже не видавъ въ лицо непріятеля, онъ возвратился въ Римъ въ ожиданіи большого тріумфа, но долженъ былъ удовольствоваться, какъ подачей милостыни, малымъ тріумфомъ.

Впрочемъ, еще до своего знаменитаго похода Калигула уже носилъ уборъ тріумфаторовъ, а иногда даже надѣвалъ латы Александра Македонскаго, похищенныя изъ его гробницы. Иногда онъ появлялся публично въ костюмѣ Венеры, но и костюмъ богини любви и красоты къ нему шелъ такъ же мало, какъ и латы македонскаго завоевателя. Калигула былъ очень некрасивъ собой, но при этомъ онъ еще нарочно старался казаться ужаснѣе, изучая въ зеркалѣ всевозможныя страшныя гримасы.

Съ дѣтства онъ страдалъ падучей болѣзнью, и впослѣдствіи съ нимъ случался такой упадокъ силъ, что онъ едва могъ ходить или стоять, держась прямо, что̀, повидимому, было результатомъ его распутной жизни...

Для полноты его характеристики, должно упомянуть о томъ, что онъ, какъ большинство деспотовъ, былъ дерзокъ, нахаленъ и въ то же время малодушенъ и труслив. Калигула, съ презрѣніемъ относившійся къ богамъ, ругавшійся съ Юпитеромъ, при самомъ слабомъ ударѣ грома, при блескѣ отдаленной молніи зажмуривалъ глаза и закутывалъ себѣ голову, когда же гроза разражалась съ силой, онъ забивался подъ постель. Во время путешествія по Сициліи онъ насмѣхался надъ мѣстными чудесами, и вдругъ ночью бѣжалъ изъ Мессины, испугавшись дыма и грохота Этны... По ночамъ его мучила безсонница, а если онъ начиналъ дремать, то его пугали сны. Бо̀льшую часть ночи онъ проводилъ, сидя на своемъ ложѣ или бродя по длиннымъ портикамъ своего дворца и съ нетерпѣніемъ ожидая разсвѣта...

Римляне уже не разъ пытались избавиться отъ этого чудовища: два заговора были раскрыты, третій заговоръ удался. Трибунъ преторіанской когорты, Кассій Херея, съ товарищами убилъ Калигулу при возвращеніи его изъ театра. Вмѣстѣ съ императоромъ погибла подъ мечомъ центуріона и его Цезонія; дочери его размозжили голову объ стѣну. Приверженцы его тайкомъ перенесли его трупъ въ сады Ламіевъ и тамъ только наполовину сожгли его на кое-

какъ сложенномъ кострѣ и затѣмъ слегка прикрыли дерномъ.

Въ его бумагахъ нашли двѣ записки, изъ которыхъ одна значилась подъ заглавіемъ „Мечъ“, другая подъ заглавіемъ— „Кинжалъ“. Въ обѣихъ находились имена и характеристики лицъ, осужденныхъ имъ на смерть. Калигула, очевидно, задумывалъ истребить всѣхъ выдающихся представителей римской интеллигенціи.

Послѣ смерти Калигулы въ обществѣ высказывалось намѣреніе—навсегда изгладить всякое воспоминаніе объ императорахъ и разрушить ихъ храмы.

„Это былъ старикъ высокаго роста, съ сѣдыми волосами, довольно полный; смѣхъ его былъ непріятенъ; въ минуты гнѣва у него изо рта била пѣна, изъ носу текло; при разговорѣ языкъ его заплетался, голова тряслась“... Таковъ, по описанію современниковъ, портретъ императора Клавдія, наслѣдника Калигулы. Моральныя качества соотвѣтствовали наружности.

Его мать, Антонія, называла его „чудовищемъ, не законченнымъ, но только начатымъ природой“. Порицая когонибудь за умственную тупость, она говорила: „Да онъ еще глупѣе моего сына, Клавдія“.

Солдатчина сдѣлала Клавдія императоромъ. Каждому воину, приносившему ему присягу, Клавдій обѣщалъ дать по 15,000 сестерцій.

Клавдій былъ пьяница и игрокъ, — объ игрѣ въ кости онъ даже написалъ книгу.

Хотя въ немъ не проявлялось такой кровожадной жестокости, какою прославился Калигула, но тѣмъ не менѣе онъ любилъ присутствовать при пыткахъ и казняхъ. Овладѣвъ властью, онъ казнилъ нѣсколько военныхъ трибуновъ и центуріоновъ, участвовавшихъ въ заговорѣ Хереи,—главнымъ образомъ за то, что они требовали и его головы. На

гладіаторскихъ играхъ онъ приказывалъ убивать даже и тѣхъ, кто падалъ нечаянно,—приказывалъ умерщвлять единственно изъ желанія посмотрѣть на выраженіе лицъ умирающихъ. Преступниковъ онъ также отдавалъ на съѣденіе звѣрямъ. Онъ убилъ свою жену, двухъ родственницъ, мужа одной изъ своихъ дочерей и жениха другой дочери. Съ легкимъ сердцемъ онъ казнилъ 35 сенаторовъ и болѣе 300 человѣкъ изъ сословія всадниковъ... Одинъ римскій писатель сказалъ о Клавдіи, что онъ, повидимому, бывшій не въ состояніи согнать муху, убивалъ людей такъ же легко, какъ проигрывалъ въ кости.

Подъ конецъ жизни онъ совсѣмъ лишился памяти. Казнивъ жену, онъ вскорѣ же сѣлъ за обѣденный столъ и сталъ спрашивать: почему не идетъ императрица. Многихъ изъ казненныхъ Клавдій уже на слѣдующій день приглашалъ играть въ кости.

Выступая въ роли судьи, Клавдій то смягчалъ, то усиливалъ наказанія, по своему произволу, не справляясь съ закономъ. Впрочемъ, въ управленіи онъ не столько руководился своей волей, сколько дѣйствовалъ подъ вліяніемъ женщинъ и любимцевъ. Своимъ главнымъ фаворитамъ, секретарю Нарциссу и завѣдывавшему финансами Палланту, Клавдій позволилъ наживаться и грабить народъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Императоръ былъ лишь вывѣской, ширмами, за которыми въ своихъ интересахъ дѣйствовала придворная камарилья... Обыкновенная исторія—въ исторіи абсолютныхъ монархій.

Народъ болѣе презиралъ, чѣмъ ненавидѣлъ Клавдія. Впрочемъ, были открыты два покушенія на его жизнь. Въ глухую ночь возлѣ его спальни поймали какого-то плебея съ кинжаломъ въ рукѣ. Затѣмъ арестовали еще двухъ всадниковъ, вооруженныхъ ножами, поджидавшихъ Клавдія. Одинъ хотѣлъ напасть на него при выходѣ его изъ театра, другой — возлѣ храма Марса... Люди, ставящіе себя выше закона, всегда рискуютъ умереть насильственной смертью,

какъ сами себя объявившіе „внѣ закона“. Клавдій, какъ вообще деспоты, не отличался мужествомъ; послѣ же этихъ покушеній, сдѣлавшись крайне мнительнымъ, онъ ужъ совсѣмъ не зналъ покоя. Повсюду ему мерещились опасности, и онъ постоянно дрожалъ за свою особу. На званые обѣды Клавдій отправлялся подъ охраной толпы солдатъ. Во время обѣда эти охранники становились вокругъ Клавдія, и такимъ образомъ цѣлый лѣсъ копій и мечей предохранялъ императора отъ возможности покушеній на него. Сыщики подвергали строжайшему обыску всѣхъ являвшихся къ императору... Клавдій такъ испугался извѣстія о заговорѣ, котораго въ дѣйствительности не существовало, что хотѣлъ отречься отъ престола. Когда же опасность, по его мнѣнію, миновала, онъ опять ухватился за свою власть...

Наконецъ, онъ сталъ очень рѣдко показываться въ публикѣ. Каждое вновь явившееся подозрѣніе, каждый доносчикъ пугали его до полусмерти. Такъ, живя подъ вѣчнымъ страхомъ, безъ свѣта, безъ радости, Клавдій все же упорно цѣплялся за власть и задумывалъ мщеніе своимъ воображаемымъ врагамъ. И этотъ-то жалкій человѣчекъ, бывшій олицетвореннымъ ничтожествомъ, часто спрашивалъ того или другого изъ приближенныхъ: „Ну, что, не кажусь я тебѣ идеальнымъ человѣкомъ?“ Такъ деспотизмъ ослѣпляетъ людей...

Клавдій былъ отравленъ, кѣмъ—въ точности неизвѣстно: то ли евнухомъ, который былъ обязанъ пробовать кушанья, то ли женой своей, Агриппиной, попотчивавшей его за обѣдомъ его любимымъ кушаньемъ — бѣлыми грибами.

„Мужчина средняго роста; тѣло прыщеватое, съ противнымъ запахомъ; лицо довольно красивое, но непріятное; голубые, близорукіе глаза, толстая шея; выдавшійся животъ, и чрезвычайно тонкія ноги“... Таковъ былъ Неронъ.

Нерона считаютъ какимъ-то адскимъ исчадіемъ. Имя

его стало нарицательнымъ для всѣхъ жестокихъ, кровожадныхъ тирановъ. Правда, Неронъ отвратителенъ, Неронъ—чудовище, но его злодѣйства и гнусности не представляютъ собой какого-то исключительнаго явленія посреди гнусностей и злодѣйствъ многихъ другихъ императоровъ римскихъ. Скажемъ даже болѣе: если нѣкоторыхъ изъ этихъ правителей-извергов̀ъ считать людьми, душевно-больными, менѣе вмѣняемыми, то однимъ изъ таковыхъ мы—прежде всего—должны признать Нерона. Историки на всѣ его дѣянія наложили слишкомъ рѣзкія, кричащія краски, вслѣдствіе чего не менѣе чудовищные образы Домиціана, Каракаллы, Коммода смягчаются, блѣднѣютъ въ ихъ описаніяхъ.

Въ началѣ своего правленія этотъ императоръ отличался лишь своими чудачествами. Обладая слабымъ, глухимъ голосомъ, онъ возмнилъ себя великимъ пѣвцомъ, и въ качествѣ пѣвца выступалъ публично въ Римѣ, въ Неаполѣ и во время путешествія по Греціи; научился играть на цитрѣ и возмнилъ себя замѣчательнымъ музыкантомъ; выступалъ и въ роли актера; на бѣгахъ состязался съ кучерами. Однимъ словомъ, онъ былъ императоръ — артистъ на всѣ руки. Въ награду онъ получалъ вѣнки, не брезговалъ и деньгами: за участіе въ одномъ частномъ спектаклѣ преторъ отсчиталъ ему милліонъ сестерцій. Во всѣхъ искусствахъ онъ былъ ниже посредственности, но онъ былъ императоръ, и поэтому римляне ему льстили, морочили его, называли его дрянной голосъ „небеснымъ", а онъ въ своемъ монаршемъ самомнѣніи принималъ похвалы за чистую монету и изъ силъ выбивался, чтобы превзойти своихъ соперниковъ въ пѣніи, музыкѣ, въ сценическомъ и кучерскомъ искусствѣ... Когда императоръ пѣлъ, то никому и ни по какому поводу не позволялось выходить изъ театра, вслѣдствіе чего иногда происходили скандалы. Случалось, что во время спектакля женщины разрѣшались отъ бремени, а иные изъ публики, утомившись слушать завыванія Нерона, притворялись умершими—для того, чтобы быть поскорѣе вынесенными изъ театра.

Въ расточительности Неронъ не уступалъ Калигулѣ и также безудержу моталъ народныя деньги. Онъ не надѣвалъ два раза никакого платья; игралъ въ кости по 500 сестерцій очко; рыбу ловилъ вызолоченной сѣтью. Одинъ изъ его ужиновъ стоилъ 4 милліона сестерцій. Во время путешествій его поѣздъ состоялъ не менѣе, какъ изъ 1000 экипажей, причемъ подковы у муловъ были серебряныя. Неронъ расширилъ дворецъ, отстроилъ его и назвалъ „Золотымъ дворцомъ", — зданіе колоссальное и баснословное по своему великолѣпію, украшенное золотомъ и драгоцѣнными камнями. Въ вестибюлѣ дворца стояла громадная статуя Нерона въ 120 фут. вышины. Портики, состоявшіе изъ трехъ рядовъ, занимали въ длину 1000 фут. Въ этомъ необыкновенномъ дворцѣ находились резервуаръ, въ видѣ большого пруда, нѣсколько зданій, составлявшихъ какъ бы городъ въ миніатюрѣ, были деревни, поля, виноградники, пастбища и рощи съ дикими звѣрями. Въ столовой на потолкѣ пластинки изъ слоновой кости, вращаясь, осыпали пирующихъ цвѣтами и прыскали на нихъ духами. Въ главной круглой залѣ сводчатый потолокъ вращался день и ночь—въ подражаніе движенію земного шара.

Промотавъ деньги, Неронъ принялся грабить. Онъ конфисковалъ имущества гражданъ по всякому поводу, а иногда и безъ всякаго основанія; похищалъ изъ храмовъ вклады и переливалъ въ деньги золотыя и серебряныя статуи боговъ. Онъ ускорилъ смерть своей тетки, укралъ ея завѣщаніе и завладѣлъ всѣмъ ея имуществомъ.

Въ распутствѣ Неронъ не уступалъ Калигулѣ, а въ цинизмѣ даже превзошелъ его. Онъ развратничалъ съ замужними женщинами „изъ общества", изнасиловалъ весталку, Рубрію, вступалъ въ противоестественныя сношенія съ мужчинами. Одного юношу, Спора, онъ сдѣлалъ евнухомъ, вознамѣрившись превратить его какъ бы въ подобіе женщины. Неронъ приказалъ сдѣлать ему приданое, надѣть на него брачное покрывало и въ торжественной свадебной процессіи

привести во дворецъ, гдѣ и зажилъ съ нимъ, какъ съ женою. Онъ одѣвалъ этого Спора, какъ императрицу, и въ носилкахъ вмѣстѣ съ нимъ отправлялся въ собранія, причемъ публично цѣловалъ его. Онъ придумалъ для себя новый видъ игры: надѣвалъ на себя звѣриную шкуру и бросался на привязанныхъ къ столбамъ мужчинъ и женщинъ и удовлетворялъ свою похоть, а затѣмъ самъ дѣлался добычей своего отпущенника, Дорифора. По разсказамъ современниковъ, Неронъ вступилъ бы въ преступную связь и съ родной матерью, Агриппиной, если бы приближенные не отклонили его отъ этого безумнаго намѣренія изъ боязни, чтобы эта пылкая, честолюбивая женщина не подчинила императора своему вліянію въ ущербъ ихъ интересамъ. Позже Неронъ жилъ съ любовницей, очень походившей на Агриппину...

Жестокость его равнялась распутству.

По своей мнительности онъ заподозрилъ Агриппину въ томъ, что она злоумышляла противъ него, готовила ему преемника въ лицѣ одного молодого человѣка, Авла Плавція. И подъ вліяніемъ страха любовь превратилась въ ненависть. Агриппина была убита по его повелѣнію, но Неронъ распустилъ слухъ, что она покончила самоубійствомъ... Богатыхъ старыхъ отпущенниковъ, хлопотавшихъ у Клавдія объ его усыновленіи и бывшихъ его совѣтниками, Неронъ отравилъ, сдѣлавшись по ихъ милости императоромъ. Онъ отравилъ своего родственника, Британика, отчасти опасаясь его популярности, отчасти изъ зависти къ его пріятному голосу. Онъ велѣлъ убить консула, Аттика Вестина, ради того, чтобы овладѣть его женой, Октавіей. Онъ женился на Октавіи, но вскорѣ развелся съ нею, сталъ преслѣдовать ее и, наконецъ, велѣлъ задушить. Ударомъ ноги онъ убилъ свою вторую жену, больную и беременную Поппею Сабину. Онъ убилъ дочь Клавдія, Антонію, за то, что она отказалась выйти за него замужъ послѣ смерти Поппеи. Въ оправданіе онъ заявилъ, что Антонія замышляла государственный

переворотъ (обычная уловка деспотовъ обѣлить себя передъ народомъ). Авла Плавція, передъ смертью, Неронъ изнасиловалъ и подло оклеветалъ, разсказывая, что Авлъ былъ любовникомъ его матери. По его повелѣнію рабы утопили въ морѣ во время рыбной ловли его пасынка, сына Поппеи, Руфія Криспина,—изъ-за того, что мальчикъ, играя, назвалъ себя въ шутку императоромъ.

Неронъ заставилъ покончить самоубійствомъ своего учителя, философа Сенеку, и Тразею Пета,—послѣдняго только за то, что ему, императору, не нравилось суровое, строгое лицо Тразеи. Тразея Петъ былъ однимъ изъ благороднѣйшихъ римлянъ въ мрачную эпоху императорскаго деспотизма. Тацитъ называетъ его „олицетворенной добродѣтелью". Такихъ людей, какъ Тразея Петъ, деспоты не выносятъ: такіе люди служатъ имъ живымъ укоромъ и напоминаніемъ объ ихъ собственной душевной низости... Осужденные Нерономъ на смерть должны были умирать черезъ нѣсколько часовъ послѣ предъявленія имъ приговора, а чтобы не произошло замедленія, Неронъ вмѣстѣ съ приговоромъ посылалъ къ осужденнымъ врача „поухаживать" за ними, по его собственному выраженію, то-есть чтобы перерѣзать имъ жилы. Иногда, впрочемъ, императоръ умерщвлялъ непріятныхъ ему людей экспромтомъ, безъ объявленія имъ приговора. Такъ, напр., префекту Бурру, вмѣсто обѣщаннаго лѣкарства отъ горловой болѣзни, онъ прислалъ ядъ...

Во дни Нерона еще не всѣ римляне превратились въ императорскихъ холоповъ: въ римскомъ обществѣ еще не совсѣмъ затмились воспоминанія о былой славѣ республиканскаго Рима, о свободѣ и законности. Въ правленіе Нерона составлялись заговоры; два заговора, Пизона и Виниція, были открыты. Нѣкоторые изъ заговорщиковъ публично заявляли, что они, убивъ Нерона, запятнаннаго самыми ужасными преступленіями, хотѣли оказать ему услугу. Погибли не только сами заговорщики, попавшіе въ руки мстительнаго, кровожаднаго тирана, но и дѣти заговорщиковъ,

ихъ воспитатели и рабы были изрублены императорскими солдатами или уморены голодомъ.

„Неронъ убивалъ, кого хотѣлъ и подъ всякимъ предлогомъ“, говоритъ историкъ, но то же самое можно сказать о многихъ римскихъ императорахъ. И Неронъ гордился успѣхами своей внутренней политики, гордился своею „смѣлостью“, своею дерзостью, своимъ вызывающимъ образомъ дѣйствій и говорилъ, что до него ни одинъ изъ государей не зналъ, что имъ „все позволено“... Неронъ ошибался: Калигула, правившій римлянами, отчасти выродившимися въ рабовъ, и имѣвшій въ своемъ распоряженіи солдатъ, уже созналъ эту истину... Однажды кто-то въ разговорѣ въ присутствіи Нерона повторилъ стихъ изъ трагедіи Еврипида: „Послѣ моей смерти пусть все погибаетъ!“ Неронъ поправилъ: „При моей жизни“...

И свои слова онъ, повидимому, былъ готовъ подтвердить на дѣлѣ. Онъ замышлялъ перебить всю римскую интеллигенцію. Онъ поджогъ Римъ и устроилъ настоящій погромъ... Граждане не смѣли останавливать солдатъ, врывавшихся въ ихъ дома съ паклей и съ горящими факелами. Пожаръ продолжался 6 дней. Жители спасались на кладбищахъ. Солдаты не допускали ихъ тушить пожаръ и спасать имущество. Имущество погорѣльцевъ было разграблено; множество гражданъ было разорено, за то императоръ не мало поживился на ихъ счетъ. Въ то время, какъ горѣлъ Римъ, Неронъ съ высоты Меценатова дворца любовался на пожаръ и, облачившись въ какой-то фантастическій костюмъ, воспѣвалъ разрушеніе Трои... Народныя страданія ничего не говорятъ сердцу деспота. Неронъ не составлялъ исключенія: презрѣніе къ людскимъ страданіямъ онъ только выражалъ „по-своему“, слишкомъ театрально... Кромѣ громаднаго числа частныхъ домовъ, пожаръ уничтожилъ жилища древнихъ римскихъ героевъ, старинные храмы, построенные еще во времена войнъ съ Галлами и съ Карфагеномъ, и самые замѣчательные памятники римской Республики... Впослѣдствіи

императоромъ былъ вторично учиненъ погромъ. Нерону для чего-то понадобилась земля близъ Золотого дворца: находившіяся тамъ житницы, по его повелѣнію, были зажжены, но такъ какъ строенія были сложены изъ камня, то огня оказалось недостаточно, и пришлось разбивать стѣны осадными машинами.

Неронъ не могъ пожаловаться, подобно Калигулѣ, на то, что его правленіе не ознаменовалось никакими общественными бѣдствіями. Чума сильно свирѣпствовала въ Римской имперіи; въ одну осень погибло отъ нея до 30,000 чел. Въ Британіи вспыхнуло возстаніе; два большіе города были разграблены и много убито римскихъ гражданъ. На Востокѣ, въ Арменіи, римскіе легіоны должны были съ позоромъ пройти подъ ярмомъ.

Особенно поучительны послѣдніе дни жизни этого маньяка.

Два возстанія вспыхнули вскорѣ одно за другимъ: въ Галліи подъ предводительствомъ Виндекса, а затѣмъ въ Испаніи—подъ предводительствомъ Гальбы. Императору приходилось подумать объ усмиреніи возставшихъ легіоновъ, о самозащитѣ, но онъ сразу же потерялъ голову и заметался отъ одного рѣшенія къ другому. Сначала онъ хотѣлъ перерѣзать всѣхъ правителей провинцій и командующихъ войсками, избить всѣхъ ссыльныхъ и жившихъ въ Римѣ галловъ, чтобы они не пристали къ возставшимъ; намѣревался предоставить своимъ легіонамъ грабить Галлію, зажечь Римъ и выпустить на народъ дикихъ звѣрей для того, чтобы помѣшать людямъ тушить пожаръ. Вотъ что придумалъ Неронъ въ безсильной злобѣ и въ страхѣ... Но, впрочемъ, онъ отказался отъ этихъ намѣреній—не потому, конечно, что они ужаснули его своею чудовищностью, но, просто, потому, что не представлялось возможности осуществить ихъ: „неограниченная" власть въ критическую минуту оказалась весьма ограниченной...

Затѣмъ, Неронъ хотѣлъ было выступить въ походъ про-

тивъ возставшихъ легіоновъ, но все дѣло ограничилось лишь одними сборами. Прежде всего императоръ повелѣлъ выбрать телѣги для перевозки костюмовъ и музыкальныхъ инструментовъ и выстричь по-мужски своихъ любовницъ, которыхъ намѣревался везти съ собою и вооружать, какъ амазонокъ, топорами и щитами. У человѣка, хвалившагося своею смѣлостью во „внутренней политикѣ", то-есть въ расправѣ съ безоружными людьми, не достало мужества открыто выступить въ битву съ „вооруженнымъ" непріятелемъ. Обыкновенная исторія въ жизни деспотовъ: императоръ былъ трусъ.

То онъ задумывалъ бѣжать къ Парфянамъ, то броситься къ ногамъ Гальбы, предводителя возставшихъ легіоновъ, то явиться на римскій форумъ и смиренно просить прощенья у народа за прошлое, и если бы за нимъ не оставили императорской власти, то онъ удовольствовался бы мѣстомъ правителя въ Египтѣ (въ его бумагахъ, послѣ его смерти, нашли даже и рѣчь, составленную имъ по этому поводу). Приближенные отговорили своего полусумасшедшаго монарха отъ выполненія его послѣдняго намѣренія: они дали ему понять, что ему было рискованно показываться публично, что онъ могъ быть разорванъ въ куски прежде, чѣмъ дошелъ бы до форума. Какъ ни были фантастичны эти планы, они все же болѣе соотвѣтствовали характеру Нерона, чѣмъ мысль о выступленіи въ походъ... Задумавъ бѣжать изъ Рима, Неронъ обратился съ просьбой къ трибунамъ и центуріонамъ преторіанцевъ проводить его въ Остію, гдѣ должны были приготовить для него корабль. Но одни изъ этихъ офицеровъ подъ различными предлогами уклонились отъ подобной чести, а другіе прямо отказались. Одинъ изъ центуріоновъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ сказалъ Нерону: „Неужели ужъ такъ трудно умереть?.." Да, злодѣю, столь щедрому на смертные приговоры, самому умереть казалось очень трудно... Думая отравиться, Неронъ попросилъ яда у знаменитой Локусты, но не принялъ яда, а спряталъ его въ золотой ящичекъ.

Воспоминанія о совершонныхъ имъ преступленіяхъ, объ убитыхъ имъ людяхъ, страхи и опасенія за свою жизнь мучили его днемъ и ночью. Особенно тревожили его сны... То ему грезилось, что, управляя кораблемъ, онъ уронилъ руль въ море; то жена его, Октавія, увлекала его куда-то, въ непроницаемый мракъ; то ему однажды приснилось, что статуи боговъ покоренныхъ народовъ, стоявшія передъ театромъ Помпея, сойдя съ пьедесталовъ, столпились вокругъ него и не давали ему дороги...

Наконецъ, Неронъ объявилъ окружающимъ, что на слѣдующій день онъ приметъ окончательное рѣшеніе. Ночью, пробудившись, онъ узналъ, что его стража покинула его. Онъ немедленно послалъ за тѣми, кого считалъ своими друзьями, но, не получивъ отвѣта, самъ съ небольшой свитой отправился къ нимъ. Онъ нашелъ всѣ двери запертыми, никто ему не откликнулся. Никто изъ тѣхъ, кто льстилъ ему, пировалъ съ нимъ и участвовалъ въ его злодѣяніяхъ, когда онъ былъ въ силѣ, окружонъ покорными ему солдатами, не пожелалъ раздѣлять его участь. Когда императоръ возвратился въ свои покои, то оказалось, что и послѣдніе часовые бѣжали, похитивъ его вещи и, между прочимъ, тотъ золотой ящичекъ, въ которомъ хранился ядъ. Неронъ съ отчаянія бросился было къ Тибру, чтобы утопиться, но при видѣ холодныхъ, мутныхъ водъ—отдумалъ... Тогда отпущенникъ Фаонъ предложилъ ему укрыться въ одномъ сельскомъ домѣ, въ четырехъ миляхъ отъ Рима. И Неронъ, босой, въ одной рубашкѣ, закутавшись въ старый плащъ и съ вуалью на лицѣ, чтобы не быть узданнымъ, въ глухую ночь поскакалъ изъ Рима въ сопровожденіи четырехъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ находился и Споръ. Но и здѣсь, въ этомъ убѣжищѣ, приходилось умирать. Неронъ медлилъ...

Вдругъ получилось извѣстіе, что императоръ объявленъ врагомъ народа, что за нимъ послана погоня, что его ожидаетъ позорная казнь. Неронъ полюбопытствовалъ узнать: что это за казнь? Когда ему объяснили, что его обнажатъ

и запорютъ розгами до смерти, тогда Неронъ, повидимому, рѣшился умереть. Онъ взялъ два кинжала, бывшіе при немъ, попробовалъ ихъ остріе и положилъ ихъ рядомъ съ собой, говоря, что роковой часъ еще не насталъ. Но этотъ часъ—таинственный и страшный—уже приближался, вѣя холодомъ на Нерона... Императоръ то просилъ Спора, чтобы тотъ плакалъ и причиталъ по немъ, то желалъ, чтобы кто-нибудь подалъ ему примѣръ, заколовъ себя, то упрекалъ себя въ трусости... и все тянулъ время. Услышавъ, что всадники, посланные за нимъ въ погоню, уже приближаются, Неронъ схватилъ кинжалъ, но заколоться самому у него не достало рѣшимости и въ эту послѣднюю минуту. Ему помогъ его секретарь, Эпафродитъ...

Смерть Нерона была съ восторгомъ встрѣчена въ Римѣ. Толпы народа съ радостными кликами ходили по городу въ фригійскихъ шапкахъ—въ „шапкахъ свободы"...

За Нерономъ слѣдовали три „призрачные императора"—Гальба, Отонъ и Вителлій. Они стремились къ власти, цѣплялись за нее для поправки своихъ денежныхъ дѣлъ и грызлись другъ съ другомъ изъ-за лакомаго куска—изъ-за возможности попользоваться народными деньгами. Ни одинъ изъ нихъ не умеръ естественной смертью: лучшій изъ нихъ, Отонъ, самъ закололся, Гальба и Виттелій были убиты.

Нѣсколько словъ о Вителліи.

Этотъ императоръ, извѣстный лишь своимъ обжорствомъ и жестокостью, былъ человѣкъ, безобразно толстый, съ багровымъ отъ пьянства лицомъ. Каждый обѣдъ, устраиваемый для него приближенными, стоилъ minimum 400 тыс. сестерцій. За однимъ ужиномъ, даннымъ въ его честь, было подано 2.000 штукъ самой изысканной рыбы и 7.000 птицъ. За столомъ Вителлія подавались фазаньи и павлиньи мозги, языки фламинго, молоки муренъ. Все это доставлялось мо-

ремъ изъ ближнихъ и дальнихъ римскихъ провинцій, начиная съ Испаніи и кончая Парфіей.

Вителлій ѣлъ очень много, ѣлъ во всякое время дня и ночи, дома и будучи въ гостяхъ, въ дорогѣ и во время жертвоприношеній, передъ самымъ алтаремъ, хватая прямо съ огня жертвенное мясо. Онъ часто принималъ рвотное для того, чтобы опять поскорѣе ѣсть съ аппетитомъ. Въ 8 мѣсяцевъ своего правленія этотъ императоръ проѣлъ 900 милліоновъ сестерцій. „Если бы правленіе Вителлія, говоритъ одинъ древній писатель, продолжилось еще немного, то вся римская имперія должна была бы обнищать для покрытія издержекъ на императорскій столъ".

Несмотря на поборы съ народа и на всевозможныя „легализированныя" хищенія, Вителлій оставался въ долгахъ, но со своими кредиторами онъ раздѣлывался очень просто, пользуясь всей полнотой своей неограниченной власти: онъ убивалъ ихъ. Мало того, онъ еще издѣвался надъ ними въ ихъ послѣднія минуты.

Когда, напр., одного изъ его кредиторовъ вели на казнь, Вителлій приказалъ вернуть его и привести къ себѣ. Окружающіе вообразили, что Вителлій помиловалъ его,—и уже стали восхвалять его милосердіе. Но Вителлій повелѣлъ тутъ же, въ его присутствіи, убить несчастнаго, говоря, что онъ „хотѣлъ доставить себѣ пріятное зрѣлище". Въ другой разъ, приказавъ казнить своего кредитора, императоръ распорядился заодно убить вмѣстѣ съ нимъ и двухъ его сыновей за ихъ попытку вымолить прощеніе отцу. Одинъ римскій всадникъ, идя къ мѣсту казни, крикнулъ Вителлію: „Ты — мой наслѣдникъ!" Онъ разсчитывалъ на пощаду. Императоръ велѣлъ принести духовное завѣщаніе и, узнавъ изъ него, что, кромѣ него, Вителлія, наслѣдникомъ назначенъ еще одинъ отпущенникъ, приказалъ немедленно казнить всадника и отпущенника. Вителлій также умертвилъ нѣсколькихъ своихъ школьныхъ товарищей и пріятелей. Его подозрѣвали и въ смерти матери.

Циничное изреченіе „трупъ убитаго врага хорошо пахнетъ" принадлежитъ Вителлію. (Впослѣдствіи эту фразу повторилъ французскій король, Карлъ IX).

Когда возставшіе легіоны, провозгласившіе императоромъ Веспасіана, приближались къ Риму, Вителлій растерялся и не зналъ, что дѣлать. Онъ боялся за свою жизнь и въ то же время хотѣлъ удержать за собой власть. То онъ былъ готовъ заключить миръ и отказывался отъ власти, то опять хватался за нее, то бѣжалъ изъ дворца, то возвращался обратно. Наконецъ, узнавъ, что возставшіе легіоны были уже близко, Вителлій обвязалъ себя поясомъ, наполненнымъ золотомъ, и спрятался въ какой-то чуланъ. Солдаты нашли его тамъ, вытащили изъ чулана, связали ему руки на спинѣ, накинули на шею веревку и почти нагимъ приволокли его на форумъ. Его убили въ Гемоніяхъ, а трупъ его, стащивъ оттуда крюкомъ, бросили въ Тибръ...

Изъ этого краткаго очерка можно ясно видѣть, ради чего Вителлій добивался власти, для чего ему была нужна эта власть и какимъ образомъ онъ использовалъ ее...

Самыя характеристичныя черты деспота, со всѣми ихъ нюансами, всего ярче выразились въ Домиціанѣ.—Это—типичный тиранъ, деспотъ pur sang, въ сравненіи съ которымъ Неронъ и Калигула кажутся злыми, распущенными мальчишками.

Домиціанъ, повидимому, былъ непривлекательной наружности, по крайней мѣрѣ, подъ старость: высокаго роста, плѣшивый, съ отвислымъ животомъ, съ тонкими, жидкими ногами, похудѣвшими вслѣдствіе продолжительной болѣзни. Онъ былъ особенно недоволенъ своею плѣшивостью и всегда очень обижался, когда намекали на нее...

Онъ находился въ Римѣ, когда революція возвела на императорскій тронъ его отца, Веспасіана, бывшаго на ту пору въ Сиріи. Затѣмъ, послѣ смерти отца, его братъ, Титъ,

вступилъ на престолъ. То находясь подъ надзоромъ отца, то оставаясь въ тѣни при братѣ, честолюбивый Домиціанъ накопилъ въ душѣ большой запасъ злобы и человѣконенавистничества. Онъ такъ жаждалъ власти, такъ спѣшилъ захватить ее, съ такимъ нетерпѣніемъ ждалъ онъ смерти Тита, что въ то время, когда тотъ еще умиралъ, Домиціанъ приказалъ бросить его одного, какъ будто братъ былъ уже мертвъ, а самъ поторопился провозгласить себя императоромъ.

Достигнувъ власти, Домиціанъ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ своего правленія старался сдерживаться, не выпускать когтей, но и въ это время онъ уже давалъ намеки на то, чѣмъ онъ сдѣлался впослѣдствіи. Онъ каждый день запирался въ своемъ кабинетѣ и занимался ловлей мухъ; онъ насаживалъ мухъ на остріе грифеля (употреблявшагося имъ для письма) и смотрѣлъ на ихъ агонію. Одинъ изъ его приближенныхъ, Вибій Криспъ, на чей-то вопросъ: нѣтъ ли кого у императора въ кабинетѣ?—остроумно отвѣтилъ: „Нѣтъ даже мухи!"... Такимъ невиннымъ образомъ обнаруживались на первыхъ порахъ хищные, звѣрскіе инстинкты Домиціана. Но недолго Домиціанъ довольствовался мученьемъ мухъ; скоро его неистовая злоба обрушилась на людей, и онъ, оставивъ мухъ въ покоѣ, сталъ наслаждаться человѣческими страданіями. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ захвата имъ власти, какъ онъ уже далъ волю своимъ кровожаднымъ инстинктамъ.

Онъ былъ развратенъ, жестокъ, полонъ гордыни и презрѣнія къ людямъ, завистливъ, алченъ, труслывъ...

Домиціанъ, по словамъ историка, „изнасиловалъ множество замужнихъ женщинъ". Свои ежедневныя сношенія съ женщинами, какъ въ нѣкоторомъ родѣ гимнастическія упражненія, онъ называлъ „постельной борьбой". Онъ любилъ купаться вмѣстѣ съ проститутками самого послѣдняго разбора. Какъ уже сказано, сладострастіе и жестокость часто идутъ рука объ руку. Такое соединеніе сладострастія и

жестокости въ высокой степени проявлялись въ Домиціанѣ. Какъ онъ обращался со своими любовницами, о томъ мы ужъ умолчимъ: онъ мучилъ ихъ... Его племянница, Юлія (дочь брата), подверглась его преслѣдованіямъ, и ему удалось соблазнить ее; онъ же былъ и причиной ея смерти, заставивъ ее вытравить плодъ, когда она отъ него забеременѣла. Онъ похитилъ Домицію Лонгину, жену Эліи Ламія, а у его двоюроднаго брата, Сабина, отнялъ любовницу. Первый не очень горевалъ о женѣ, а второй, напротивъ, горько оплакивалъ свою потерю. Равнодушіе мужа Домиціи казалось Домиціану оскорбленіемъ, а неутѣшное горе Сабина было для него упрекомъ,—и оба они поплатились жизнью.

Смолоду Домиціанъ предавался также педерастіи. У Клодія Полліона, бывшаго преторомъ, сохранялось письмо Домиціана отъ того времени, когда онъ еще не былъ императоромъ. Въ этомъ письмѣ Домиціанъ предлагалъ Клодію себя на ночь.

Чтобы дать приблизительное понятіе о звѣрской жестокости Домиціана, достаточно привести нѣсколько фактовъ.

Однажды онъ призвалъ къ себѣ актера, игравшаго главныя роли и чѣмъ-то неугодившаго ему, посадилъ его съ собой рядомъ, милостиво бесѣдовалъ съ нимъ, велѣлъ даже отнести ему кушанья со своего стола (высшій знакъ любезности и расположенія), а на слѣдующій день по его повелѣнію этотъ актеръ былъ распятъ на крестѣ... По распоряженію Домиціана, у преступниковъ отрѣзывали руки или иногда жгли половыя части. Иныхъ засѣкали до смерти. Одна изъ весталокъ, нарушившая свой обѣтъ, то-есть утратившая дѣвственность, была живою зарыта въ землю. Эта ужасная казнь уже задолго передъ тѣмъ перестала практиковаться въ Римѣ, считалась уже фактически исчезнувшею... Главный жрецъ храма Весты, присутствовавшій въ сенатѣ, былъ такъ пораженъ извѣстіемъ объ этой казни, что отъ сильнаго потрясенія упалъ безъ чувствъ и умеръ, не придя въ сознаніе.

Пользуясь властью неограниченнаго монарха, имѣя въ своемъ распоряженіи судей, солдатъ, шпіоновъ и палачей, Домиціанъ могъ легко отдѣлываться отъ непріятныхъ ему людей. Въ предлогахъ и оправданіяхъ совершаемыхъ имъ „легальныхъ убійствъ", конечно, не оказывалось недостатка (оскорбленіе величества, общественная безопасность и т. д.). Одного гражданина, обвиненнаго въ „оскорбленіи величества" Домиціанъ повелѣлъ бросить на растерзаніе собакамъ. Гермогенъ Тарсскій былъ умерщвленъ по повелѣнію императора за какіе-то намеки, усмотрѣнные въ нѣсколькихъ мѣстахъ его „Исторіи"; переписчиковъ его труда было велѣно распять на крестѣ. Цивикъ Цереалъ, Сальвидіенъ и Ацилій Глабріонъ были казнены подъ тѣмъ предлогомъ, что они будто бы затѣвали какой-то заговоръ. Сальвій Кокцейанъ былъ казненъ за то, что когда-то праздновалъ день рожденія своего дяди, императора Отона. Меттій Помпузіанъ былъ казненъ только потому, что его считали въ обществѣ потомкомъ царственнаго дома. Юнія Рустика императоръ казнилъ за то, что тотъ въ своемъ сочиненіи отозвался съ похвалой о Петѣ Тразеѣ и Гельвидіи Прискѣ, назвавъ ихъ „олицетворенной честностью". Сынъ Гельвидія былъ казненъ за то, что въ его трагедіи нашли намекъ на разводъ императора съ его первой женой. Своего двоюроднаго брата, Флавія Сабина, назначеннаго консуломъ, Домиціанъ велѣлъ убить только потому, что глашатай, по ошибкѣ, публично назвалъ Сабина императоромъ...

Имена этихъ жертвъ сохранились для потомства, такъ какъ всѣ онѣ были въ свое время людьми извѣстными, занимавшими видное общественное положеніе. По произволу Домиціана погибли тысячи жизней; тысячи людей были принесены въ жертву на алтарь деспотизма. Имена этихъ жертвъ историки намъ не сообщили, ибо императоръ въ виду слишкомъ многочисленныхъ казней запретилъ упоминать имена осужденныхъ на смерть...

Люди, обыкновенно, похваляются тѣми достоинствами,

какихъ у нихъ нѣтъ. Трусъ разглагольствуетъ о своей храбрости, безвольный говоритъ о твердости своего характера, плутъ распространяется о честности, развратникъ читаетъ проповѣди о воздержаніи, о душевной чистотѣ... И Домиціанъ также хвалился тѣми достоинствами, которыхъ онъ былъ лишенъ, но которыми во что бы то ни стало желалъ обладать. Если же онъ не могъ превзойти кого-нибудь въ этихъ лестныхъ достоинствахъ или хотя бы сравняться съ нимъ, то онъ уничтожалъ своего счастливаго соперника или, по крайней мѣрѣ, устранялъ его съ того поприща, на которомъ онъ самъ, императоръ, желалъ бы—но не могъ—прославиться. Домиціанъ былъ трусливъ и лишенъ военныхъ дарованій. Но ему всего болѣе было желательно именно прослыть храбрецомъ и отличиться на боевомъ полѣ. Не довольствуясь той ожесточенной войной, какую онъ велъ съ римскимъ обществомъ, съ народомъ, онъ хотѣлъ еще сдѣлаться великимъ полководцемъ, покорять народы и покрыть себя славой на поляхъ сраженій. Онъ мечталъ о тріумфахъ...

Агрикола, извѣстный полководецъ того времени (тесть историка Тацита), при Домиціанѣ завоевалъ почти всю Британію. Римское общество смотрѣло на Агриколу, какъ на защитника отъ варваровъ, темной тучей уже надвигавшихся на Римъ, смотрѣло на него, какъ на славу Имперіи. О немъ говорили, какъ о героѣ, имъ гордились, восхищались... Всего этого было слишкомъ достаточно для того, чтобы Домиціанъ возненавидѣлъ его. И онъ, дѣйствительно, ненавидѣлъ Агриколу и, въ то же время, боялся его. Скрывая свое раздраженіе, Домиціанъ съ большой похвалой отнесся къ Агриколѣ и милостиво отозвалъ его изъ Британіи подъ тѣмъ предлогомъ, что хотѣлъ послать его въ Сирію. Но императоръ холодно встрѣтилъ Агриколу, когда тотъ, вмѣсто тріумфа, согласно высочайшему повелѣнію, скромно, ночью, вступилъ въ Римъ; при свиданіи императоръ выказалъ полное пренебреженіе къ герою. О Сиріи не было и рѣчи, да Агрикола и не искалъ для себя управленія этою провин-

ціей: онъ былъ доволенъ уже тѣмъ, что о немъ забыли, а Тацитъ говоритъ, что „Агрикола, можетъ статься, былъ бы даже радъ умереть во время“...

Лавры Агриколы не давали Домиціану спать спокойно. Онъ задумалъ самъ отправиться въ походъ и наказать Коттовъ, тревожившихъ въ то время границы государства. Домиціанъ съ большимъ трудомъ проникнулъ въ глубь ихъ лѣсовъ и захватилъ нѣсколько плѣнныхъ. Но такъ какъ плѣнныхъ было слишкомъ мало, то императоръ учинилъ подлогъ, присоединивъ къ плѣннымъ Коттамъ еще нѣсколько своихъ воиновъ, наряженныхъ германцами. Несмотря на такіе комичные подвиги, Домиціанъ серьезно посмотрѣлъ на свой „потѣшный“ походъ и назвалъ себя „Германикомъ“.

На берегахъ Дуная, варваръ Десебалъ сплотилъ ненадолго подъ своею властью Даковъ, Квадовъ, Маркомановъ и, придавъ ихъ полчищамъ нѣкоторую дисциплину, нагналъ страхъ на римлянъ. Домиціанъ съ молодыми новобранцами выступилъ было противъ этого опаснаго соперника, но, увидѣвъ его, возвратился вспять. Хотя Десебалъ разбилъ его легіоны и даже взялъ съ него позорную дань, Домиціанъ тѣмъ не менѣе назвалъ себя „Дакійскимъ“, съ торжествомъ вступилъ въ Римъ и повелѣлъ по всей имперіи воздвигать себѣ тріумфальныя арки и статуи.

Зная, что вся его сила и его единственная поддержка— въ солдатахъ, Домиціанъ старался задобрить ихъ и почти на треть увеличилъ ихъ жалованье, но что всего хуже— ослабилъ дисциплину, смотря сквозь пальцы на безобразія и насилія, чинимыя солдатчиной. Неограниченный монархъ со всѣми своими прерогативами очутился въ зависимости отъ расположенія къ нему войска. Иначе и не бываетъ...

Чтобы усыпить римскихъ гражданъ, отклонить ихъ вниманіе отъ своей „внутренней“ политики и отъ военныхъ неудачъ, императоръ устраивалъ общественныя игры, давалъ спектакли народу и, такимъ образомъ, опустошивъ казну, сталъ нуждаться въ деньгахъ. Тогда онъ, какъ всякій дес-

потъ, нимало не заботясь о правѣ, о правдѣ и справедливости, сталъ просто грабить подъ всякими предлогами. Имущество отбиралось и у живыхъ и послѣ покойниковъ. Для того, чтобы лишиться имущества во дни Домиціана, достаточно было доноса шпіона. Всего же легче оказывалось, при помощи шпіоновъ, быть обвиненнымъ въ „оскорбленіи величества". Шпіоны-доносчики, неизбѣжные слуги деспотизма, исчезнувшіе было послѣ Нерона, съ 84 года снова появились въ Римѣ. Исторія сохранила намъ имена и краткія характеристики нѣкоторыхъ изъ этихъ пресмыкающихся тварей.

Вотъ они: Мессалинъ Катуллъ, котораго императоръ „пускалъ, какъ стрѣлу, противъ всѣхъ честныхъ, благородныхъ людей"; Карръ, называвшій преслѣдуемыхъ имъ людей „своими покойниками" и не дозволявшій никому касаться своей добычи; Регулъ, поведеніемъ котораго въ предшествовавшее царствованіе возмущались всѣ порядочные люди, теперь воспользовался репрессіей для сведенія счетовъ со своими противниками; наконецъ, самый предпріимчивый, самый ловкій, самый наглый изъ нихъ—Бебій Масса (впослѣдствіи уличенный во взяточничествѣ). Благодаря этой почтенной компаніи, императорская казна быстро наполнялась... Если о какомъ-нибудь умершемъ богатомъ человѣкѣ шпіонъ доносилъ, что тотъ при жизни хорошо отзывался объ императорѣ, то Домиціанъ признавалъ уже себя въ правѣ сдѣлаться его наслѣдникомъ и отбиралъ его имущество въ свою пользу. Если же кто-нибудь, по донесенію шпіона, дурно говорилъ объ императорѣ, его обвиняли въ „оскорбленіи величества" и имущество его конфисковали.

Римское общество, наконецъ, должно было принять мѣры для самозащиты. Но первый заговоръ, составленный противъ Домиціана вождемъ германскихъ легіоновъ, не удался, былъ скоро раскрытъ. Императоръ жестоко обрушился не только на заговорщиковъ, но и на всѣхъ лицъ, бывшихъ съ ними въ какихъ бы то ни было сношеніяхъ. Послѣ раскрытія

этого заговора Домиціанъ сталъ уединяться, прятаться отъ публики, живя въ своемъ римскомъ дворцѣ или въ Альбѣ, гдѣ его домъ обратился въ настоящую крѣпость. Деспотъ всегда бываетъ вынужденъ жить на военномъ положеніи, чтобы по возможности обезпечить себя отъ всякихъ непріятныхъ случайностей... Сѣть шпіоновъ покрыла всю римскую имперію. Доносы и обвинительные приговоры появились въ такомъ громадномъ количествѣ, въ какомъ они не были при Тиверіи и Неронѣ. Люди всѣхъ сословій сдѣлались жертвами репрессій. Императоръ избавлялся отъ непріятныхъ ему людей то мечомъ палача, то безъ суда—съ помощью яда. Онъ поставилъ сенатъ въ такое положеніе, что тотъ былъ вынужденъ раздѣлять съ нимъ отвѣтственность за всѣ его злодѣянія. Въ ту пору погибло такъ много сенаторовъ, что посреди нихъ, по словамъ Ювенала, „не осталось ни одного сѣдого".

Домиціанъ особенно чтилъ культъ Минервы и провозгласилъ себя сыномъ этой богини... Большинство его предшественниковъ отказывалось отъ титула государя, какъ ненавистнаго римлянамъ, помнившимъ о республикѣ. Домиціанъ же, обуянный гордыней, не встрѣчая ни откуда сопротивленія и протеста, потребовалъ, чтобы его называли „Государемъ" и „Богомъ", и подъ всѣми своими указами писалъ: „Domino et Deo placuit"... На обожествленіе Калигулы иные могутъ смотрѣть скорѣе, какъ на манію величія, какъ на бредъ полусумасшедшаго, чѣмъ на сознательный актъ. Домиціанъ же обожествилъ себя изъ политическихъ разсчетовъ. Въ божественности Домиціанъ видѣлъ нѣкоторую гарантію для своей личной безопасности и безнаказанности, а также гарантію для своей неограниченной власти, вообразивъ, что запуганные люди не рѣшатся покушаться на божественную власть и поднимать руку на „бога"... Въ позднѣйшія времена деспоты уже не могли, подобно Домиціану, объявлять себя божествомъ, но тѣмъ не менѣе для большей гарантіи своей безопасности, для усиленія своего

авторитета они объявляли себя избранниками божіими. Претензіи Домиціана на божественность сдѣлались причиной самыхъ жестокихъ преслѣдованій, но въ то же время вызвали и самую рѣшительную оппозицію со стороны общества. И въ этой борьбѣ съ идеей деспотизмъ потерпѣлъ неудачу...

Въ ту эпоху въ римскомъ обществѣ существовали два теченія—философское и религіозное; представителями перваго являлись стоики, а второго—христіане. Стоики и проповѣдники христіанскаго ученія и составили оппозицію императорской тираннiи. Домиціанъ съ яростью обрушился на нихъ.

Эпиктетъ, наиболѣе популярный изъ ученыхъ стоической школы, жившій на ту пору въ Римѣ, въ одной изъ своихъ рѣчей привелъ такой воображаемый діалогъ между императоромъ и философомъ: „Мы не завидуемъ дворцамъ и богатствамъ царей!"—„Но я хочу властвовать и надъ вашими мыслями!"—возражаетъ Цезарь.—„Какимъ же образомъ?"—„Страхомъ!"—„Веди же мое тѣло на казнь, а душа моя тебѣ не подвластна. Если ты хочешь, чтобы тебѣ повиновались, указывай намъ добродѣтели, которымъ должно слѣдовать, и пороки, которыхъ должно избѣгать, но не говори: дѣлай то, дѣлай это, или я тебя убью! Такъ нельзя управлять разумными, свободными существами"...

Въ то же время въ Римѣ находился и „любимый" ученикъ Христа, Іоаннъ. Онъ проповѣдывалъ римлянамъ новое ученіе—ученіе любви и равенства.

Стоики и христіане сдѣлались жертвами Домиціана. Императоръ съ помощью своихъ многочисленныхъ агентовъ шпіонилъ за ними, ставилъ въ тюрьмахъ ловушки для арестованныхъ, изобрѣталъ для нихъ все новыя и новыя пытки, новаго рода казни, одна другой ужаснѣе, и съ свирѣпымъ злорадствомъ смотрѣлъ на ихъ страданія. Стоики и христіане, ученые и апостолы новой религіи шли въ изгнаніе. Руфъ, стоикъ Артемидоръ, ученикъ Музонія, Діонъ, Аполлоній Тіанскій покинули Римъ. Евангелистъ Іоаннъ былъ

уже въ ссылкѣ на остр. Патмосѣ. Домиціанъ кончилъ тѣмъ, что всѣхъ заподозрѣвалъ и всѣхъ возненавидѣлъ—даже самыхъ довѣренныхъ людей, смотрителя дворца, самыхъ приближенныхъ отпущенниковъ, даже свою жену, Домициллу...

Трудно проникнуть въ душу такого деспота, какъ Домиціанъ. Душа его мрачна, какъ грозовая туча, вспыхивающая молніями. Трудно прослѣдить источники его пороковъ, его лютой ненависти, разражающейся надъ людьми. Цѣлый рой демоновъ волнуетъ и мучитъ деспота: гордость, честолюбіе, зависть, алчность, подозрительность, страхъ... Ненасытныя, неутолимыя страсти мучатъ его. Жадность его—бездонная пучина. И мы знаемъ, что монархи, пользовавшіеся неограниченною властью, накопляли громадныя богатства... Деспотъ страшится и преслѣдуетъ тѣхъ, кого онъ оскорбилъ, кому причинилъ страданіе. Онъ всѣмъ угрожаетъ, никому не довѣряетъ и презираетъ всѣхъ,—и въ то же время втайнѣ самъ трепещетъ отъ страха не менѣе того, чѣмъ заставляетъ другихъ дрожать передъ нимъ. Поэтому-то каждый деспотъ, чувствующій за собой цѣлый рядъ преступленій, бываетъ постоянно озабоченъ тѣмъ, какъ ему устроиться такъ, чтобы избавиться отъ всякихъ опасностей, отъ мученій страха, остаться безнаказаннымъ за свои злодѣянія. Иной деспотъ строилъ себѣ дворецъ—въ родѣ крѣпости—и окружалъ себя солдатами, на подкупъ которыхъ не жалѣлъ ни ласкъ, ни денегъ. Иной переѣзжалъ постоянно изъ одного дворца въ другой или скрывался въ какомъ-нибудь загородномъ мѣстечкѣ, окруживъ себя воинами и шпіонами.

И Домиціанъ долго раздумывалъ о томъ, какъ бы ему избѣжать всякихъ непріятныхъ случайностей и, наконецъ, придумалъ вставить пластинки фенгита [1]) въ стѣны галлерей, гдѣ онъ, обыкновенно, прогуливался,—для того, чтобы по

---

[1]) Минералъ, найденный въ Каппадокіи, почти совсѣмъ бѣлаго цвѣта, отличавшійся прозрачностью, нѣсколько напоминавшій слюду.

отраженіямъ, какъ въ зеркалѣ, на блестящей поверхности стѣнъ онъ могъ видѣть, что происходитъ у него за спиной. Такимъ образомъ, никто не могъ подойти къ нему сзади незамѣченнымъ.

Подъ конецъ своего правленія Домиціанъ почти не выходилъ изъ дворца, не показывался въ публикѣ. Но, живя затворникомъ, онъ, конечно, не могъ не сознавать, что толстыя стѣны его дворца—не гарантія его безопасности, что во дворцѣ много дверей и въ одну изъ этихъ дверей каждую минуту можетъ войти Смерть. Этимъ путемъ въ свое время она и вошла къ нему... Зная о всеобщей ненависти къ себѣ, зная, сколько пролито имъ крови, сколько мстителей за эту кровь таится во мракѣ, Домиціанъ долженъ былъ понять, что на землѣ нѣтъ такого недоступнаго мѣста, которое могло бы служить для него вполнѣ надежнымъ убѣжищемъ, гарантирующимъ его особу отъ покушеній.

Зрѣлище, по истинѣ,—поразительное... Домиціанъ, повидимому, всемогущій владыка милліоновъ запуганнаго народа, окруженный вооруженными полчищами, имѣющій къ своимъ услугамъ покорный сенатъ, судей, прислушивающихся къ его желаніямъ, толпы шпіоновъ, палачей и подкупленныхъ убійцъ,—всего боится, живетъ въ постоянномъ страхѣ, опасается каждаго приближающагося къ нему человѣка, не только посторонняго, но и каждаго изъ близкихъ, даже родственниковъ. Онъ, открыто презирающій всѣхъ и все, всѣ законы божескіе и человѣческіе, онъ—гигантъ гордости и высокомѣрія, мечтающій овладѣть чуть не божескими качествами, онъ—божій избранникъ, (въ чемъ старается увѣрить народъ), втайнѣ, оставаясь наединѣ, все же чувствуетъ себя слабымъ человѣкомъ, простымъ смертнымъ, такимъ же, какъ всѣ люди толпы, имъ презираемой, и трепещетъ своей собственной тѣни. Вѣчные страхи наединѣ и въ обществѣ, днемъ и ночью, отравляютъ жизнь деспоту. Это—неразлучные муки-мстители кровавой тиранніи...

Домиціанъ дѣлался все болѣе и болѣе мнительнымъ и

замышлялъ все новыя злодѣйства. Нашлись, наконецъ, люди, рѣшившіеся освободить Римъ отъ этого кровопійцы. Среди приближенныхъ Домиціана составился заговоръ...

Стали являться зловѣщія предзнаменованія. Страшныя бури разражались надъ Римомъ. Молнія ударила въ комнату Домиціана... Ночью Домиціана пугали сны. Однажды ему пригрезилось, что Минерва удалилась изъ своего храма, объявивъ ему, что она не можетъ болѣе защищать его. Каждый день приводилъ съ собой новые страхи. Императоръ часто спрашивалъ: который часъ? Онъ почему-то особенно опасался пятаго часа дня... Когда однажды громъ съ оглушительнымъ трескомъ загрохоталъ надъ дворцомъ и яркія молніи горѣли, не погасая, Домиціанъ въ душевномъ томленіи вскричалъ: „Пусть бы ужъ лучше молніи сразу поразили меня“! Ждать ему пришлось недолго...

Наступило 18 сентября 96 года.

Домиціанъ прохаживался по галлереямъ своего дворца совершенно спокойно, такъ какъ ему сказали, что пятый часъ уже прошелъ. Въ это время одинъ изъ его приближенныхъ, Стефанусъ, подошелъ къ нему и подалъ ему будто-бы доносъ о какомъ-то вновь открытомъ заговорѣ. Чтобы не возбудить подозрѣнія, онъ притворился больнымъ и лѣвую руку держалъ на перевязи. Когда Домиціанъ началъ читать письмо, Стефанусъ, вытащивъ потихоньку изъ-за перевязи ножъ, ударилъ имъ Домиціана въ животъ. Императоръ съ яростью бросился на убійцу, повалилъ его и старался вырвать у него глаза, но затѣмъ, самъ ослабѣвъ отъ потери крови, оставилъ его и побѣжалъ за оружіемъ и чтобы позвать на помощь стражу. Но смотритель дворца, Партеній, участвовавшій въ заговорѣ, уже захватилъ всѣ выходы и съ нѣсколькими товарищами бросился на помощь къ Стефанусу. Царапаясь и кусаясь, борясь, какъ хищный звѣрь, за свою жизнь, тиранъ палъ подъ ударами гладіатора и раба...

Коммодъ, сынъ и наслѣдникъ императора-философа, Марка Аврелія—по злой насмѣшкѣ судьбы—былъ такъ не похожъ на отца по своимъ нравственнымъ качествамъ, что въ римскомъ обществѣ его считали сыномъ не Марка Аврелія, но какого-нибудь гаера или гладіатора, къ которымъ его мать питала большую слабость...

Звѣрскіе инстинкты рано пробудились въ Коммодѣ. Будучи двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, онъ, разсердившись, потребовалъ, чтобы бросили въ огонь служителя за то, что тотъ по оплошности приготовилъ ему слишкомъ холодную ванну... Императоръ-философъ дѣлалъ всевозможныя усилія, чтобы оставить по себѣ достойнаго наслѣдника, но ничто не помогало, всѣ старанія его оказывались напрасными. Коммодъ явно былъ непригоденъ для императорскаго трона. Онъ любилъ одѣваться кучеромъ, посѣщать конюшни, ходилъ въ публичные дома, дружилъ съ кутилами, барышничалъ лошадьми, мѣнялъ ихъ такъ же, какъ женщинъ, и рано погрузился въ распутство.

Никогда такъ ясно не обнаруживается вся несостоятельность принципа наслѣдственной монархіи, какъ въ возможности появленія „Коммодовъ" въ роли правителей государства. Судьба предназначила Коммоду быть кучеромъ или конюхомъ и, можетъ статься, онъ былъ бы недурнымъ конюхомъ, но люди, наперекоръ его дарованіямъ и склонностямъ, сдѣлали изъ него императора. Изъ Исторіи мы знаемъ не мало такихъ примѣровъ, когда люди, весьма ограниченные, но которые могли бы быть порядочными сельскими хозяевами, артистами или исправными офицерами, по закону наслѣдственной монархіи, дѣлались правителями государства.

Послѣ смерти отца, бѣжавъ съ поля битвы и предоставивъ своимъ военачальникамъ продолжать войну на берегахъ Дуная, Коммодъ, какъ побѣдитель, на тріумфальной колесницѣ вступилъ въ Римъ. Вмѣстѣ съ нимъ находился на колесницѣ и его любимецъ, красавецъ Антерусъ, кото-

рому императоръ, по словамъ историка, „расточалъ нескромныя ласки“...

При Коммодѣ, вначалѣ его царствованія, состоялъ частный семейный совѣтъ, но молодой государь скоро разогналъ его. Въ то же время онъ не могъ да и не желалъ заниматься дѣлами правленія. Управленіе римской имперіей должно было неминуемо сдѣлаться добычей кого-нибудь изъ его приближенныхъ. И, дѣйствительно, Коммодъ изъ рукъ совѣта попалъ въ руки преторіанскаго префекта, Перенниса.

Переннисъ, человѣкъ ловкій, предпріимчивый, прежде всего заявилъ—и впослѣдствіи повторялъ не однажды, что онъ лишь единственно изъ преданности къ государю согласился взять на себя тяжелое бремя правленія. Затѣмъ, онъ заключилъ императора въ его дворцѣ подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, чтобы удобнѣе охранять его, не допускалъ до него лицъ, неугодныхъ ему, Переннису, и вообще, не обыскавъ предварительно, никого къ нему не впускалъ. Поощряя нерасположеніе Коммода къ „скучнымъ“ занятіямъ государственными дѣлами, Переннисъ потворствовалъ его склонности къ чувственнымъ наслажденіямъ,—и въ этомъ отношеніи предоставилъ ему вполнѣ пользоваться неограниченной властью.

Скрывшись отъ общества, Коммодъ сталъ вести жизнь восточныхъ деспотовъ. Онъ изгналъ свою жену, обезчестилъ сестеръ, а одну изъ нихъ, Люциллу, убилъ, взялъ въ наложницы нѣкую Марсію, которой заставилъ оказывать почести, какъ императрицѣ, и составилъ свой дворъ изъ 300 молодыхъ людей и 300 молодыхъ женщинъ, выбранныхъ изъ среды самыхъ отчаянныхъ развратницъ. Празднества, пиры, оргіи и всякаго рода дебоши шли во дворцѣ... А Переннисъ, между тѣмъ, его именемъ управлялъ Римомъ и, надо признаться, управлялъ недурно, причемъ, разумѣется, не забывалъ ни себя, ни своихъ родственниковъ... Но вскорѣ явился ему соперникъ. Любимецъ Коммода, Клеандръ, желавшій также попользоваться народными деньгами, началъ

интриговать противъ Перенниса и возбуждать въ Коммодѣ подозрѣнія. Дѣло дошло до провокаціи... Однажды въ амфитеатрѣ въ присутствіи Коммода какой-то неизвѣстный человѣкъ вдругъ поднялся съ мѣста и вскричалъ: „Не время теперь, Цезарь, давать игры: мечъ Перенниса виситъ надъ твоей головой! Собирается буря, и она разразится, если ты не остережешься“!.. Затѣмъ, какимъ-то страннымъ образомъ оказались въ обращеніи монеты съ изображеніемъ Перенниса. Коммодъ встревожился. Переннисъ по его повелѣнію былъ убитъ, а также и сынъ его, вызванный въ Римъ, былъ умерщвленъ дорогой.

Управленіе государствомъ, вмѣстѣ съ должностью преторіанскаго префекта, перешло къ Клеандру. Этотъ человѣкъ думалъ только о наживѣ: онъ торговалъ должностями, провинціями, помилованіями и казнями. Противъ него въ Римѣ вспыхнуло возстаніе, и самъ Коммодъ чуть не погибъ. Онъ спасся лишь тѣмъ, что пожертвовалъ своимъ любимцемъ, пославъ возставшимъ воткнутую на копье голову Клеандра.

Императоръ, наконецъ, рѣшился самъ управлять: началась эпоха сплошного террора, передъ которымъ даже нѣсколько блѣднѣютъ звѣрства Калигулы и Домиціана. Онъ проливалъ кровь римскихъ гражданъ ради того, чтобы устрашить и ради забавы. Казни и убійства сдѣлались основаніемъ его правительственной системы. Для сохраненія всей полноты своей кажущейся неограниченной власти онъ ни передъ чѣмъ не останавливался. Преторіанскій префектъ, Юліанусъ, котораго онъ публично обнималъ, называя своимъ отцомъ, былъ утопленъ по его повелѣнію. Другого префекта, Мотилина, онъ отравилъ за обѣдомъ. Сенатъ подвергся „стрижкѣ“. Лампридъ сообщаетъ, что однажды были умерщвлены въ одинъ день 8 сенаторовъ, а въ другой разъ—15, также въ одинъ день. „Моя исторія была бы слишкомъ тягостной, слишкомъ отвратительной,—говоритъ Діонъ Кассій,—если бы я захотѣлъ со всѣми подробностями опи-

сывать злодѣйства, совершонныя Коммодомъ, и перечислять имена людей, осужденныхъ имъ на смерть по клеветѣ, по ложному доносу, по подозрѣнію,—ради ихъ богатства, знатности или добродѣтели"...

На судѣ Коммодъ заставлялъ гражданъ выкупать жизнь, откупаться отъ смерти и такимъ образомъ многихъ довелъ до нищеты: онъ торговалъ смертными казнями и пытками, учитывалъ преступленія и назначилъ таксу за разрѣшеніе хоронить казненныхъ,—однимъ словомъ, этотъ императоръ поступалъ, какъ разбойникъ большихъ дорогъ, заявляющій путнику: „Кошелекъ или жизнь!"

Удовольствія его—такъ же, какъ все его царствованіе—носили кровавый характеръ.

Однажды афиши и герольды объявили повсюду, что въ римскомъ амфитеатрѣ, въ назначенный день, будетъ дано невиданное и неслыханное зрѣлище, а именно: императоръ будетъ убивать животныхъ, выпущенныхъ на арену, а затѣмъ вступитъ въ борьбу съ самыми знаменитыми гладіаторами. Зрѣлище, дѣйствительно, было невиданное и неслыханное—даже и для императорскаго Рима. Со всей Италіи народъ толпами сходился въ Римъ. Колизей былъ полонъ въ день этого кровавого позорища, когда римскій императоръ фигурировалъ въ роли мясника.

Коммодъ явился въ какомъ-то театральномъ, шутовскомъ костюмѣ—пурпуровой туникѣ, въ плащѣ такого же цвѣта и съ золотымъ вѣнкомъ на головѣ. Арена была раздѣлена на четыре части двумя барьерами, пересѣкавшимися подъ прямымъ угломъ. Вдоль этихъ барьеровъ шла галлерея, съ которой можно было безопасно поражать животныхъ.

Въ первый день императоръ убивалъ оленей и другихъ рогатыхъ животныхъ, затѣмъ страусовъ. Особенно ловко онъ срѣзывалъ головы бѣгущимъ страусамъ; голова отлетала, а животное въ силу инерціи продолжало еще бѣжать подъ громъ апплодисментовъ. На слѣдующій день были выпущены львы—и перебиты. Когда императоръ уставалъ отъ

бойни, женщины наливали ему вина; онъ пилъ, а публика, по сигналу, данному сенаторами, кричала: „Да здравствуетъ императоръ“! На третій день Коммодъ избивалъ слоновъ, носороговъ. Въ заключеніе онъ вступилъ въ борьбу съ гладіаторами, причемъ такъ же, какъ при избіеніи животныхъ, онъ вполнѣ гарантировалъ свою безопасность: мечъ его былъ остро отточенъ, а мечи гладіаторовъ были притуплены. И Коммодъ отважно поражалъ своихъ противниковъ, ранилъ ихъ, глубоко пронзая беззащитныхъ своимъ мечомъ. По словамъ историка, „склонившись надъ однимъ поверженнымъ имъ гладіаторомъ, императоръ пальцами разрывалъ ему рану, чтобы показать ее публикѣ“, и, усталый, вытиралъ окровавленной рукой потъ съ лица. Каждый день Коммодъ выручалъ по 250 тыс. драхмъ, и эта сумма покрывала его издержки на нелѣпое, отвратительное зрѣлище, которое могъ задумать и дать народу лишь обезумѣвшій деспотъ.

Нельзя было бы повѣрить подобнымъ разсказамъ, можно было бы заподозрить историковъ въ сгущеніи красокъ, если бы Діонъ Кассій, современникъ и очевидецъ всѣхъ этихъ звѣрствъ, не призналcя самъ въ своемъ позорѣ и униженіи сената. Несомнѣнно Діонъ Кассій былъ человѣкъ откровенный и правдивый... „Когда императоръ съ торжествующимъ видомъ обратился къ намъ (т.-е. къ сенаторамъ), говоритъ Кассій, мы встали и, какъ заученое, крикнули: „Слава Цезарю, Коммоду-Геркулесу, во всемъ первому, государю благочестивому и побѣдоносному“! Коммодъ былъ въ восторгѣ и вознамѣрился увѣковѣчить свое имя въ потомствѣ памятникомъ, достойнымъ его. Голова колоссальной статуи Нерона была уже давно замѣнена изображеніемъ Солнца и посвящена богу Солнца. Коммодъ, вмѣсто Солнца, помѣстилъ свою статую и посвятилъ ее самому себѣ съ надписью: „Коммоду, побѣдившему лѣвой рукой тысячу гладіаторовъ“. (Коммодъ былъ лѣвша).

Калигула и Домиціанъ, претендуя на божеское могущество и величіе, разсчитывали придать себѣ еще болѣе авто-

ритета въ глазахъ народа, а предаваясь жестокимъ репрессіямъ, надѣялись нагнать на народъ панику и тѣмъ гарантировать свою личную неприкосновенность. Неронъ, такой же деспотъ, какъ они, желалъ управлять міромъ, какъ несравненный артистъ, съ помощью обаянія своего искусства. Въ Коммодѣ же мы ничего не видимъ, кромѣ жестокости и звѣрства; видимъ въ немъ лишь инстинктъ кровожадности, вкусъ къ убійствамъ. Онъ былъ даже не тиранъ, въ родѣ Домиціана: онъ былъ палачъ. Онъ желалъ и умѣлъ управлять лишь съ помощью ужасовъ, пытокъ и казней. Въ немъ все дышало кровью—даже шутки. Это, по истинѣ, былъ кровавый императоръ.

На улицахъ Рима встрѣчали не мало жертвъ его жестокости—несчастныхъ изувѣченныхъ людей съ однимъ глазомъ или на одной ногѣ. Коммодъ, смѣясь, называлъ ихъ „своими калѣками". Этимъ несчастнымъ онъ не давалъ покоя, заставлялъ ихъ иногда бороться ради потѣхи, и тѣхъ, кто падалъ въ схваткѣ, Коммодъ самъ жестоко билъ дубиной. Иногда вооружившись бритвой и дѣлая видъ, что желаетъ брить бороды своихъ слугъ, онъ въ видѣ шутки отрѣзывалъ имъ то носъ, то уши. Всѣ его окружающіе приближались къ нему со страхомъ и отвращеніемъ, какъ къ ядовитой гадинѣ, ежеминутно готовой всякаго ужалить на смерть. Даже дружба его не сулила ничего добраго. Посѣщая своихъ больныхъ друзей, Коммодъ лѣчилъ ихъ кровопусканіемъ и выпускалъ столько крови, что тѣ „дѣлались блѣдны, какъ мертвецы", и падали въ обморокъ. Узнавъ, что одинъ больной говорилъ, что онъ желалъ бы умереть, Коммодъ пришелъ къ нему и съ удовольствіемъ исполнилъ его желаніе.

Въ позднѣйшіе вѣка мы находимъ личности, по своей нравственной организаціи похожія на Коммода, только въ другомъ видѣ, при иныхъ условіяхъ, въ иномъ общественномъ положеніи... Коммодъ, это—цирюльникъ Жанъ де Труа, убійца Кабошъ или живодеръ Капелюшъ, сдѣлавшійся римскимъ императоромъ на ступеняхъ амфитеатра...

Даже трудно представить себѣ ту общественную анархію, какая въ правленіе Коммода воцарилась повсюду въ римской имперіи. Разбойничество до того усилилось, престижъ власти такъ палъ, что какой-то Матернусъ, дезертиръ, сдѣлавшійся атаманомъ шайки разбойниковъ, однажды въ праздникъ проникъ со своей шайкой въ Римъ съ цѣлью овладѣть императорской властью. И этотъ Матернусъ, вѣроятно, не могъ бы быть хуже Коммода на императорскомъ тронѣ... Попытка Матернуса не удалась вслѣдствіе измѣны одного изъ его товарищей: Матернусъ былъ схваченъ и распятъ на крестѣ... Но одной этой дерзкой попытки уже достаточно для того, чтобы охарактеризовать тотъ распадъ, ту анархію, до какой Коммодъ со своей камарильей довелъ Римъ. Варвару-германцу было уже не трудно добить этого больного, полуживого „Владыку міра“...

Говоря о Матернусѣ, нельзя умолчать еще объ одномъ фактѣ, свидѣтельствующемъ о томъ, до какой степени достигла анархія въ римскомъ обществѣ при Коммодѣ. Въ Римѣ свирѣпствовала чума, но какъ будто оказывалось еще недостаточно смертности отъ чумы и ужасовъ, творимыхъ императорскимъ правительствомъ, въ Римѣ въ то время организовались шайки злоумышленниковъ, которые, вооружившись небольшими кинжалами или иглами съ отравленными остріями, вмѣшивались въ уличную толпу во время праздниковъ, въ храмахъ, на гуляньяхъ, повсюду, и „подкалывали“ направо и налѣво, кто попадется подъ руку, мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Эти „подкалыватели“, наносившіе иногда глубокія, смертельныя раны, производили въ обществѣ панику. Правительство своими постоянными, непрекращающимися казнями и жестокостями развило въ народѣ вкусъ къ крови, къ убійству, и обезцѣнило человѣческую жизнь.

Царствованіе Коммода, съ начала до конца, было роковымъ для римскаго народа. Это былъ сплошной, безпросвѣтный ужасъ. Казни, пытки, убійства изъ-за угла, разбойниче-

ство, чума, страшные пожары, истребившіе храмы Мира и Весты и римскіе государственные архивы, общій распадъ, нравственная и политическая анархія, прогрессирующее разложеніе государства—вотъ чѣмъ ознаменовалось правленіе Коммода. А императоръ, между тѣмъ, ослѣпленный гордыней, одурѣвшій отъ пролитой крови, раздумывалъ о томъ, какъ бы поосновательнѣе увѣковѣчить въ потомствѣ свое имя и свое „славное царствованіе". Онъ назвалъ Римъ „коммодовымъ", сенатъ также сталъ называться „коммодовымъ", и, наконецъ, императоръ объявилъ указомъ, чтобъ время его правленія называлось „Золотымъ вѣкомъ", „Вѣкомъ Коммода"... Правленіе его продолжалось 12 лѣтъ и, какъ и слѣдовало ожидать, закончилось убійствомъ.

Въ день новаго 192 года Коммодъ, недовольный своею любовницей Марсіей и нѣкоторыми изъ своихъ приближенныхъ, записалъ на табличкѣ ихъ имена въ числѣ тѣхъ, кого онъ хотѣлъ казнить. Марсія случайно объ этомъ узнала и предупредила другихъ объ угрожавшей имъ участи. За ужиномъ Марсія подсыпала яду въ кушанье Коммода, а когда ядъ не подѣйствовалъ на сильный организмъ этого животнаго, заговорщики призвали раба Нарцисса, и тотъ задушилъ злодѣя.

Сенаторы, узнавъ объ его смерти, разразились бѣшеными криками: „Долой палача, гладіатора! Онъ обезлюдилъ сенатъ, погубилъ отечество, для него не было ничего святого! Растерзать его! На крюкъ его, на лобное мѣсто! Въ свалку нечистотъ! Подлецъ! Убійца!"

Такими-то надгробными рѣчами почтилъ Римъ императора Коммода.

Монтескьё назвалъ императора Каракаллу „истребителемъ людей" (un destructeur d'hommes) и назвалъ совершенно справедливо. Каракалла началъ свое царствованіе убійствомъ, продолжалъ и кончилъ убійствами.

Послѣ смерти своего отца, Септимія Севера пожелавъ сдѣлаться единымъ владыкой Рима, Каракалла самымъ вѣроломнымъ образомъ убилъ своего брата, Гету, въ объятіяхъ матери, напрасно старавшейся защитить своего несчастнаго сына. Братоубійца, еще обагренный кровью, поспѣшно отправился въ лагерь преторіанцевъ и тамъ съ громкими воплями заявилъ, что онъ едва избѣжалъ смертельной опасности, что его едва не убили, что теперь, спасшись, онъ въ состояніи щедро одарить свое „любимое воинство". Солдаты догадались, въ чемъ дѣло, сначала смутились, почувствовали омерзѣніе къ этому человѣку, но затѣмъ примирились съ „совершившимся фактомъ" и получили отъ него, какъ цѣну крови, по 2,500 драхмъ.

Заручившись помощью солдатъ, Каракалла былъ уже смѣлѣе и откровеннѣе съ сенаторами. Онъ напомнилъ сенату, что Ромулъ для созданія Рима былъ вынужденъ убить своего брата, Рема. „Развѣ Тиверій не убилъ Агриппу, а Неронъ—Британника?" спрашивалъ Каракалла. Пренебрегая исторической правдой, Каракалла даже обвинилъ Марка Аврелія въ убійствѣ Вера... Онъ желалъ, чтобы знаменитый ученый того времени, Папиніанъ, составилъ цѣлую теорію для оправданія братоубійства. „Легче совершить преступленіе, чѣмъ восхвалять его!" отвѣтилъ этотъ юристъ, оказавшійся менѣе угодливымъ передъ деспотомъ, чѣмъ философъ Сенека. Папиніанъ и сынъ его поплатились жизнью за эти смѣлыя слова.

Начались казни... Первыми жертвами пали: сестра Марка Аврелія, совершенно безобидная старуха, Помпеянъ, двоюродный братъ М. Аврелія и Пертинаксъ. Каракалла ожесточенно преслѣдовалъ всѣхъ должностныхъ лицъ и служителей, заподозрѣнныхъ въ привязанности къ его убитому брату, Гетѣ. По свидѣтельству одного современнаго писателя, Каракалла казнилъ до 20,000 человѣкъ.

Каракалла сознательно унижалъ сенатъ, чтобы во всемъ блескѣ проявить полноту своей неограниченной власти. Онъ

заставлялъ сенаторовъ по цѣлымъ часамъ ожидать въ пріемной своего выхода въ то время, какъ пировалъ со своими приближенными. При свиданіи съ сенаторами онъ даже не находилъ нужнымъ привѣтствовать ихъ... Народъ видѣлъ отъ него лишь увеличеніе налоговъ. Провинціи въ его царствованіе были совершенно разорены, по словамъ Діона Кассія; народъ голодалъ. А императоръ съ первыхъ же дней своего правленія сталъ расточать отцовскія сбереженія и заявилъ, что никто, кромѣ него, не долженъ имѣть золота и серебра. Въ то же время онъ повелѣлъ чеканить и распространять въ публикѣ фальшивую монету. Такимъ образомъ этотъ римскій императоръ является первымъ фальшивымъ монетчикомъ... Его мать, Юлія Домна, сдѣлала ему однажды замѣчаніе по поводу того, что онъ дурно пріобрѣтаетъ деньги и еще хуже расходуетъ ихъ.—„Пока у меня будетъ мечъ,—сказалъ онъ, стукнувъ по рукояти меча,—до тѣхъ поръ у меня не будетъ недостатка ни въ золотѣ, ни въ серебрѣ!“ И впослѣдствіи всѣ деспоты думали, если не говорили вслухъ, точно также: у нихъ подъ рукой была послушная вооруженная сила, вымогавшая деньги съ народа и попиравшая его права... Въ заключеніе Каракалла покрылъ всю имперію сѣтью шпіонства. Шпіоны въ его царствованіе стояли выше магистратуры, выше суда, выше сената, выше закона. Деспотизмъ немыслимъ безъ услугъ шпіона.

Императоръ пожелалъ прославить себя воинскими подвигами и отправился за Дунай противъ готовъ, тревожившихъ эту границу имперіи, но былъ разбитъ и купилъ миръ у непріятеля. Затѣмъ онъ отправился удивлять Востокъ своею доблестью. На развалинахъ Трои онъ едва ли не возмнилъ себя Ахилломъ. На поляхъ знаменитыхъ битвъ при Граникѣ и Иссѣ онъ захотѣлъ быть ни болѣе, ни менѣе, какъ другимъ Александромъ Македонскимъ. Онъ писалъ сенату, что душа великаго завоевателя, такъ недолго жившаго на землѣ, вселилась нынѣ въ него, въ Каракаллу, для того, чтобы довершить славные подвиги. Все это письмо—не что иное, какъ

бредъ человѣка, одержимаго горделивымъ умопомѣшательствомъ.

Послѣ того Каракалла прошелъ со своимъ войскомъ въ Египетъ и посѣтилъ Александрію—на горе ей... Александрійцы устроили ему великолѣпную встрѣчу. Дождь цвѣтовъ сыпался подъ ноги его коня, дома украсились гирляндами цвѣтовъ, на алтаряхъ курился фиміамъ... Императоръ пошелъ къ гробницѣ Александра и торжественно сложилъ на нее свою перевязь и мечъ, вообразивъ, вѣроятно, что онъ оказываетъ тѣмъ великую честь памяти македонскаго завоевателя... Александрійское населеніе, остроумное, насмѣшливое, скоро разглядѣло „новаго Александра“ и не нашло въ немъ ничего геройскаго. Александръ Македонскій нѣкогда побѣдилъ Гетовъ, а римскій Александръ убилъ своего брата, Гету... Такое сопоставленіе дало александрійцамъ поводъ для насмѣшекъ надъ Каракаллой. „Новый“ Александръ стоитъ мекедонскаго героя,—говорилъ пародъ,—потому что того и другого можно называть „Александромъ Гетскимъ“. Слухъ объ этомъ каламбурѣ дошелъ до Каракаллы. Императоръ разгнѣвался и, какъ лютый звѣрь, жестоко отомстилъ александрійцамъ.

Каракалла пригласилъ на пиръ самыхъ именитыхъ гражданъ Александріи, и въ тотъ же день вся александрійская молодежь должна была собраться на главную городскую площадь. Былъ пущенъ слухъ, что Каракалла намѣревался сдѣлать смотръ и изъ самыхъ красивыхъ и сильныхъ юношей составить „священный легіонъ“ для охраны императорской особы... Лишь только приглашенные гости вступили въ залу пиршества, какъ императоръ далъ сигналъ къ убійству, и всѣ эти почетные александрійскіе граждане были умерщвлены. На молодежь, собравшуюся на площади, напали преторіанцы, и началась ужасная бойня. Императоръ изъ храма Сераписа любовался на это зрѣлище... Въ то время, какъ одни воины выкапывали глубокіе, длинные рвы, другіе наполняли ихъ трупами, и эта работа производилась съ такой

поспѣшностью, что не одинъ воинъ второпяхъ былъ сброшенъ въ ровъ и похороненъ вмѣстѣ съ трупами.

Въ этомъ кровавомъ фактѣ ярко выразилась вся полнота власти Каракаллы.

Императора, встрѣченнаго съ почетомъ, съ цвѣтами и гирляндами, Александрія проводила проклятіями.

На обратномъ пути изъ Египта Каракалла прошелъ по знаменитому полю арбелльской битвы. Не найдя случая встрѣтить и побѣдить новаго Дарія, императоръ, какъ иронически замѣчаетъ историкъ, „мужественно разсѣялъ кости древнихъ персидскихъ и парфянскихъ царей, похороненныхъ въ Арбеллахъ". Наконецъ, въ средѣ военныхъ составился заговоръ, и 8 апрѣля 217 г. Каракалла, дорогой, въ Месопотаміи, былъ убитъ однимъ изъ его офицеровъ, Марціалисомъ.

Геліогабалъ въ началѣ своего царствованія прислалъ сенату свой портретъ во весь ростъ,—съ приказаніемъ повѣсить его въ залѣ засѣданій, надъ алтаремъ Побѣды—для того, чтобы сенаторы могли постоянно созерцать „Владыку міра" и любоваться на него.

На этомъ портретѣ Геліогабалъ былъ изображенъ толстощекимъ, румянымъ юношей, съ подведенными глазами, съ тіарой на головѣ, украшенной драгоцѣнными камнями, съ ожерельемъ на груди, съ браслетами на рукахъ, въ плащѣ, въ какомъ-то длинномъ, фантастическомъ одѣяніи (вродѣ женскаго платья), затканномъ золотомъ и въ красныхъ ботинкахъ, усыпанныхъ драгоцѣнными камнями.

И этого-то шута преторіанцы дали въ императоры римскому народу.

Геліогабалъ пользовался своею императорскою властью преимущественно для удовлетворенія своей страсти къ роскоши и сладострастію. Съ Геліогабаломъ наступило въ Римѣ правленіе сераля, распутныхъ мужчинъ и публичныхъ женщинъ.

Каждый изъ его пировъ стоилъ не менѣе 100,000 сестерцій. Онъ требовалъ, чтобы животныя подавались на столъ въ ихъ естественномъ видѣ, какъ бы живыми. Рыбы, напр., подавались не иначе, какъ въ соусахъ цвѣта морской воды и настолько прозрачныхъ, чтобы можно было въ нихъ видѣть рыбъ. На пирующихъ съ потолка сыпались цвѣты и брызгали ароматы. Желая посмѣяться надъ своими сотрапезниками, Геліогабалъ иногда спускалъ на нихъ львовъ, леопардовъ, медвѣдей, у которыхъ, впрочемъ, предварительно были вырваны когти и зубы... Геліогабалъ спалъ на кровати изъ массивнаго серебра, на пуховомъ ложѣ. Въ цинизмѣ онъ не только не уступалъ своимъ предшественникамъ, но даже отчасти превзошелъ ихъ... Подъ портиками его дворца собирались самые отъявленные развратники и женщины изъ публичныхъ домовъ, и Геліогабалъ обращался съ ними по-товарищески... Въ колесницу, украшенную золотомъ и серебромъ, запрягали для него слоновъ, прирученныхъ тигровъ, а иногда, для разнообразія, полуобнаженныхъ или вовсе обнаженныхъ молодыхъ женщинъ, и самъ онъ, голый, правилъ ими.

Своему богу Ваалу онъ приносилъ человѣческія жертвы, и, преимущественно, красивыхъ дѣтей, похищенныхъ у родителей.

Къ великому скандалу римлянъ Геліогабалъ женился на весталкѣ, похищенной имъ насильно изъ храма. По его предположенію, отъ его союза съ жрицей Весты долженъ былъ родиться необыкновенный ребенокъ, ребенокъ-богъ. Но отъ этого союза никакого, даже самаго плохенькаго, ребенка не родилось... Послѣ того Геліогабалъ пожелалъ разыгрывать роль женщины, заставлялъ выщипывать волосы на своемъ подбородкѣ, румянился, сѣлъ за прялку и сталъ прясть. Наконецъ, взялъ себѣ въ мужья Каріена Гіероклеса. Мужъ оказался ревнивымъ, и Геліогабалъ въ качествѣ жены, доводя свою роль до конца, притворялся невѣрной женой, чтобы сильнѣе разжечь похоть Гіероклеса. Дѣло дошло до того, что Гіероклесъ даже оскопилъ своего мнимаго соперника, Зотика.

Этотъ сладострастникъ кончилъ самымъ шаблоннымъ образомъ. Противъ него составился заговоръ... Воины проникли во дворецъ, чтобы покончить съ Геліогабаломъ, но тотъ на время успѣлъ скрыться. Императоръ видѣлъ, что смерть неизбѣжна, и лишь раздумывалъ надъ тѣмъ, какой родъ смерти избрать, который былъ бы поэффектнѣе. У него былъ запасъ маленькихъ золотыхъ кинжаловъ, шелковыхъ веревокъ, самыхъ тонкихъ ядовъ, находившихся въ изумрудныхъ и аметистовыхъ ящичкахъ. Наконецъ, у подножія одной башни, по его повелѣнію, былъ сдѣланъ мозаичный помостъ, составленный изъ золотыхъ пластинокъ и драгоцѣнныхъ камней. Геліогабалъ намѣревался, въ минуту крайности, броситься на это цѣнное, роскошное ложе смерти.

Но когда пришла эта „минута крайности", Геліогабалъ не зналъ на что рѣшиться, не зналъ, какой родъ смерти избрать, вѣрнѣе же сказать, у него не хватало мужества умереть.

Наконецъ, убѣжище его было открыто: воины нашли его въ отхожемъ мѣстѣ. Тамъ и убили его... Трупъ его волокли по улицамъ и хотѣли бросить въ сточную трубу для нечистотъ, но отверстіе трубы оказалось слишкомъ узко; тогда потащили его къ рѣкѣ, навязали на шею камень и сбросили съ моста въ Тибръ.

Въ заключеніе могу повторить слова Діона Кассія: „Я сдѣлалъ бы свою исторію слишкомъ тягостной, слишкомъ отвратительной, если бы захотѣлъ далѣе подробно описывать всѣ злодѣйства и гнусности", совершонныя деспотами,— и кончаю.

III.

Власть, почти неограниченная, по крайней мѣрѣ съ весьма широкими полномочіями имѣла свое оправданіе, когда народъ добровольно облекалъ ею своего избранника и когда

тотъ пользовался ею, какъ возможностью своими выдающимися дарованіями, своими талантами, знаніями наиболѣе широко послужить людямъ, своей родинѣ, человѣчеству и когда власть его поддерживалась не насиліемъ, не вооруженной рукой, но личнымъ авторитетомъ. Власть же абсолютнаго монарха, деспота, основывалась не на личномъ авторитетѣ, поддерживалась она грубой физической силой и употреблялась имъ и его окружающими — для достиженія такихъ цѣлей, которыя, какъ видѣлъ читатель, не имѣютъ ничего общаго съ народнымъ благомъ. Власть абсолютнаго монарха, номинально неограниченная, въ дѣйствительности же весьма ограничена волею окружающихъ его людей (олигарховъ), но взамѣнъ недостатка полноты власти монарху предоставляется право представительства, санкціонированіе всѣхъ государственныхъ актовъ, все внѣшнее величіе, весь мишурный блескъ и возможность предаваться „мечтамъ и страстямъ". Иногда монархъ не только довольствовался внѣшностью, пышными титулами, тѣнью власти, но въ нихъ-то чаще всего и заключалось для него все обаяніе власти...

Несмотря на ограниченность своей власти, несмотря на отвѣтственность тѣмъ не менѣе сопряженную съ нею,— отвѣтственность иногда за поступки и преступленія другихъ, несмотря на опасность своего положенія, на возможность военныхъ заговоровъ,—заговоровъ въ той средѣ, которая служитъ ему главной, а иногда и единственной поддержкой, несмотря на возможность дворцовыхъ переворотовъ, причемъ онъ можетъ быть убитъ, несмотря на возможность народныхъ возстаній,—однимъ словомъ, несмотря на всѣ опасности, ежеминутно и повсюду угрожающія деспоту и его семьѣ, онъ упорно держится за власть, упорно за нее цѣпляется и даже въ виду смерти хватается за нее похолодѣвшими руками...

„Сядьте, лорды,—говоритъ шекспировскій король Ричардъ II,—поведемте рѣчь о бѣдныхъ короляхъ. Взгляните,

сколько ихъ свергнуто съ престоловъ, пало въ битвахъ, измучено явленьемъ страшныхъ тѣней убитыхъ ими! Сколькихъ отравили ихъ собственныя жены; сколькихъ смерть постигнула во снѣ! Вездѣ убійства... Смерть царствуетъ въ коронѣ королей...“

Да! Но, несмотря на всѣ опасности, угрожающія „бѣднымъ королямъ“ и ихъ семьямъ, еще не бывало примѣра, чтобы кто-нибудь изъ нихъ добровольно отрекся отъ власти или отказался бы хотя отъ части своихъ прерогативъ въ пользу и на благо народа.

Если народъ, начавшій жить сознательной жизнью, могъ наконецъ уразумѣть всю несправедливость существовавшаго государственнаго строя, весь нравственный и матеріальный вредъ его для себя или былъ доведенъ до отчаянія бичами и скорпіонами недальновидныхъ правителей, тогда онъ возставалъ—въ силу самозащиты, требовалъ себѣ человѣческихъ правъ и правъ гражданина, т.-е. права самому ковать свою судьбу, завѣдывать своими дѣлами и расходованіемъ своихъ трудовыхъ денегъ,—словомъ, принимать дѣятельное участіе въ управленіи государствомъ. Тогда абсолютный монархъ съ его приближенными и властвующій классъ вступали въ борьбу съ народомъ.

Приэтомъ окружающіе и родственники внушали монарху: „Ты одинъ (съ нашей помощью) можешь править государствомъ. Нѣтъ грѣха на тебѣ: самые добродѣтельные, миролюбивые государи въ извѣстныхъ обстоятельствахъ бываютъ вынуждены вести войну со своими врагами, а если твоими врагами является часть твоихъ же подданныхъ, то кто же поставитъ тебѣ въ вину эту войну, предпринятую для блага родины!“ Такими-то софизмами, бѣлой ниткой шитыми, обыкновенно, и оправдывался деспотъ, насилуя народную волю и ни за что не желая сдавать своей позиціи.

Народъ рвался изъ той кромѣшной тьмы, въ которой въ теченіе вѣковъ держали его правители въ своихъ личныхъ и кастовыхъ интересахъ; народъ стремился изъ этой тьмы

на міровой просторъ, къ свѣту, къ свободѣ и къ счастью. А кучка олигарховъ съ деспотомъ во главѣ при дѣятельномъ содѣйствіи высшихъ сословій старалась во что бы то ни было отстоять свои выгодныя позиціи, т.-е. стремилась къ тому, чтобы удержать народъ подолѣе въ покорности, въ рабствѣ. И тутъ уже всѣ средства—самыя низкія, самыя безчестныя—оказывались пригодными; все пускалось въ ходъ, что только могли изобрѣсти дьявольская злоба и человѣконенавистничество,—шпіонство, подкупы, угрозы, лжесвидѣтельство, обвинительные приговоры, продиктованные свыше, убійства изъ-за угла, казни, пытки.

Если народъ въ ту эпоху оказывался достаточно сплоченной, организованной силой, то казни и всякія другія репрессіи его не останавливали, и онъ выходилъ побѣдителемъ изъ этой жестокой борьбы. Если же правительство, кромѣ войска, находило поддержку въ извѣстной части населенія и успѣвало зажечь междоусобную войну, тогда народъ иногда проигрывалъ, отступалъ,—и въ результатѣ—vae victis!.. бичи и скорпіоны... Но иногда случалось, что изъ междоусобной войны побѣдителемъ выходилъ народъ, а отступалъ деспотизмъ.

Въ борьбѣ абсолютизма съ народомъ встрѣчаются однѣ и тѣ же характерныя черты, повторяются одни и тѣ же моменты. Мы здѣсь даемъ лишь схему, легкій абрисъ этой борьбы.

Первый періодъ борьбы ознаменовывался со стороны правительства репрессіями, жестокостями, и правители проливали потоки крови въ надеждѣ залить этою кровью разгоравшійся пожаръ, упуская изъ виду, что при народныхъ движеніяхъ людская кровь—плохое огнегасительное средство: отъ него полупотухшій пожаръ вспыхиваетъ съ удвоенною силой. Наступалъ второй періодъ борьбы, когда правители старались привлечь на свою сторону часть народа, усилить смуту и хотя бы цѣной анархіи выйти побѣдителями изъ борьбы. Во дворцѣ и въ палатахъ сановниковъ-олигарховъ

(свѣтскихъ и духовныхъ) составлялись заговоры противъ народа, ковались для него цѣпи, крѣпче прежнихъ. Всѣ враги народа, всѣ измѣнники народнымъ интересамъ, всѣ темныя силы, общественныя подонки сплачивались въ одну компактную массу, двигавшуюся по сигналу. И, смотря по условіямъ мѣста и времени, большая или меньшая часть народа вставала на сторону монарха, олигарховъ и защищала ихъ. Закипалъ братоубійственный бой...

Борьба за деспотизмъ длилась годы, иногда десятки лѣтъ лилась кровь народа, приносились многочисленныя человѣческія жертвы... Вслѣдствіе рокового заблужденія государь думалъ, что онъ, рѣшительно, необходимъ для блага страны, что онъ незамѣнимъ, хотя въ дѣйствительности онъ могъ быть легко замѣненъ. Деспотическіе правители, ради которыхъ гибла масса человѣческихъ жизней, часто ни въ умственномъ, ни въ моральномъ отношеніи вовсе не заслуживали тѣхъ жертвъ, какія приносились ради нихъ цѣлымъ рядомъ поколѣній. По поводу ихъ можно повторить слова, полныя горечи и негодованія, сказанныя однимъ англійскимъ писателемъ: „И вотъ ради такихъ-то людей приходится страдать цѣлымъ народамъ, ради нихъ ведется борьба между политическими партіями, за нихъ храбро сражаются воины и проливаютъ свою кровь“. (Эти слова относились къ претенденту на англійскій престолъ, Іакову III, развратнику и пьяницѣ).

Третій періодъ заключалъ въ себѣ минуты, критическія для деспота, когда, изнемогая въ борьбѣ съ народомъ, онъ обращался за помощью къ иностраннымъ государямъ, т.-е. совершалъ государственное преступленіе, измѣнялъ своему отечеству. Если же помощь извнѣ оказывалась недѣйствительной, тогда наступалъ послѣдній, заключительный моментъ борьбы: монархъ шелъ на уступки, давалъ обѣщанія, но неискренно, а съ той мыслью, чтобы впослѣдствіи, когда минуетъ опасность, при первомъ же удобномъ случаѣ взять назадъ сдѣланныя уступки. Финалъ же борьбы, какъ уже

сказано, зависѣлъ отъ степени политическаго развитія и организованности народныхъ массъ.

Слѣдуя составленному нами плану, мы опять обратимся къ историческимъ фактамъ и докажемъ на живыхъ примѣрахъ, что борьба за абсолютизмъ всегда была жестокой, длительной борьбой, уносившей множество жертвъ со стороны борющихся, что эта борьба сопровождалась—приблизительно—одними и тѣми же явленіями, что въ ней слѣдовали и переживались, съ незначительными измѣненіями, однѣ и тѣ же перипетіи, причемъ только послѣдовательность и продолжительность періодовъ иногда нарушалась.

Мы беремъ два отрывка изъ исторіи борьбы за деспотизмъ, два эпизода, полные трагизма, весьма поучительные: одинъ эпизодъ изъ исторіи Англіи, другой—изъ исторіи Франціи.

IV.

Въ XVII вѣкѣ почти повсюду въ западной Европѣ (во Франціи, Испаніи и въ большинствѣ германскихъ государствъ) утвердилась неограниченная монархія. Такимъ образомъ, англійскимъ королямъ былъ уже данъ урокъ и образецъ. Борьба между королевской властью и народнымъ представительствомъ не замедлила возникнуть и въ Англіи.

Іаковъ I уже исповѣдывалъ принципы неограниченной монархіи и примѣнялъ ихъ на практикѣ, вводя незаконнымъ путемъ налоги, по своему произволу заключая гражданъ въ тюрьмы и т. д. Министры его говорили въ Палатѣ Общинъ: „Англійскій король не можетъ быть поставленъ въ худшія условія, чѣмъ другіе государи", то-есть, по ихъ мнѣнію, оказывалось, что если французскій или испанскій король пользовались въ своихъ государствахъ неограниченной властью, то и англійскій король, чтобы ему не было обидно, долженъ быть также неограниченнымъ монархомъ со всѣми его пре-

рогативами. Въ такихъ-то принципахъ и претензіяхъ воспитывался и сынъ Іакова, Карлъ.

Въ монархіяхъ на молодого государя, вступающаго на тронъ, обыкновенно, смотрятъ съ большими надеждами, ждутъ отъ него много хорошаго, а люди увлекающіеся создаютъ даже блестящія иллюзіи.. То же самое произошло и при вступленіи на престолъ Карла I Стюарта. Общественное мнѣніе было въ его пользу. О немъ говорили, какъ о человѣкѣ нравственно чистоплотномъ, серьезномъ, образованномъ, трудолюбивомъ, строгомъ въ своей частной жизни. Англійское общество охотно надѣляло его тѣми качествами, какія оно желало видѣть въ молодомъ монархѣ и изъ которыхъ нѣкоторыя въ немъ дѣйствительно существовали.

Карлъ I вступилъ на престолъ 27 марта 1625 г. И первый же правительственный актъ молодого государя, повидимому, оправдывалъ возлагавшіяся на него надежды. Черезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ (2 апр.) король созвалъ Парламентъ. Въ первомъ же засѣданіи Палаты Общинъ сэръ Веніаминъ Рюдіардъ предложилъ „все сдѣлать для того, чтобы поддержать полное согласіе между королемъ и народомъ“, „ибо—говорилъ онъ—отъ государя мы можемъ всего надѣяться для счастія и свободы страны“. Но ни король, ни сэръ Рюдіардъ не сознавали, до какой степени правительство и народъ были уже чужды другъ другу; не сознавали того, что между королемъ и народомъ уже образовалась пропасть и былъ недалеко тотъ день, когда они должны были перестать понимать другъ друга.

Поѣздка въ Мадридъ, по случаю сватовства къ испанской инфантѣ, а затѣмъ, когда это сватовство не удалось, пребываніе въ Парижѣ для женитьбы на французской принцессѣ, Генріэттѣ Маріи, воочію показали Карлу, что во Франціи и Испаніи народъ оказываетъ королямъ почти религіозное уваженіе и безъ ропота склоняется подъ ударами деспотизма. Поживъ за границей, повидавъ мадридскій и парижскій дворы, Карлъ рѣшилъ, что абсолютизмъ могъ также

удобно существовать и въ Уайтголлѣ. Съ нимъ были согласны и его родственники, и его приближенные и господствующая церковь, поддерживавшая абсолютизмъ въ своихъ матеріальныхъ интересахъ. Подъ вліяніемъ соблазнительныхъ примѣровъ и поощряемый окружающими, Карлъ, вступая на престолъ, уже втайнѣ питалъ претензіи на неограниченную власть.

Лишь только открылась сессія Парламента, какъ стало ясно, что король и народные представители собрались словно лишь для того, чтобы на каждомъ шагу сталкиваться и причинять непріятности другъ другу. Дѣла внѣшнія и внутреннія, расходованіе народныхъ денегъ въ прошломъ, смѣты будущихъ расходовъ, злоупотребленія властей, нарушеніе правъ гражданъ,—однимъ словомъ, все сдѣлалось предметомъ парламентскихъ разсужденій, споровъ, запросовъ, петицій. Такое поведеніе депутатовъ королю казалось покушеніемъ на его власть, и всѣ эти пренія и запросы производили на него непріятное впечатлѣніе. Королю не нравились рѣчи ораторовъ; онъ досадовалъ, сердился. Придворные, съ своей стороны, относясь враждебно къ народному представительству, пытавшемуся ограничить ихъ произволъ, подливали масла въ огонь, находя, что депутаты въ своихъ рѣчахъ выражаются непочтительно...

Король требовалъ денегъ и обѣщалъ удовлетворить всѣ справедливыя жалобы. Парламентъ вотировалъ суммы значительно менѣе тѣхъ, какія требовало правительство, но обѣщалъ дать болѣе, когда его жалобы будутъ удовлетворены. Король въ отвѣтъ давалъ обѣщанія, но обѣщаніямъ не довѣряли, ждали фактовъ. А вмѣсто фактовъ получались одни хорошія слова. Король настаивалъ на требованіи денегъ, а депутаты распространялись о злоупотребленіяхъ администраціи, о нарушеніи законовъ, о притѣсненіи и страданіяхъ народа.

Дѣло кончилось тѣмъ, что 12 августа (того же года) Парламентъ былъ распущенъ.

Вопросъ по существу шелъ о томъ: должны ли прерогативы королевской власти лежать въ основѣ управленія Англіей? Король утверждалъ, что всегда такъ было и такъ должно оставаться. Народъ и его представители были не согласны съ Карломъ и съ его свѣтскими и духовными совѣтниками. Они думали иначе и рѣшили, что въ основѣ управленія страной долженъ быть Парламентъ, который, по ихъ убѣжденію, кромѣ изданія законовъ, распредѣленія налоговъ и т. п., долженъ былъ имѣть право наблюдать за точнымъ осуществленіемъ своихъ постановленій и контролировать исполнительную власть, отвѣтственную передъ народомъ за свои поступки. Далѣе: Парламентъ, по ихъ мнѣнію, также долженъ былъ вѣдать и церковныя дѣла и имѣть право на вмѣшательство въ дѣятельность короля, какъ главы церкви.

Народъ желалъ, чтобы король не столько управлялъ, сколько бы царствовалъ. А Карлъ, напротивъ, упорно и страстно стремился къ тому, чтобы не только царствовать, но и самому (съ помощью приближенныхъ къ нему людей) управлять страной. Вотъ на этой-то почвѣ и возгорѣлась жестокая, длительная борьба между королемъ и народнымъ представительствомъ, продолжавшаяся болѣе двадцати лѣтъ...

Родственники и приближенные Карла, которыхъ матеріальные интересы были неразрывно связаны съ неограниченной монархической властью, старались скрывать отъ него истинное положеніе дѣлъ. Изъ залы королевскаго Совѣта, изъ церковной сферы, съ судейскихъ скамей, изъ окружавшей его толпы придворныхъ, Карлъ слышалъ лишь одобреніе абсолютизму и получалъ практическіе совѣты относительно примѣненія сильной власти. И Карлъ, принявъ голосъ льстивой, лживой, своекорыстной придворной кучки за откликъ общественнаго мнѣнія, надѣялся выйти побѣдителемъ изъ борьбы, но Карлъ со своими совѣтниками ошибся въ разсчетѣ, и та ошибка оказалась для нихъ роковою. Они упустили изъ виду, что имъ приходилось вести дѣло съ народомъ, политически развитымъ и уже завоевавшимъ у ко-

роны „Великую хартію свободъ“. Правительство также игнорировало и то обстоятельство, что народное недовольство росло давно, со временъ Елизаветы, что царствованіе Іакова I являлось уже сплошнымъ недовольствомъ, что, слѣд., въ средѣ народа уже накопилось много горючаго матеріала.

Критическая эпоха наступала въ жизни англійскаго народа, а обстоятельства не подготовили Карла къ рѣшенію той трудной, сложной задачи, которую задавалъ ему ходъ историческихъ событій.

Карлъ не обладалъ ни дальновидностью, ни энергіей. Онъ былъ двуличенъ и, по природѣ, интриганъ. Онъ постоянно носилъ маску, постоянно притворялся—съ недругами и съ друзьями. А притворство, какъ извѣстно, есть орудіе слабыхъ душъ, и справедливо замѣчено, что „великіе обманщики являются весьма плохими политиками“. Эта истина подтвердилась на Карлѣ I Стюартѣ... Никогда онъ искренно не выказывалъ благодарности за службу ему, ни сочувствія, ни дружбы, ни привязанности, (можетъ быть за исключеніемъ жены). Карлъ съ легкимъ сердцемъ выдавалъ своихъ приверженцевъ — совѣтниковъ, измѣнялъ людямъ, преданнымъ ему. Главнымъ же, роковымъ недостаткомъ его было легкомысліе: онъ былъ неспособенъ видѣть вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ и правильно оцѣнивать факты по существу, а поэтому онъ не могъ учитывать будущихъ возможностей, часто переоцѣнивалъ свои силы, и силы противниковъ цѣнилъ ниже ихъ дѣйствительнаго значенія.

Жена Карла, Генріэтта Марія, являлась его злымъ геніемъ. Мотивы борьбы между ея мужемъ и народомъ ей представлялись неясно. Привилегіи Парламента, Великая хартія, Habeas corpus act были пустыми звуками для неразвитой, легкомысленной женщины. Бернетъ такъ охарактеризовалъ ее: „Королева была женщина очень живая, говорливая и любила проводить жизнь въ интригахъ разнаго рода, хотя не умѣла хранить тайны, какъ слѣдуетъ. Она была довольно безразсудна, не любила противорѣчій,

плохая совѣтчица и еще худшая исполнительница порученій, но благодаря бойкости и блеску рѣчи она оказывала большое вліяніе на короля".

Послѣ роспуска Парламента король и народные представители разстались, въ душѣ недовольные другъ другомъ, вполнѣ убѣжденные въ законности ихъ притязаній и рѣшились настаивать на нихъ. Депутаты заявляли, что они преданы королю, но своей свободой не поступятся. Король же говорилъ, что онъ уважаетъ свободу своихъ подданныхъ, но можетъ хорошо управлять и один ъ.

Черезъ полгода кассы казначейства были пусты. Оказывалось необходимымъ созвать Парламентъ. И 6 февраля 1626 г. Парламентъ былъ опять созванъ. Правительство предварительно старалось, хотя безуспѣшно, произвести „чистку", сдѣлать Парламентъ болѣе сговорчивымъ, т.-е. превратить его въ свое послушное орудіе. Это значило— сохранить форму народнаго представительства, вынувъ изъ нея содержимое. Нѣсколько самыхъ вліятельныхъ депутатовъ изъ оппозиціи были устранены подъ различными предлогами: напр., графъ Бристольскій, вопреки закону, не получилъ дозволенія присутствовать въ Парламентѣ; Эдуардъ Кокъ, Робертъ Филипсъ, Томасъ Вентвортъ, Френсисъ Сеймуръ и др., назначенные шерифами, не могли быть избраны. Правительство было увѣрено, что въ отсутствіе этихъ лицъ Палата Общинъ будетъ уступчивѣе, потому что—какъ говорили тогда въ высшихъ сферахъ—народъ любитъ короля, и только нѣсколько людей злонамѣренныхъ вводятъ народъ въ заблужденіе. Народъ, между тѣмъ, думалъ, что заблуждается не онъ, но король, и для того, чтобы раскрыть королю глаза на истинное положеніе дѣлъ, необходимо удилить отъ него его любимца, герцога Букингама.

Парламентъ съ первыхъ же засѣданій сталъ нападать на Букингама, какъ на виновника народныхъ несчастій, и

обвинилъ его въ различныхъ преступленіяхъ. Букингамъ отпарировалъ ударъ и остался во власти. Король былъ оскорбленъ такимъ нападеніемъ на его любимца и высокомѣрнымъ, угрожающимъ тономъ заявилъ Палатѣ Общинъ, что онъ „не потерпитъ, чтобы преслѣдовали кого-либо изъ его вѣрныхъ слугъ, а тѣмъ болѣе лицъ высокопоставленныхъ“; затѣмъ онъ высказалъ желаніе, чтобы Палата поспѣшила съ рѣшеніемъ вопроса о налогахъ, а если,—замѣтилъ онъ,—это не будетъ сдѣлано, то „тѣмъ хуже для нихъ“, что если произойдутъ какія-нибудь замѣшательства, то онъ, король „послѣдній пострадаетъ отъ нихъ“.

Два депутата оппозиціи, Дигсъ и Элліотъ, были арестованы и заключены въ тюрьму. Палата, крайне раздраженная такимъ произволомъ, объявила, что она не будетъ ничѣмъ заниматься до тѣхъ поръ, пока депутаты не будутъ освобождены. Королевскіе партизаны напрасно пытались напугать Палату; ихъ угрозы были приняты за оскорбленіе и имъ же пришлось извиняться. Дигсъ и Элліотъ были освобождены. Палата пэровъ со своей стороны также потребовала освобожденія лорда Арунделя, арестованнаго во время сессіи, и король уступилъ. Карлъ съ досадой видѣлъ, что онъ побѣжденъ своими противниками, людьми, которыхъ онъ самъ призвалъ къ себѣ на помощь и могъ всегда „разогнать“. Букингамъ, въ своихъ личныхъ интересахъ, побуждалъ Карла быть самостоятельнымъ, и Карлъ началъ соглашаться съ нимъ послѣ того, какъ его любезности, оказанныя Парламенту, ни мало не улучшили дѣло.

Узнавъ, что Палата Общинъ намѣревается обратиться къ нему съ представленіемъ (Remonstration), Карлъ рѣшился выйти изъ того положенія, которое, по его мнѣнію, унижало его въ глазахъ Европы и въ его собственныхъ глазахъ... Прошелъ слухъ, что готовятся скоро распустить Парламентъ. Тогда Верхняя Палата поспѣшила обратиться къ королю съ петиціей, чтобы отклонить его отъ роспуска Парламента, и всѣ пэры сопровождали свой комитетъ, упол-

номоченный представить королю петицію. — „Ни минуты долѣе!“ раздраженнымъ тономъ вскричалъ король. И, дѣйствительно, Парламентъ былъ немедленно распущенъ (8 іюня 1626 г.), просуществовавъ 4 мѣсяца.

Проектъ „Обращенія“ къ королю былъ публично сожженъ на площади, и каждый, имѣвшій хотя бы одинъ экземпляръ этого проекта, долженъ былъ его сжечь. Лордъ Арундель опять былъ подвергнутъ домашнему аресту; лордъ Бристоль заключенъ въ тюрьму. Карлъ почувствовалъ, что руки его развязаны, и сталъ править самъ (разумѣется, съ помощью своихъ совѣтниковъ и любимцевъ и подъ ихъ вліяніемъ). Началось царство произвола и насилія. Тюрьмы наполнились узниками. Король и окружавшіе его своекорыстные, бездарные и легкомысленные сановники и придворные приживальщики принялись расхищать народныя деньги. Затѣяли нелѣпую войну съ Франціей и потерпѣли неудачу. Денегъ не стало, народъ роппталъ. И опять король очутился въ критическомъ положеніи. Оказывалось, что царствовать, парадировать передъ придворными дамами и кавалерами — одно дѣло, а управлять страной — совсѣмъ другое.

Сэръ Робертъ Коттонъ, изъ числа наиболѣе умѣренныхъ членовъ народной партіи, приглашенный королемъ на совѣщаніе, подтвердилъ справедливость народныхъ жалобъ и настаивалъ на необходимости удовлетворить ихъ. При этомъ онъ повторилъ слова, сказанныя нѣкогда Бурлеемъ королевѣ Елизаветѣ: „Завоюйте сердца народа, и народъ предоставитъ въ ваше распоряженіе и свои кошельки и свои руки!“ Въ заключеніе сэръ Робертъ совѣтовалъ созвать Парламентъ. Пришлось послѣдовать его совѣту. Чтобы хоть сколько-нибудь примирить общественное мнѣніе съ герцогомъ Букингамомъ, для этого было условлено, что предложеніе о созывѣ Парламента оффиціально будетъ внесено въ Королевскій Совѣтъ Букингамомъ.

Двери тюремъ раскрылись. 78 человѣкъ, арестованныхъ

за сопротивленіе административному произволу, были съ восторгомъ, съ оваціями встрѣчены публикой по выходѣ ихъ изъ тюрьмы. 27 изъ нихъ были избраны въ Парламентъ. Общественное мнѣніе высказывалось недвусмысленно, и каждый, имѣвшій уши, „чтобы слышать“, могъ легко понять, что общество не на сторонѣ правительства.

17 марта 1628 г. Парламентъ собрался, и король обратился къ нему съ рѣчью, въ которой милостивыя монаршія слова соединялись съ высокомѣріемъ и угрозами. „Господа,—говорилъ онъ при открытіи сессіи,—пусть отнынѣ каждый дѣйствуетъ по своей совѣсти. Если же случится (чего Боже упаси!), что вы не доставите средствъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей, если вы не исполните своей обязанности, мой долгъ мнѣ повелѣваетъ воспользоваться другими средствами, предоставленными мнѣ Богомъ для спасенія того, что скомпрометировано безразсудствомъ нѣсколькихъ личностей. Не примите это за угрозу... Это — предостереженіе; его вамъ дѣлаетъ тотъ, которому ввѣрена забота о вашемъ благополучіи и безопасности“... Государственный канцлеръ, выступившій послѣ короля, добавилъ: „Его Величество счелъ нужнымъ для сбора податей обратиться къ Парламенту, не какъ къ единственному средству, но какъ къ наиболѣе удобному, такъ какъ этотъ путь всего лучше согласуется съ милостивыми намѣреніями Его Величества и съ желаніями народа. Но если государю не удастся достигнуть своей цѣли этимъ путемъ, то крайняя необходимость и непріятельскій мечъ могутъ насъ заставить пойти по другимъ путямъ. Не забывайте же предостереженія Его Величества! Я вамъ повторяю, не забывайте его!“...

Угроза за угрозой... Король и государственный канцлеръ въ одинъ голосъ заявили народнымъ представителямъ: „Если не будете послушны, васъ разгонятъ!“ При такихъ условіяхъ невозможно было ожидать ничего добраго. Такими рѣчами, проникнутыми полемическимъ задоромъ, какъ

рѣчь короля и государственнаго канцлера, „сердца народа не завоевываютъ“... Люди дальновидные тогда уже предчувствовали, что будущее чревато бурями: нельзя съ помощью палокъ и мечей долго удерживать въ рабскомъ, безправномъ состоянiи пробудившiйся народъ.

Палата Общинъ въ согласiи съ Верхней Палатой рѣшила болѣе точно опредѣлить права гражданъ и просить короля о торжественной санкцiи ихъ. Этотъ парламентскiй ходъ внушилъ подозрѣнiе королю, и онъ послалъ въ Палату Общинъ министра за тѣмъ, чтобы тотъ отклонилъ Палату отъ исполненiя ея намѣренiя. „Я долженъ съ грустью признаться,—говорилъ королевскiй посланецъ,—что Его Величество узналъ о томъ, что Парламентъ намѣревается не только протестовать противъ злоупотребленiй властей, но идетъ далѣе... Вопросъ касается уже прерогативъ короля... Заявимъ королю о злоупотребленiяхъ, которыя могли вкрасться въ управленiе государствомъ; онъ насъ охотно выслушаетъ, но не будемъ возставать противъ размѣровъ его прерогативъ. Онъ желаетъ удовлетворить всѣ справедливыя жалобы, но онъ не откажется отъ полноты своихъ правъ“...

Впрочемъ, черезъ двѣ недѣли послѣ того король въ торжественномъ засѣданiи обѣихъ Палатъ заявилъ, что онъ считаетъ „Великую хартiю свободъ“ неприкосновенной и всѣ прежнiе статуты ненарушимыми и для поддержки народныхъ правъ предлагалъ разсчитывать на его королевское слово, которое—говорилъ онъ—„дастъ имъ болѣе гарантiй, чѣмъ какой бы то ни было новый законъ“...

Но Палата Общинъ не дала ни устрашить себя, ни соблазнить обѣщанiями. Недавнiя злоупотребленiя власти, факты административнаго произвола и насилiя, нарушенiе личной и имущественной неприкосновенности и всякаго рода беззаконiя, творимыя правительствомъ, были у всѣхъ въ памяти. Требовались гарантiи. Кромѣ хорошихъ словъ и щедрыхъ обѣщанiй, Парламентъ желалъ имѣть въ рукахъ

факты, какъ залогъ того, что возвратъ къ деспотизму уже немыслимъ. Вскорѣ Палатою Общинъ былъ составленъ и принятъ знаменитый билль, извѣстный подъ названіемъ „Петиціи о правахъ", и представленъ въ Верхнюю Палату. Пэры долго колебались, ихъ смущалъ вопросъ: какимъ образомъ гарантировать свободу народа, не лишивъ короля извѣстной доли его неограниченной власти. Билль, наконецъ, былъ принятъ Верхнею Палатой со слѣдующей поправкой: „Мы униженно представляемъ эту петицію Вашему Величеству за тѣмъ, чтобы обезпечить наши свободы, но также съ твердымъ намѣреніемъ оставить неприкосновенной ту верховную власть, которою Ваше Величество облечено для защиты, спокойствія и счастія вашихъ подданныхъ".

Англійскіе пэры того времени, повидимому, находили возможнымъ существованіе одновременно конституціонныхъ свободъ и неограниченной монархической власти. Надо было или быть шарлатаномъ или обладать большой дозой невѣжества и недомыслія, чтобы признавать возможнымъ осуществленіе на практикѣ подобной нелѣпой комбинаціи, ибо „конституціонное правленіе" и „монархическая неограниченная власть" суть понятія взаимно другъ друга исключающія. Правленіе можетъ быть либо монархическимъ конституціоннымъ, либо деспотическимъ: насильственное же, механическое соединеніе этихъ двухъ режимовъ приводитъ государство къ анархіи.

Какъ и слѣдовало ожидать, Палата Общинъ отвергла поправку, и Палата пэровъ была принуждена взять ее обратно. Петиція была представлена королю, но тотъ далъ уклончивый, никого не удовлетворившій отвѣтъ. Билль остался не утвержденъ. Палата Общинъ не достигла своей цѣли.

Возвратившись въ залу засѣданій, Джонъ Элліотъ сталъ перечислять всѣ злоупотребленія власти и говорилъ о страданіяхъ народа, объ его невыносимо тяжеломъ положеніи. Палата постановила обратиться къ королю съ заявленіемъ.

Со стороны же короля вдругъ послѣдовало запрещеніе Палатѣ Общинъ вмѣшиваться отнынѣ въ общегосударственныя дѣла. Палатой овладѣло смущеніе. Этотъ—въ своемъ родѣ безпримѣрный—запретъ, даже по мнѣнію наиболѣе умѣренныхъ депутатовъ, являлся оскорбленіемъ. Нѣсколько мгновеній всѣ молчали, какъ ошеломленные. Заговорилъ лидеръ народной партіи, Дж. Эллiотъ. „Наши грѣхи, должно быть, слишкомъ велики,—сказалъ онъ: Богъ видитъ, какъ мы старались привлечь къ себѣ сердце короля! Вѣроятно, ложные доносы навлекли на насъ его неудовольствіе. Говорятъ, что мы высказали нѣкоторыя подозрѣнія на счетъ министровъ его величества, но никакой министръ, кто бы онъ ни былъ, не можетъ"... При этихъ словахъ предсѣдатель, въ сильномъ волненіи, быстро поднялся съ мѣста и со слезами заявилъ: „Я получилъ приказъ лишать слова каждаго, кто заговоритъ дурно о министрахъ"! Эллiотъ замолчалъ. „Если мы не можемъ говорить объ этихъ вещахъ въ Парламентѣ,—замѣтилъ Дудлей Дигсъ,—то встанемъ и уйдемъ или останемся сидѣть здѣсь, молча и сложа руки!" Снова молчаніе воцарилось въ залѣ. „Нѣтъ, — воскликнулъ Натаніэль Ричъ,—должно говорить теперь или замолчать навсегда. Недостойно молчать въ виду такой опасности. Положимъ, молчаніе насъ спасетъ, но оно погубитъ короля и государство. Пойдемъ къ лордамъ, пусть они узнаютъ объ угрожающей опасности, и мы всѣ со своимъ заявленіемъ отправимся къ королю!"

Произошла бурная сцена. Депутаты поднялись со своихъ мѣстъ. Негодованіе охватило Палату. Нѣсколько человѣкъ заговорили разомъ. Страсти разгорались... Между прочимъ, нѣкто Киртонъ—повидимому, человѣкъ весьма наивный—сказалъ: „Король нашъ добръ, только враги народа окружаютъ его, берутъ верхъ; но, я надѣюсь, Богъ пошлетъ намъ силы перерѣзать горло врагамъ короля и народа!" Старикъ Кокъ поддержалъ Киртона, крикнувъ: „Не король, а герцогъ говоритъ намъ: не вмѣшивайтесь въ общегосу-

дарственныя дѣла!"—„Да! Это—онъ! Онъ!" послышалось со всѣхъ сторонъ. Предсѣдатель оставилъ свое кресло. Волненіе все усиливалось, и никто не пытался утишить его, потому что и умные люди не находили ничего сказать: гнѣвъ иногда бываетъ законенъ даже и въ глазахъ людей сдержанныхъ, которые сами не раздражаются... Въ то время, какъ въ Палатѣ разыгрывались эти бурныя сцены, предсѣдатель поспѣшно, тайкомъ оставилъ залу и отправился сообщить королю о дурномъ положеніи дѣлъ. Это извѣстіе встревожило дворъ.

На слѣдующій день было получено отъ короля очень милостивое письмо, но однихъ словъ оказывалось недостаточно, и Палата Общинъ продолжала волноваться. Поговаривали о томъ, что правительство вербовало въ Германіи войска, что 12 германскихъ офицеровъ уже прибыли въ Лондонъ, что два англійскія корабля получили приказъ перевозить солдатъ... Въ высшихъ сферахъ эти факты отрицались, но не бываетъ дыма безъ огня. Эти слухи лишь предупреждали событія: германскихъ офицеровъ еще не было въ Англіи, солдатъ не перевозили, но въ придворныхъ сферахъ, дѣйствительно, уже подумывали о привлеченіи въ Англію иноземныхъ войскъ на случай возстанія.

Народный гнѣвъ, между тѣмъ, разгорался все болѣе и болѣе. Король надѣялся, что для успокоенія будетъ вполнѣ достаточно того, что онъ санкціонируетъ „билль о правахъ", отъ утвержденія котораго онъ уклонился. Правительства, вступающія въ борьбу съ народомъ, всегда опаздываютъ со своими уступками... Карлъ явился въ Парламентъ и заявилъ, что депутаты ошибаются, предполагая въ его отвѣтѣ по поводу билля какую-то заднюю мысль, что онъ готовъ дать отвѣтъ, который разсѣетъ всѣ подозрѣнія. Билль былъ вновь прочитанъ и утвержденъ королемъ. Карлъ произнесъ обычную формулу: „Быть по сему!" И этой же формулой былъ подписанъ билль.

Въ принципѣ реформа совершилась, но она ничего не

значила безъ осуществленія ея на практикѣ. А проводить ее въ жизнь правительство уклонялось. Черезъ недѣлю Палата Общинъ опять составила два заявленія: одно—по поводу герцога Букингама, а другое—о томъ, что таможенныя пошлины, какъ всякій налогъ, должны взиматься согласно закону 21 іюня 1628 г.

Должно замѣтить, что король попрежнему продолжалъ взимать таможенныя пошлины безъ согласія Парламента. Корабельный налогъ (schip-money) былъ особенно ненавистенъ народу по тому принципу (принципу абсолютизма), на основаніи котораго онъ взимался. А король особенно дорожилъ этимъ налогомъ, дававшимъ ему возможность обходиться безъ Парламента для полученія значительныхъ суммъ, которыя онъ могъ расходовать по своему произволу.

Король вышелъ изъ терпѣнія и, желая дать себѣ отдыхъ, 26 іюня отсрочилъ засѣданія Парламента.

Черезъ два мѣсяца (23 авг.) былъ убитъ Букингамъ. Въ шляпѣ Фельтона, его убійцы, нашли зашитымъ письмо, въ которомъ напоминалось о послѣднемъ заявленіи Палаты Общинъ. Фельтонъ не бѣжалъ, не защищался, прямо заявилъ, что онъ убилъ герцога, какъ врага народа. Онъ, молча, покачалъ головой, когда его стали спрашивать объ его соучастникахъ, и умеръ совершенно спокойно.

Англійское общество свободно вздохнуло...

---

20 января 1629 г. открылась вторая сессія Парламента.

На другой же день Палата Общинъ пожелала узнать, насколько былъ осуществленъ „билль о правахъ". Палату ожидалъ непріятный сюрпризъ: вмѣсто второго, положительнаго отвѣта короля, санкціонировавшаго билль, былъ напечатанъ первый, уклончивый отвѣтъ. Королевскій типографщикъ, Нортонъ, признался, что на другой же день послѣ закрытія засѣданій Парламента онъ получилъ приказъ измѣнить текстъ королевскаго отвѣта и уничтожить всѣ экземпляры,

въ которыхъ былъ напечатанъ послѣдній (дѣйствительный) отвѣтъ короля. Палата потребовала бумаги, удостовѣрилась въ подлогѣ, но при этомъ никто изъ депутатовъ не промолвилъ ни слова, только многіе покраснѣли за короля. Такая недобросовѣстность смутила народныхъ представителей, указавъ имъ, съ какимъ человѣкомъ имъ приходится вести дѣло...

Опять начались запросы, непріятные правительству, указанія на злоупотребленія властей, на незаконныя дѣянія, на исключительные суды, парализующіе силу законовъ и дѣятельность нормальныхъ судовъ; слышались жалобы на притѣсненія со стороны администраціи, на нарушенія правъ гражданъ.

Засѣданію 11 февраля 1629 г. суждено было сдѣлаться историческимъ... Въ этотъ день въ Палатѣ Общинъ въ первый разъ выступилъ съ рѣчью, вскорѣ сдѣлавшійся знаменитымъ, до тѣхъ поръ неизвѣстный человѣкъ, грубоватой, но внушительной наружности, говорившій горячо, пылко, но плохимъ языкомъ. Одинъ молодой аристократъ-роялистъ писалъ: „Джентльменъ, произносившій рѣчь (въ Пал. Общ.), былъ немалаго роста и очень просто одѣтъ, въ платье, сшитое домашнимъ портнымъ, въ грубое и не особенно чистое бѣлье... Шпага его плотно прилегала къ тѣлу. Голосъ рѣзкій... Этотъ джентльменъ такъ энергично оралъ и бранился, что его поведеніе значительно понизило мое уваженіе къ собранію, позволявшему такъ съ собой обращаться“. Съ этимъ „джентльменомъ, очень просто одѣтымъ“, впослѣдствіи пришлось близко познакомиться Карлу Стюарту и роялистамъ. То былъ Оливеръ Кромвель.

2 марта Палатой Общинъ было сдѣлано постановленіе о незаконномъ взиманіи пошлинъ. Предсѣдатель, ссылаясь на повелѣніе государя, отказался пустить его на голоса. Палата настаивала. Тогда предсѣдатель всталъ и хотѣлъ удалиться, но Голлисъ и другіе депутаты его насильно опять привели къ его креслу. „Клянусь Богомъ,—сказалъ Голлисъ,—вы

будете председательствовать до техъ поръ, пока Палата не разойдется!"—„Я не хочу, не могу, не смѣю!"—кричалъ предсѣдатель, но его заставили занять его мѣсто.

Король, узнавъ объ этихъ „безпорядкахъ" (правящія сферы почему-то всегда называли „безпорядкомъ" отстаиваніе народомъ своихъ правъ), далъ приказъ приставу Палаты Общинъ удалиться изъ залы съ большинствомъ депутатовъ для того, чтобы лишить законной силы постановленія Палаты, но приставъ былъ задержанъ, ключи отъ залы у него отняты и вручены на храненіе сэру Мильсу Гобарту. Король послалъ второго вѣстника, чтобы закрыть засѣданіе, но вѣстникъ нашелъ двери запертыми извнутри и не могъ войти въ залу засѣданій. Король, взбѣшенный, велѣлъ капитану своей дворцовой стражи немедленно идти и взломать дверь. Депутаты той порой успѣли разойтись, сдѣлавъ постановленіе о томъ, что взиманіе таможенныхъ пошлинъ королемъ (безъ согласія Парламента)—незаконно, и объявивъ государственнымъ преступникомъ того, кто будетъ собирать эти пошлины и кто согласится уплачивать ихъ.

10 марта король, взволнованный, раздраженный, явился въ Палату пэровъ и сказалъ: „Никогда еще я не приходилъ сюда по такому непріятному случаю, по какому прихожу теперь... Я распускаю Парламентъ. Мятежническое поведеніе Нижней Палаты тому единственная причина. Я не обвиняю всѣхъ: я знаю, что въ Палатѣ много людей честныхъ, вѣрноподданныхъ; нѣкоторыя ехидны ввели ихъ въ заблужденіе или насиловали ихъ убѣжденія. Пусть злоумышленники ожидаютъ себѣ того, что они заслужили. Что же касается васъ, милорды, то вы можете разсчитывать на мое покровительство и благоволеніе, которыя добрый государь обязанъ оказывать своему вѣрному дворянству!"

Парламентъ былъ распущенъ. Король вступилъ на опасный, скользкій путь, приведшій его уже къ открытой войнѣ съ народомъ, погубившій его самого и династію Стюартовъ... Карлъ сталъ править самодержавно, деспотически, и дли-

лось это самодержавное правленіе почти 11 лѣтъ... 11 лѣтъ реакціи, произвола и насилія, 11 лѣтъ издѣвательства надъ народомъ и надъ лучшими его представителями. Прежде всего особенно жестокимъ преслѣдованіямъ подверглись члены Парламента, наиболѣе непріятные правительству. Правительство Карла I, прикрываясь законами, требованіями общественнаго блага, спокойствія и безопасности, мстило своимъ политическимъ противникамъ, мстило жестоко за каждое рѣзкое, обличительное слово, сказанное ими въ Парламентѣ. Съ ними обращались, не стѣсняясь никакими законами: въ угоду правительству толковались всѣ статьи закона. Правительственные юристы, какъ ловкіе жонглёры, играли статьями законовъ. Если же нельзя было погубить этихъ людей по суду, то расправлялись съ ними административнымъ порядкомъ. Ихъ арестовали, на нихъ налагали штрафы, томили въ тюрьмахъ. Всѣ мѣста заключенія, отъ Тауэра до провинціальныхъ тюремъ, наполнились узниками. Начались казни. Общественное мнѣніе было на сторонѣ осужденныхъ, и народъ при всякомъ случаѣ—къ великому огорченію торжествующихъ побѣдителей,—выражалъ имъ свое горячее, искреннее сочувствіе, какъ лучшимъ людямъ, пострадавшимъ за общее дѣло... Одинъ изъ видныхъ лидеровъ народной партіи, Дж. Эллiотъ, умеръ въ тюрьмѣ.

Звѣздная Палата, Королевскій Совѣтъ и Судъ верховной комиссіи все болѣе и болѣе расширяли предѣлы своей юрисдикціи, парализуя законъ и дѣятельность судовъ, и отличались жестокостью своихъ приговоровъ. Все чаще и чаще произволъ и насиліе замѣняли законъ и судъ. Исполнительная власть стояла выше закона. Бывали такіе случаи: одинъ лондонскій купецъ пожаловался суду на незаконное заключеніе его въ тюрьму; судъ отказалъ ему въ удовлетвореніи и притомъ откровенно сослался на то, что кромѣ суда есть еще администрація, что она можетъ дѣлать многое, закономъ недопустимое (т.-е. что администрація закономъ не руководствуется). Королевскіе совѣтники—и между ними са-

мый влiятельный, Страффордъ, замѣнившiй Букингама—старались въ своихъ интересахъ сохранить за королемъ неограниченную власть, въ пользованiи которой они были ближайшими участниками... Абсолютная королевская власть внутри государства, свобода дѣйствiй во внѣшнихъ сношенiяхъ, однимъ словомъ, принципы абсолютизма, проведенные твердою рукою, безъ колебанiй и полумѣръ, умѣло, систематично, безпощадно,—вотъ въ чемъ состояла цѣль Карла и его приближенныхъ.

Несмотря на глубокое внутреннее волненiе, переживаемое государствомъ, несмотря на всеобщее недовольство, Англiя со стороны могла показаться страною, совершенно спокойною, живущею въ мирѣ. Народъ работалъ, трудился, учился, накоплялъ знанiя и капиталы. Активнаго противодѣйствiя правительству никто не оказывалъ, о правительствѣ даже не говорили, предоставляя ему самовольничать и сочинять указы. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ замѣшательствъ и нѣкоторыхъ затрудненiй въ торговлѣ, казалось, наступило такое спокойствiе, какимъ Англiя уже давно не пользовалась. Въ теченiе почти 11 лѣтъ, когда правительствомъ Карла I, помимо Парламента, принимались стѣснительныя мѣры, нарушавшiя обычай и противныя закону, протеста ни откуда не слышалось; народъ, повидимому, продолжалъ оставаться спокойнымъ, несмотря на вызывающiй образъ дѣйствiй правительства. Но то спокойствiе было кажущееся: народъ собирался съ силами. Король и его приближенные подняли было головы и по своей близорукости возмнили себя окончательно побѣдителями, поздравляя другъ друга съ тѣмъ, что неограниченная власть „осталась за ними"... И горько же поплатились они за свою умственную близорукость и легкомыслiе.

Король затѣялъ войну съ Шотландiей или, какъ говорили въ высшихъ сферахъ, сталъ усмирять своихъ непокорныхъ шотландскихъ подданныхъ. Война оказалась неудачной для короля. Начались финансовыя затрудненiя, сказа-

лась нужда въ деньгахъ; касса казначейства была пуста. И черезъ 11 лѣтъ всевозможныхъ репрессій Карлъ былъ вынужденъ созвать Парламентъ.

13 апрѣля 1640 г. открылись засѣданія Парламента. Вскорѣ же выяснилось, что за 11 лѣтъ народное недовольство сильно возрасло, что пропасть между правительствомъ и народомъ еще болѣе расширилась... Король прежде всего повелъ рѣчь объ „измѣнѣ“ шотландцевъ, о продолженіи войны съ ними, о деньгахъ. Палата Общинъ мало обратила вниманія на шотландскій вопросъ, на вопросъ о войнѣ, какъ бы считая его неважнымъ по сравненію съ тѣми серьезными вопросами, о которыхъ разсуждать собрался Парламентъ. Король обидѣлся. Палата Общинъ, со своей стороны, жаловалась на то, что къ ея предсѣдателю, при представленіи его королю, отнеслись безъ должнаго уваженія. За послѣднія 11 лѣтъ придворные круги онаглѣли и привыкли относиться къ народному представительству съ нескрываемымъ презрѣніемъ. А народные представители, между тѣмъ, сознавали себя общественной силой, 11 лѣтъ непризнаваемой и теперь призванной въ силу необходимости.

Вождь народной партіи, Джонъ Элліотъ, какъ уже сказано, умеръ въ казематѣ Тауэра. Злопамятный Карлъ мстилъ ему и за предѣлами гроба... Когда сынъ Элліота попросилъ разрѣшенія перевезти останки отца въ Корнваллисъ, въ семейный склепъ, то король написалъ на прошеніи: „Похоронить тѣло сэра Джона Элліота на кладбищѣ того прихода, гдѣ онъ жилъ“, т.-е. въ тюремной часовнѣ. Такимъ образомъ, даже трупъ своего политическаго противника Карлъ оставилъ въ тюрьмѣ.

Вождемъ народной партіи сталъ Пимъ, и эта партія скоро дала понять королю, что она не забыла беззаконнаго преслѣдованія Дж. Элліота, что смерть ея бывшаго вождя будетъ отомщена...

Съ первыхъ же засѣданій между королемъ и Палатой общинъ загорѣлся споръ. Король требовалъ денегъ, а за-

тѣмъ обѣщалъ выслушать и принять къ свѣдѣнію всѣ запросы и жалобы. А Палата, напротивъ, находила нужнымъ сначала указать правительству на вопіющія нарушенія законовъ, на административный произволъ, на угнетеніе народа. Время шло. Король находилъ, что и этотъ Парламентъ такъ же несговорчивъ, такъ же непослушенъ, какъ и его предшественники. Парламентъ, дѣйствительно, сознавалъ свое достоинство, не хотѣлъ быть орудіемъ въ рукахъ министровъ— людей своекорыстныхъ, думавшихъ не о народномъ благѣ, а лишь о томъ, какъ бы сохранить за собой свое выгодное, привилегированное положеніе. Парламентъ хотѣлъ быть не игрушкой, не ширмами для фокусниковъ, но дѣйствительнымъ представителемъ народа, его ходатаемъ и заступникомъ. Кончилось тѣмъ, чего неминуемо и должно было ожидать... Черезъ три недѣли послѣ созыва, Парламентъ стремительно былъ распущенъ (5 мая 1640 г.). Узнавъ, что вожди народной партіи рѣшили подать ему петицію или— вѣрнѣе—протестъ противъ войны съ его шотландскими подданными, Карлъ очень разсердился. Въ 6 часовъ утра онъ созвалъ свой Совѣтъ и, вѣроятно, съ одобренія Страффорда, немедленно распустилъ Парламентъ...

Приведемъ краткій разговоръ двухъ политическихъ дѣятелей, какъ вѣрный, живой отзвукъ двухъ теченій, существовавшихъ въ то время въ англійскомъ обществѣ.

Черезъ часъ послѣ роспуска Парламента, Эд. Гидъ (впослѣдствіи лордъ Кларендонъ) встрѣтилъ на улицѣ Сентъ-Джона, друга Гемпдена, одного изъ вождей оппозиціи. Гидъ былъ очень грустенъ, а Сентъ-Джонъ—по обыкновенію, мрачный, почти никогда не улыбавшійся — былъ, напротивъ, очень веселъ и оживленъ. „Что васъ такъ опечалило?"— спросилъ онъ Гида.—„То же, что опечалило и многихъ честныхъ людей, отвѣтилъ тотъ, неблагоразумный роспускъ такого умѣреннаго Парламента, который въ переживаемую нами смуту одинъ могъ бы помочь намъ".—„Ну, возразилъ Сентъ-Джонъ, прежде, чѣмъ дѣла наши пойдутъ лучше, надо,

чтобы они пошли еще хуже теперешняго: распущенный Парламентъ никогда не сдѣлалъ бы того, что нужно сдѣлать!"...

Къ вечеру того же дня, какъ былъ распущенъ Парламентъ, Карлъ понялъ свою ошибку и съ тревогой освѣдомлялся: нельзя ли какъ-нибудь поправить дѣло. Но приближенные и родственники успокоили его. „Послѣ насъ хоть потопъ! Хоть часъ, да нашъ!" такъ думали эти „практическіе" философы. Имъ не было дѣла до будущаго, а, между тѣмъ, то будущее, которое они считали отдаленнымъ, уже быстро надвигалось, и грядущія событія уже отбрасывали па нихъ свою зловѣщую тѣнь. Легкомысліе и самомнѣніе— слѣпы и никогда ничему не научаются.

Скоро правительство оказалось безъ денегъ. Напрасно Карлъ обращался съ просьбами о деньгахъ къ французскому и испанскому двору, къ генуэзскимъ купцамъ, къ папѣ. Ни святѣйшій отецъ, ни короли, ни банкиры не рѣшались снабдить деньгами человѣка, бывшаго не въ состояніи представить ни финансоваго, ни политическаго, ни военнаго обезпеченія. Король съ отчаянія задумалъ понизить пробу звонкой монеты, но народъ отказывался принимать мѣдь за серебро, пенсы за шиллинги. Король уже начиналъ опасаться, чтобы и въ Англіи такъ же, какъ въ Шотландіи, не вспыхнуло возстаніе, и чтобы Парламентъ, если онъ самъ не созоветъ его, не собрался и безъ него. Это опасеніе, а также крайняя нужда въ деньгахъ заставили правительство объявить выборы въ Парламентъ. Пріунывшія придворныя сферы напрасно пытались оказать вліяніе на выборы съ помощью административнаго давленія: кандидаты ихъ были забаллотированы. Онѣ не могли даже провести въ Парламентъ Томаса Гардинера, намѣченнаго королемъ въ предсѣдатели. Вообще выборы весьма недвусмысленно указали на то, что престижъ короля упалъ во мнѣніи народа. Изъ 490 депутатовъ, засѣдавшихъ въ предшествовавшемъ (такъ называемомъ „Короткомъ") Парламентѣ, 300 были выбраны вновь;

ни одинъ изъ оппозиціонныхъ депутатовъ не былъ забаллотированъ, а изъ вновь избранныхъ всѣ принадлежали къ народной партіи. Изъ 496 депутатовъ, состоявшихъ въ спискѣ Палаты Общинъ, къ открытію Парламента, 405 были посланы провинціальными общинами (borough), въ средѣ которыхъ вражда къ политикѣ двора проявлялась всего сильнѣе. Очень немногіе изъ этихъ депутатовъ принадлежали къ купеческому сословію (тогда крупныхъ торговыхъ городовъ, кромѣ Лондона, въ Англіи было лишь четыре). $^4/_5$ народонаселенія Англіи въ ту эпоху были земледѣльцами, и эти-то земледѣльцы совершили тотъ великій переворотъ, который составляетъ одинъ изъ самыхъ драматическихъ, самыхъ интересныхъ и поучительныхъ эпизодовъ въ исторіи англійскаго народа.

Въ назначенный день, 3 ноября (1640), открылся Парламентъ. Нѣкоторые суевѣрные люди совѣтовали назначить для открытія другой день. Этотъ день, говорили они, былъ роковымъ: при Генрихѣ VIII Парламентъ, собравшійся 3 ноября, началъ осужденіемъ кардинала Вольсея, а кончилъ погромомъ, разрушеніемъ аббатствъ... На этотъ разъ предчувствія ихъ оправдались. Этотъ день оказался роковымъ для Карла Стюарта.

Созваніе Парламента было весьма чувствительнымъ униженіемъ для короля и это униженіе должно было еще болѣе ожесточить борьбу. Англійское общество уже догадывалось, что въ силу монархическихъ традицій и необходимости реабилитироваться, Карлъ еще попытается отстаивать абсолютизмъ. Созывъ Парламента, казавшійся оптимистамъ первымъ шагомъ къ сближенію между королемъ и народомъ, попыткой сговориться, придти къ соглашенію при помощи взаимныхъ уступокъ, въ дѣйствительности, какъ показали послѣдствія, былъ началомъ между ними рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій.

Король на этотъ разъ прибылъ въ Вестминстеръ безъ обычной помпы, почти безъ свиты, приплылъ въ лодкѣ для того, чтобы укрыться отъ взглядовъ публики. Нелегко было этому гордому, высокомѣрному человѣку сознавать себя побѣжденнымъ, покорно идущимъ за своимъ торжествующимъ побѣдителемъ. Надменность Карла была больно уязвлена.

Король открылъ Парламентъ, видимо, смущенный и, волнуясь, произнесъ какую-то безсвязную рѣчь. Онъ обѣщалъ удовлетвореніе всѣхъ жалобъ (подобныя обѣщанія повторялись при открытіи каждаго Парламента), настаивалъ на томъ, чтобы шотландцевъ оффиціально называли „бунтовщиками“, и требовалъ изгнанія ихъ изъ Англіи (хотя война съ ними на ту пору уже прекратилась). Палата съ холодной почтительностью выслушала его. Еще не забыли нежеланія короля созывать Парламентъ въ теченіе 11 лѣтъ и внезапнаго роспуска предшествовавшаго Парламента черезъ три недѣли послѣ его открытія... Никогда еще представители народа не казались такъ горды и такъ грозно самоувѣрены въ присутствіи монарха. По удаленіи короля изъ залы засѣданій, приверженцы его скоро заключили изъ разговоровъ депутатовъ, что общественное негодованіе превзошло ихъ страхи. И рѣчи не было о примиреніи съ правительствомъ, о сдержанности и умѣренности. Роспускъ послѣдняго Парламента раздражилъ даже самыхъ умѣренныхъ, терпѣливыхъ людей. Было рѣшено: всѣ злоупотребленія „вырвать съ корнемъ“. Придворная камарилья и вообще всѣ наиболѣе горячіе роялисты почувствовали себя не въ безопасности. Нѣкоторые изъ нихъ, люди съ заячьимъ сердцемъ, уже готовы были предоставить короля его участи. Особенно долженъ былъ опасаться народной ненависти Страффордъ, любимецъ и ближайшій совѣтникъ короля, оказывавшій сильное вліяніе на него и на весь ходъ дѣлъ. Имя Страффорда для народа было синонимомъ беззаконія, насилія, административнаго и судебнаго произвола, было символомъ того гнета, отъ котораго страдалъ народъ.

По открытіи Парламента король сталъ вызывать его изъ Ирландіи въ Лондонъ—себѣ на помощь. Напрасно Страффордъ писалъ Карлу, что „присутствіе его лишь увеличитъ опасности и предастъ его врагамъ“, умолялъ „позволить ему остаться въ Ирландіи, при арміи“, что тамъ „онъ еще можетъ быть полезенъ ему и можетъ избавиться отъ угрожающей ему гибели“. Карлъ настаивалъ. „Я не могу здѣсь обойтись безъ вашихъ совѣтовъ,—писалъ онъ Страффорду;—что вы не подвергаетесь никакой опасности, это такъ же вѣрно, какъ то, что я—король Англіи: они не коснутся волоса съ вашей головы“. Страффордъ, скрѣпя сердце, повиновался своему государю, явился въ Лондонъ. Вскорѣ же, несмотря на „королевское слово“, онъ былъ арестованъ и заключенъ въ Тауэръ. Парламентъ добился преданія его суду, и 22 марта 1641 г. начался надъ нимъ судъ. Этотъ фактъ важенъ въ томъ отношеніи, что онъ на практикѣ подтвердилъ принципъ отвѣтственности министровъ.

Оливеръ Ст.-Джонъ, поддерживая обвиненіе Страффорда передъ Палатой лордовъ, между прочимъ, откровенно заявилъ: „Зачѣмъ мы будемъ стѣсняться законами при судѣ надъ человѣкомъ, который самъ никогда закономъ не стѣснялся? У насъ существуютъ извѣстныя правила относительно охоты за зайцами и оленями, потому что они—животныя безвредныя... Но развѣ существуютъ какія-нибудь правила для охоты на хищныхъ животныхъ,—на лисицъ, на волковъ? Мы просто бьемъ ихъ, гдѣ ни встрѣтимъ“. Такое отношеніе къ закону и къ суду, обыкновенно, въ странѣ проявляется въ тѣ мрачныя эпохи, когда судъ, игнорируя законы, дѣлается орудіемъ правительственной политики.

Несомнѣнно, что Страффордъ вполнѣ заслужилъ прозвище „врага народа“; несомнѣнно, что онъ стремился уничтожить право личной и имущественной неприкосновенности англичанъ, что онъ покушался на свободу англійскаго народа; несомнѣнно, что пребываніе его въ числѣ совѣтниковъ короля было гибельно для государства, а избавленіе его отъ заслу-

женной кары было бы не менѣе опасно для общественнаго спокойствія: оставшись въ силѣ, при королѣ, и пользуясь своимъ положеніемъ, онъ погубилъ бы всѣхъ своихъ противниковъ, всѣхъ защитниковъ народной свободы противъ абсолютическихъ поползновеній короля. Но дѣло въ томъ, что во-время не было собрано достаточно уликъ противъ Страффорда, да и трудно было собирать улики противъ такого могущественнаго человѣка, въ рукахъ котораго находился весь административно-полицейскій механизмъ. Поэтому-то Палата Общинъ и прибѣгла къ экстренному средству, къ изданію „билля о государственномъ преступленіи" (bill of attainder).

Эта крайняя мѣра объяснялась тѣмъ, что народной партіи въ ту пору со всѣхъ сторонъ угрожали опасности. Узнали о заговорахъ, о томъ, что королевскія войска должны были напасть на Парламентъ, что французскій король намѣревался прислать вооруженную силу на помощь сестрѣ и зятю, что принцъ Оранскій обѣщалъ доставить деньги, что подготовлялось бѣгство Страффорда изъ тюрьмы, что, наконецъ, король могъ опять неожиданно распустить Парламентъ.

Билль могъ получить силу лишь по утвержденіи его королемъ. Подписать же этотъ билль для короля значило подписать смертный приговоръ своему ближайшему совѣтнику и вѣрному (хотя, конечно, не безкорыстному) слугѣ. Карлъ, несмотря на все свое легкомысліе, повидимому, колебался: онъ далъ свое королевское слово, онъ ручался, что „не коснутся волоса съ головы Страффорда". Въ эти критическія минуты на помощь королю явился архіепископъ Вильямсъ и іезуитскимъ путемъ разъяснилъ Карлу, что совѣсть бываетъ двоякая: личная, частная—для себя, для домашняго употребленія, и общественная—для публики; его частная совѣсть могла оправдывать Страффорда, а общественная—обвинять. Билль былъ подписанъ королемъ... „Не надейтеся на князи земные!" съ горечью сказалъ Страффордъ, узнавъ объ утвержденіи билля. Страффордъ судился,

какъ государственный преступникъ, былъ приговоренъ къ смерти и казненъ.

Парламентъ продолжалъ съ недовѣріемъ относиться къ королю, а король со своей стороны не скрывалъ къ нему своего недоброжелательства. Парламентъ представилъ ему цѣлый рядъ биллей, петицій; король то соглашался, то высокомѣрно отвергалъ ихъ, не желая отказываться отъ прерогативъ неограниченной власти, а Парламентъ, между тѣмъ, стремился именно къ тому, чтобы строго ограничить эту власть и вмѣсто нея, вмѣсто произвола и насилія, поставить законъ и судъ.

Дѣло, извѣстное подъ названіемъ „дѣла пяти депутатовъ", нанесло сильный ударъ престижу короля и обострило борьбу до крайности. Правительство обвинило въ государственномъ преступленіи пять депутатовъ Палаты Общинъ (Гемпдена, Пима, Голлиса, Строда и Гасльрига). Король отдалъ повелѣніе арестовать ихъ, но Парламентъ ихъ не выдалъ. Король явился самъ въ Палату Общинъ, но тѣхъ пяти депутатовъ, выдачи которыхъ онъ требовалъ, въ залѣ засѣданія не оказалось, и, ничего не добившись, онъ удалился изъ Парламента. Онъ являлся въ Вестминстеръ въ сопровожденіи 300 гвардейцевъ и блестящей толпы придворныхъ. Всѣ были вооружены. Пока король находился въ Палатѣ Общинъ, свита его, офицеры и придворные стояли на лѣстницѣ, въ прилегающихъ къ ней комнатахъ и на подъѣздѣ. Они осыпали угрозами и самыми грубыми оскорбленіями народныхъ представителей. Слышались крики: „Только укажите мнѣ, въ кого стрѣлять, и я не промахнусь!"—„Что намъ дѣлать съ этими людьми?"—„Повѣсить ихъ! На висѣлицу!"—„Къ чорту Палату общинъ!" и т. д. въ томъ же родѣ. Народъ, собравшійся на это зрѣлище, слыша буйные, непристойные крики по адресу своихъ избранниковъ, съ ненавистью смотрѣлъ на придворныхъ кавалеровъ... Такое озлобленное настроеніе придворныхъ сферъ было вполнѣ естественно: эти сферы сознавали, что у нихъ изъ рукъ ускользаетъ без-

контрольное хозяйничанье народными деньгами, а вмѣстѣ съ нимъ и возможность широкаго прожиганія жизни.

Король пропустилъ цѣлую серію биллей, уничтожившихъ Звѣздную Палату, Судъ верховной Комиссіи и т. п. Всѣ эти реформы клонились лишь къ возстановленію нарушенной конституціи. Но по отношенію къ биллямъ, ограничивавшимъ непосредственно его самовластіе, Карлъ дѣлался неуступчивъ. Наконецъ, 1 мая 1641 г. король далъ свое согласіе на то, чтобы Парламентъ засѣдалъ безсрочно, до тѣхъ поръ, пока онъ самъ найдетъ то нужнымъ.

Странное зрѣлище представляла тогда Англія. Королевскій деспотизмъ, казалось, оставался еще во всей силѣ, но въ то же время весь правительственный механизмъ былъ словно пораженъ параличемъ, оказывался безсильнымъ, бездѣйствовалъ... Въ дѣйствительности же всѣми функціями правительственной власти уже начиналъ овладѣвать Парламентъ, или, вѣрнѣе, правительствомъ являлась Палата Общинъ.

Въ то время, какъ король нехотя утверждалъ непріятные ему билли, выработанные Парламентомъ и, повидимому, шелъ на уступки, при дворѣ составлялись заговоры противъ народа. Группа лицъ, приближенныхъ къ королю, намѣревалась двинуть сѣверную армію противъ Парламента; король уже составлялъ проектъ—съ помощью шотландской арміи подчинить себѣ Парламентъ и сохранить за собой неограниченную власть. Эти заговоры были раскрыты. Недовѣріе къ королю еще болѣе усилилось. Въ Лондонѣ начались волненія, происходили уличныя стычки между роялистами и народомъ... Карлъ узналъ, что пять депутатовъ, ареста которыхъ онъ домогался, съ помпой возвратились въ Вестминстеръ, сопровождаемые милиціей и толпами народа. Высокомѣрный, самолюбивый Карлъ не могъ долѣе выносить торжества своихъ политическихъ противниковъ: притомъ же онъ чувствовалъ себя не въ безопасности. Король рѣшился удалиться изъ Лондона.

Въ то же время въ тайномъ совѣтѣ роялистовъ было рѣшено, что королева, захвативъ коронные брилльянты, отправится въ Голландію, закупитъ тамъ оружія, боевыхъ снарядовъ и постарается добиться у иностранныхъ государей помощи своему мужу. (И Генріэтта Марія, дѣйствительно, скрылась изъ Англіи подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что необходимо было отвезти въ Голландію маленькую принцессу, которая за полгода передъ тѣмъ была выдана замужъ за принца Оранскаго. Цѣлый годъ Генріэтта Марія провела въ Голландіи и очень дѣятельно хлопотала о помощи мужу въ его борьбѣ съ народомъ. Зять ея, штатгальтеръ, помогъ ей. Черезъ годъ она отплыла въ Англію въ сопровожденіи четырехъ кораблей съ иностранными офицерами и солдатами, нагруженныхъ оружіемъ и боевыми припасами, и высадилась въ Бурлингтонѣ. Но помощь, ею доставленная, уже не могла спасти дѣла, обреченнаго на гибель).

Мы немного забѣжали впередъ для того, чтобы уже болѣе не возвращаться къ дѣятельности королевы Генріэтты Маріи, къ ея активному участію въ борьбѣ за неограниченную власть.

10 января 1642 г. король въ сопровожденіи жены, дѣтей и нѣсколькихъ слугъ покинулъ Лондонъ, надолго покинулъ свой Уайтголлъ. Ему было суждено возвратиться въ этотъ дворецъ при весьма горестныхъ для него обстоятельствахъ. Съ этихъ поръ король скитался изъ края въ край, то съ довольно сильной арміей, то съ немногочисленнымъ отрядомъ своихъ приверженцевъ. Для спасенія короны ему только оставалось вести войну съ народомъ: своимъ упорствомъ, своимъ двоедушіемъ онъ довелъ борьбу до такого обостренія. И Карлъ, дѣйствительно, вскорѣ началъ уже борьбу съ оружіемъ въ рукахъ противъ Парламента, противъ своего народа.

Мы не будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за всѣми перипетіями этой шестилѣтней братоубійственной войны, представляющей богатую тему для драматическихъ хроникъ; не станемъ описывать подвиговъ ни королевской, ни парламентской арміи: мы пишемъ не военную исторію и не исторію жизни и царствованія Карла I. Задача наша—болѣе скромная—показать въ этомъ очеркѣ: съ какимъ упорствомъ, съ какимъ ожесточеніемъ монархъ борется за свою неограниченную власть, поощряемый и поддерживаемый представителями высшихъ сословій, своими родственниками и приближенными, интересы которыхъ неразрывно связаны съ существованіемъ неограниченной власти, причемъ для сохраненія за собой самовластія монархъ жертвуетъ тысячами, десятками тысячъ человѣческихъ жизней, жертвуетъ своимъ спокойствіемъ и спокойствіемъ семьи, рискуетъ даже своею жизнью и жизнью близкихъ ему людей. Никакія жертвы—ни деньгами, ни человѣческой кровью, ни своею честью не кажутся ему велики для достиженія его цѣли. Низменность нравственныхъ устоевъ, жестокость, тупость, ослѣпленіе, по истинѣ, изумительныя...

Мы должны только замѣтить, что за все время борьбы въ Англіи существовали три главныя политическія партіи: роялистовъ - католиковъ, надѣявшихся удачной кампаніей смирить Парламентъ и возвратить короля въ Лондонъ со всѣми прерогативами самодержавія; пресвитеріанъ, имѣвшихъ поддержку въ народѣ, стремившихся къ установленію конституціонной монархіи, мечтавшихъ о соглашеніи съ королемъ, о скорѣйшемъ заключеніи мира для того, чтобы явилась возможность поскорѣе распустить армію; индепендентовъ (независимыхъ), имѣвшихъ также поддержку въ народѣ, захватившихъ въ свои руки армію и замышлявшихъ уничтожить монархію. Послѣдніе остались побѣдителями, и побѣдѣ ихъ содѣйствовалъ самъ Карлъ своимъ легкомысліемъ.

22 августа 1642 г., вечеромъ, послѣ сильной грозы,

Карлъ поднялъ королевскій штандартъ на крышѣ замка въ Ноттингэмѣ. Это должно было значить, что король призываетъ своихъ вѣрныхъ вассаловъ къ исполненію ихъ обязанности, т.-е. призываетъ ихъ себѣ на помощь. Это было объявленіемъ войны... Загремѣли барабаны, зазвучали трубы и небольшая толпа зрителей, праздныхъ уличныхъ зѣвакъ, бросая кверху шапки, кричала: „Да здравствуетъ король Карлъ!“ Но въ городѣ царствовало уныніе. Благоразумные люди предвидѣли бѣду, да и самъ король, словно обуреваемый предчувствіями и томимый смутнымъ страхомъ, находился въ меланхолическомъ настроеніи. Спустя недѣлю штандартъ былъ сорванъ вѣтромъ, что̀ было принято за дурное предзнаменованіе.

Впрочемъ, въ царствованіе Карла это было уже не первое дурное предзнаменованіе. Еще во время коронаціи, когда король надѣлъ бѣлый костюмъ вмѣсто пурпуроваго одѣянія, уже многіе смотрѣли на этотъ фактъ, какъ на худой знакъ: король, какъ говорили тогда, вмѣстѣ съ пурпуромъ какъ бы сложилъ съ себя и свое королевское величіе. Неудаченъ былъ и выборъ текста для проповѣди во время той же церемоніи. Проповѣдникъ почему-то остановился на словахъ Св. Писанія: „Будь вѣренъ до смерти, и Я дамъ тебѣ вѣнецъ жизни“... Историкъ замѣчаетъ, что по королѣ—по живомъ—словно служили панихиду, предвидя, что по мертвомъ ее не будутъ служить.

Началась война... Абсолютизмъ былъ готовъ скорѣе пролить потоки крови, погрузить страну въ бездну золъ, причинить массу страданій, облечь народъ въ трауръ, чѣмъ отказаться отъ части своихъ прерогативъ, отъ произвола... Нѣкоторыя графства возстали за короля, другіе—за Парламентъ. Семьи распались, близкіе родственники стали врагами... „Съ слѣпою злобой братъ боролся съ братомъ“, какъ говоритъ шекспировскій Ричмондъ; „Отецъ разилъ родного сына и сынъ отца въ сраженьи убивалъ“... Люди боязливые или нерѣшительные не приставали ни къ той,

ни къ другой борющейся сторонѣ. Многіе спѣшили скрыться за границу.

Война продолжалась шесть лѣтъ. Сначала королевская армія одержала нѣсколько побѣдъ, но не сумѣла ими воспользоваться. Одно время на сѣверѣ шотландецъ Монтрозъ, приверженецъ короля, одержалъ было нѣсколько блестящихъ побѣдъ надъ парламентскими войсками и подалъ было большія надежды королевской партіи, но онъ блеснулъ и исчезъ, какъ метеоръ, и побѣды его остались безъ результата. Но затѣмъ, когда на сцену выступили индепенденты, когда явился Кромвель со своей несокрушимой кавалеріей, королевская армія стала терпѣть пораженіе за пораженіемъ. Съ особенной страстностью Кромвель преслѣдовалъ королевскіе отряды.—„Кто же, наконецъ, доставитъ мнѣ этого Кромвеля, живого или мертваго!“ однажды съ яростью вскричалъ король. Но его полководцы не могли доставить ему этого удовольствія: Кромвель былъ неуловимъ и недоступенъ.

Особенно упорными и кровопролитными сраженіями были битвы при Марстонъ-Мурѣ (2 іюля 1644 г.) и Несби (14 іюня 1645 г.). При Марстонъ-Мурѣ было убито до 3,000 роялистовъ и 1,600 взято въ плѣнъ. Кромвель могъ бы послать Парламенту 100 роялистскихъ знаменъ, если бы его солдаты и офицеры не изорвали ихъ въ куски, чтобы украсить ими свои шляпы или сдѣлать перевязи на рукавахъ—въ память того славнаго дня, когда они нанесли жестокое пораженіе врагамъ народа. Въ сраженіи при Несби Карлъ оставилъ въ рукахъ непріятеля всю свою артиллерію, весь багажъ, болѣе 100 знаменъ, свой собственный королевскій штандартъ, 5,000 плѣнныхъ и всѣ свои секретныя бумаги и переписку. Послѣдствія этого пораженія или—вѣрнѣе—потери этихъ бумагъ и писемъ оказались для короля еще болѣе роковыми, болѣе гибельными, чѣмъ результаты битвы при Марстонъ-Мурѣ. Послѣ битвы при Несби можно было считать дѣло короля и его сторонниковъ уже окончательно проиграннымъ.

Палата лордовъ рѣшила, что должно воспользоваться та-

кой блестящей побѣдой и обратиться къ королю съ мирными предложеніями, которыя для него были бы пріемлемыми. Но побѣдители были далеки отъ подобныхъ намѣреній и готовились нанести королю жестокій ударъ, причинить ему непоправимый нравственный уронъ... Вмѣсто отвѣта лордамъ, Палата Общинъ потребовала, чтобы лондонскіе граждане были созваны въ Гильдголъ и тамъ прочтены публично бумаги, найденныя въ королевскомъ багажѣ, особенно письма Карла къ королевѣ (скрывшейся на ту пору изъ Англіи): сами граждане должны были судить, съ какимъ „довѣріемъ" можно было отнынѣ вести переговоры съ королемъ. Чтеніе происходило 3 іюля 1645 г. при громадномъ стеченіи народа и произвело сильное впечатлѣніе на слушателей.

Всѣ секреты, всѣ тайныя махинаціи короля были раскрыты. Оказывалось, что король постоянно составлялъ заговоры противъ народа—то съ шотландцами, то съ ирландцами, что онъ никогда искренно не желалъ и не искалъ мира, что уступки Парламенту онъ дѣлалъ съ задней мыслью—съ тѣмъ, чтобы при первомъ же удобномъ случаѣ взять ихъ назадъ, что онъ не придавалъ значенія своимъ обѣщаніямъ, давалъ ихъ лишь съ тѣмъ, чтобы не сдержать ихъ, чтобы только выиграть время, что онъ постоянно лгалъ и обманывалъ, что, любезничая съ Парламентомъ, онъ разсчитывалъ лишь на одну грубую силу, что онъ всегда претендовалъ на неограниченную власть и не думалъ отказываться отъ нея, что, наконецъ, несмотря на свои увѣренія, сотни разъ повторенныя, онъ обращался къ французскому королю, къ герцогу Лорренскому и другимъ европейскимъ государямъ съ просьбою прислать ему на помощь войска, что онъ съ помощью десититысячной ирландской арміи намѣревался продолжать войну съ народомъ, что сынъ датскаго короля съ 4,000 голландскихъ ветерановъ долженъ былъ вторгнуться въ сѣверную Шотландію—въ то время, какъ 8 или 10 тысячъ французовъ присоединились бы къ остаткамъ королевской арміи въ Корнваллисѣ... Какъ видно, иностранное нашествіе на Ан-

глію для сохраненія за Карломъ Стюартомъ неограниченной власти было хорошо организовано, но, къ сожалѣнію Карла и его приближенныхъ, оно не удалось, и король напрасно совершилъ предательство.

Дѣло обличенія короля велось на чистоту: всѣ граждане были допущены убѣдиться собственными глазами въ томъ, что письма были написаны, дѣйствительно, рукой короля. Послѣ того Парламентъ заставилъ опубликовать всю эту королевскую переписку подъ такимъ пространнымъ заглавіемъ: „Вскрытый портфель короля или нѣсколько пакетовъ съ письмами и секретными бумагами, писанными рукой короля и захваченными въ его портфелѣ на полѣ битвы при Несби, 14 іюня 1645 г., побѣдоноснымъ сэромъ Томасомъ Ферфаксомъ, въ которыхъ разоблачены многія государственныя тайны, вполнѣ оправдывающія то дѣло, ради котораго сэръ Томасъ Ферфаксъ далъ сраженіе въ этотъ памятный день; съ нѣкоторыми примѣчаніями". Ни одна проигранная битва не нанесла Карлу такого чувствительнаго, такого страшнаго пораженія, какъ это опубликованіе его писемъ и бумагъ. Теперь Карлъ явился передъ народомъ во весь ростъ, во всей своей неприглядной моральной наготѣ... Нѣкоторые пытались защищать его, возставали противъ опубликованія его писемъ, называя этотъ поступокъ „грубымъ нарушеніемъ семейныхъ тайнъ". Иные полагали, что нѣкоторыя письма измѣнены или напечатаны съ пропусками. Но все было напрасно: недобросовѣстность государя была для всѣхъ очевидна. Да и самъ Карлъ не оспаривалъ подлинности своихъ писемъ. Подлинность опубликованныхъ писемъ король формально засвидѣтельствовалъ въ письмѣ къ сэру Эд. Николасу отъ 4 августа 1645 г.

Послѣ пораженія при Несби Карлъ уже не могъ оправиться, хотя по своему упорству и легкомыслію продолжалъ еще носиться съ разными несбыточными иллюзіями. Онъ скитался изъ края въ край по всему королевству, переходилъ изъ города въ городъ, изъ одного замка въ другой въ

сопровожденіи небольшого отряда своихъ приверженцевъ, то жилъ въ Оксфордѣ, пока пребываніе тамъ было для него безопасно, то скрывался въ замкѣ Рагландъ. Онъ нѣсколько разъ затѣвалъ переговоры съ Парламентомъ; то онъ желалъ послать къ нему своихъ комиссаровъ, но Парламентъ отказывался допустить ихъ въ Лондонъ, такъ какъ они устраивали заговоры, то онъ хотѣлъ лично прибыть въ Лондонъ для веденія переговоровъ, но Парламентъ по той же причинѣ отказывалъ ему; то онъ старался пробиться въ Шотландію, къ Монтрозу, еще не зная того, что арміи Монтроза уже не существовало и самъ Монтрозъ скитался невѣдомо гдѣ... Высказывая желаніе примириться съ Парламентомъ, съ народомъ, Карлъ въ то же время разрабатывалъ фантастическій планъ созданія новой арміи для войны съ Парламентомъ, ждалъ высадки французовъ, датчанъ, голландцевъ. Ведя переговоры о мирѣ съ людьми, называвшими католическую церковь „блудницей“ и считавшими Папу чуть ли не за Антихриста, Карлъ уполномочивалъ жену выпрашивать у папы то 100, то 200 тысячъ кронъ.

Король велъ съ женой дѣятельную переписку, въ которой ярко обрисовывается характеръ Маріи Генріэтты. Когда, напр., король заговаривалъ о мирѣ съ Парламентомъ, она изъ себя выходила и собиралась удалиться въ монастырь, говоря, что она не рѣшится отдать свою судьбу въ руки Палаты Общинъ. „Если вы опять перемѣните ваши намѣренія, то прощайте навсегда“, писала она Карлу. „Если у васъ не хватитъ рѣшимости, то мнѣ остается только умереть. До тѣхъ поръ, пока Парламентъ существуетъ, я не могу васъ считать королемъ, и ноги моей не будетъ въ Англіи“. За каждую уступку, вынужденную ходомъ событій, она горько упрекала мужа: „Въ послѣдній разъ говорю вамъ, что если вы еще сдѣлаете уступку, то вы погибли. Я же никогда не возвращусь въ Англію, а уйду молиться за васъ Богу“. (Это письмо датировано декабремъ 1646 г.). Легкомысленная француженка, повидимому, придавала серьезное значеніе „уступ-

камъ“ короля, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онѣ не имѣли никакого значенія, оставаясь пустыми словами и ни къ чему его не обязывая.

Что̀ значило „слово“ Карла Стюарта, можно хорошо видѣть изъ дѣла лорда Гляморгана, одного изъ его самыхъ горячихъ приверженцевъ. Король отправилъ Гляморгана въ Ирландію съ секретнымъ порученіемъ заключить договоръ съ тамошнимъ католическимъ союзомъ, добыть войска и денегъ. Гляморганъ повиновался и, рискуя головой, взялся за это опасное дѣло. Онъ отправился по назначенію и заключилъ договоръ съ ирландскими католиками, пообѣщавъ имъ отъ имени короля различныя льготы, согласно инструкціямъ Карла. Договоръ попалъ въ руки намѣстника Ирландіи и былъ пересланъ Парламенту. Въ Парламентѣ поднялась буря. Лордъ Гляморганъ, какъ заговорщикъ и агитаторъ, былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму. Король же немедленно отрекся отъ всякой солидарности съ Гляморганомъ и отъ данныхъ ему инструкцій... Ни въ одномъ изъ поступковъ Карла не проявилась такъ ярко его неискренность, двуличность, его низость въ его отношеніяхъ къ друзьямъ и приверженцамъ, какъ въ дѣлѣ Гляморгана.

Мы немного уклонились отъ хронологическаго порядка, зашли впередъ (что̀, впрочемъ, не важно). Возвращаемся къ странствованіямъ Карла Стюарта.

Съ большимъ трудомъ, наконецъ, ему удалось пробраться въ главную квартиру шотландской арміи: тамъ онъ надѣялся найти поддержку... Онъ какъ будто не замѣчалъ, что старый порядокъ уже рушился, что вокругъ него громоздились развалины стараго режима, что обаяніе его королевской особы уже испарилось, улетучилось вмѣстѣ съ дымомъ Несбійской битвы, что почва уходила изъ-подъ его ногъ... Шотландцы выдали его парламентскимъ комиссарамъ, а тѣ, какъ плѣнника, увезли его въ Гольмби, куда онъ и прибылъ 16 февр. 1647 г.

Начался послѣдній актъ трагической борьбы за королев-

ское самовластіе, закончившейся гибелью для Карла Стюарта и апофеозомъ свободы для англійскаго народа.

2 іюня въ полночь явился въ Гольмби отрядъ солдатъ подъ командой корнета Джойса и по приказу арміи увезъ короля. Съ этого момента парламентская армія завладѣла королемъ. Въ Лондонѣ той порой роялисты сѣяли смуту, производили уличные безпорядки и требовали возвращенія короля въ Лондонъ. А въ арміи и въ обществѣ уже открыто говорили объ уничтоженіи монархіи, о республикѣ. Король, будучи уже плѣнникомъ, не переставалъ замышлять и составлять заговоры, вести интриги и двоедушничать.

Живя въ Гамптонкуртѣ, Карлъ одно время находился даже въ сношеніяхъ съ Кромвелемъ и его сотоварищемъ, Айртономъ. Если бы Карлъ могъ искренно отнестись къ нимъ, эти люди могли бы еще спасти его. Но онъ, по своему обыкновенію, задумалъ играть ими, но эта игра оказалась ему не по силамъ, ибо Кромвель и Айртонъ не принадлежали къ людямъ такого типа, какъ лордъ Гляморганъ: въ наковальни не годились... Айртонъ предлагалъ ему присоединиться къ нимъ, т.-е. къ арміи, а Карлъ отвѣчалъ: „Я веду свою игру!“ А игра его состояла въ томъ, чтобы найти средства для продолженія междоусобной войны, и этотъ азартный „игрокъ“, естественно, внушилъ подозрѣніе Кромвелю.

Однажды, находясь въ Виндзорѣ, Кромвель узналъ, что изъ Гамптонкуртскаго замка отправился какой-то человѣкъ, несшій на головѣ сѣдло, что въ сѣдлѣ было зашито письмо Карла, адресованное королевѣ, но письмоносецъ не былъ посвященъ въ тайну. Около десяти часовъ этотъ человѣкъ долженъ былъ прибыть въ гостиницу „Синяго Кабана“ въ Гольборнѣ, гдѣ для него была приготовлена лошадь для поѣздки въ Дувръ, откуда письмо должно быть переслано во Францію. Кромвель и Айртонъ, переодѣвшись простыми кавалеристами, въ сопровожденіи одного солдата, немедленно отправились въ Гольборнъ. Прибывъ въ гостиницу „Синяго

Кабана“, они оставили солдата на стражѣ, а сами заняли отдѣльную комнату и, попивая пиво, поджидали появленія „человѣка съ сѣдломъ“. Дѣйствительно, около десяти часовъ вечера этотъ человѣкъ пришелъ въ гостиницу. Кромвель и Айртонъ тотчасъ же появились изъ своей комнаты съ мечомъ въ рукѣ и, подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ отданъ приказъ осматривать вещи всѣхъ путешественниковъ, схватили сѣдло, унесли его въ занятую ими комнату, распороли его съ краю и нашли тамъ письмо. Затѣмъ, они старательно зашили сѣдло и возвратили его перепуганному парню, сказавъ ему съ добродушно-веселымъ видомъ, что онъ—честный малый и можетъ продолжать свой путь.

Письмо, найденное въ сѣдлѣ, оказалось интереснымъ: оно раскрывало дѣйствительныя намѣренія Карла. Король сообщалъ женѣ, что двѣ партіи стараются склонить его на свою сторону (армія и шотландскіе пресвитеріане), что онъ присоединится къ той, условія которой найдетъ болѣе выгодными для себя, что онъ, вѣроятно, скорѣе сговорится съ шотландскими пресвитеріанами, чѣмъ съ арміей. Между прочимъ, король писалъ: „Будь спокойна на счетъ уступокъ, которыя я могу сдѣлать. Я хорошо знаю, когда придетъ время, какъ мнѣ должно вести себя съ этими шутами; вмѣсто шелковой подвязки я имъ приготовлю пеньковую веревку...“ Прочитавъ эти строки, генералы переглянулись: подозрѣнія ихъ подтвердились, государю нельзя было довѣрять. Король, на словахъ любезный съ ними, готовилъ для нихъ петлю... Ошибался Карлъ: тѣ люди, которыхъ онъ такъ легкомысленно называлъ „шутами“, были для него роковыми орудіями неумолимой исторической Немезиды.

Наконецъ, король задумалъ бѣжать, сознавая, что дѣла его принимаютъ крайне дурной оборотъ. Но онъ, рѣшительно, не зналъ, куда бѣжать, гдѣ скрыться, покинуть же Англію онъ упорно отказывался.

Его духовное равновѣсіе было до того нарушено, что онъ, человѣкъ очень образованный для своего времени, под-

дался предразсудкамъ и суевѣріямъ вѣка — и обратился за помощью къ астрологіи... Въ тѣ дни жилъ въ Лондонѣ извѣстный астрологъ, Виллъямъ Лилли. Къ нему-то Карлъ и послалъ одну даму, м-ссъ Воревудъ за тѣмъ, чтобы узнать: куда ему лучше, безопаснѣе бѣжать. Лилли торжественно вопросилъ звѣзды и отвѣтилъ, что король долженъ удалиться на востокъ, въ графство Эссексъ, за 20 миль отъ Лондона, и м-ссъ Воревудъ поспѣшила въ Гамптонкуртъ съ этимъ отвѣтомъ. Но король ее не дождался, и вечеромъ 11 ноября (1647 г.), съ помощью своихъ приближенныхъ, Ашбурнгема и Беркли, бѣжалъ на островъ Уайтъ, въ замокъ Карисбрукъ, гдѣ и очутился подъ надзоромъ полковника Гаммонда, губернатора острова.

Когда Карлъ скрылся на о. Уайтъ, приближенные его стали серьезно опасаться за него. Джонъ Беркли, не ослѣплявшій себя пустыми надеждами, заклиналъ его бѣжать изъ Англіи, не теряя времени. Говорили, что корабль, посланный изъ Франціи королевой, уже нѣсколько дней плавалъ вблизи береговъ Уайта. Но Карлъ упорно шелъ на встрѣчу своей гибели.

Въ ту пору новая интрига возбудила надежды короля. Парламентъ, долготерпѣнію котораго, казалось, не будетъ конца, постановилъ обратиться еще разъ къ королю съ четырьмя предложеніями въ формѣ биллей, причемъ было заявлено, что если король приметъ эти предложенія, то согласно его желанію, не однажды выраженному, онъ будетъ допущенъ въ Лондонъ для окончательныхъ переговоровъ съ Парламентомъ. Въ предложеніяхъ Парламента рѣчь шла объ ограниченіи королевскаго произвола, объ утвержденіи законности и свободы. Шотландцы же совѣтовали королю отвергнуть предложенія Парламента и обѣщали заключить съ нимъ договоръ на лучшихъ условіяхъ и побѣдителемъ ввести его въ Лондонъ. — „Надо подождать!“ говорилъ король Джону Беркли, убѣждавшему его бѣжать на континентъ. Прежде, чѣмъ покинуть Англію, Карлъ страстно

желалъ еще попытаться съ помощью шотландцевъ возвратить себѣ неограниченную власть, а своимъ приближеннымъ— ихъ прежнее командующее положеніе. Карлъ мечталъ снова зажечь междоусобную войну и по трупамъ, съ тріумфомъ, взойти на престолъ.

Политическій деспотизмъ и фанатизмъ религіозный—два самые жестокіе, злѣйшіе бича, задерживающіе прогрессъ человѣчества, причиняющіе людямъ неисчислимыя матеріальныя и нравственныя страданія и превращающія всемірную Исторію въ Исторію мученичества народовъ.

Шотландскіе комиссары прибыли почти одновременно съ парламентскими, и Карлъ втайнѣ велъ переговоры съ шотландцами. Черезъ два дня, 26 дек. 1647 г. съ ними былъ заключенъ и подписанъ договоръ, по которому шотландцы обязывались выставить армію для возстановленія короля со всѣми его прерогативами. Карлъ со своей стороны обязывался въ теченіе извѣстнаго времени покровительствовать пресвитеріанству и преслѣдовать индепендентовъ. Въ силу этого договора шотландскіе пресвитеріане и англійскіе роялисты соединялись для борьбы съ Парламентомъ во имя прерогативъ короны. Оригиналъ договора, который долженъ былъ зажечь междоусобную войну за возвращеніе королю его самовластія, былъ положенъ въ свинцовый ящикъ и зарытъ въ саду, при замкѣ Карисбрукъ: онъ долженъ былъ оставаться подспудомъ до тѣхъ поръ, пока не представится возможность объявить о немъ открыто.

Съ парламентскими комиссарами разговоры были коротки: Карлъ отвергъ ихъ предложенія. Комиссары удалились и, переговоривъ съ Гаммондомъ, возвратились въ Лондонъ, чтобы отдать Парламенту отчетъ о своей миссіи. Вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда, когда король уже совѣщался съ Беркли и Ашбурнгемомъ о бѣгствѣ, задуманномъ на слѣдующую ночь, ворота замка были заперты, входъ посторonнимъ воспрещенъ, стража повсюду удвоена и почти всѣ приближенные короля, Ашбурнгемъ и Беркли первые, получили приказъ

немедленно удалиться изъ замка... Нѣтъ ничего тайнаго, что не сдѣлалось бы явнымъ: вотъ что всегда должны помнить враги народа. Тайна „свинцоваго ящика“ скоро обнаружилась...

Когда комиссары сообщили Парламенту о результатахъ своей поѣздки къ королю, когда стало извѣстно о подписаніи Карломъ карисбрукскаго договора, Палата Общинъ заволновалась. Было даже внесено предложеніе о преданіи короля суду за то, что онъ, „торжественно заявляя покорность Парламенту, заключилъ въ то же самое время тайный договоръ съ шотландцами—для того, чтобы вовлечь страну въ новыя смуты и уничтожить Парламентъ“. Это предложеніе не прошло. Но затѣмъ было внесено и принято предложеніе о прекращеніи всякихъ сношеній съ королемъ, — что, въ сущности, уже равнялось уничтоженію монархіи.—„Г. Предсѣдатель,—говорилъ Кромвель въ Палатѣ Общинъ,—король—человѣкъ большого ума, большихъ талантовъ, но такой скрытный, такой лживый, что нѣтъ никакой возможности довѣрять ему. Онъ заявляетъ намъ о своемъ желаніи мира и въ то же время тайно уговаривается съ шотландскими комиссарами начать новую войну съ народомъ. Насталъ часъ, когда одному Парламенту надлежитъ управлять и спасать страну“...

Послѣ того роялистамъ удалось еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ поднять возстаніе. Даже въ Лондонѣ они произвели уличные безпорядки и кричали: „Да здравствуетъ король!“ Толпа всякаго уличнаго сброда напала на домъ лордъ-мэра, завладѣла одной пушкой и оружейнымъ магазиномъ. Этотъ погромъ, организованный королевскими приверженцами, былъ уже послѣднимъ. Всѣ мѣстныя возстанія были быстро подавлены. Ферфаксъ усмирилъ возстаніе на востокѣ. Шотландцевъ, согласно трактату, заключенному съ королемъ, вступившихъ въ Англію, Кромвель разбилъ на голову въ сраженіяхъ при Престонѣ, Виганѣ, иВаррингтонѣ и побѣдителемъ вступилъ въ Эдинбургъ.

Пресвитеріане, бывшіе въ Парламентѣ и внѣ его, встре-

воженные успѣхами Кромвеля, какъ вождя индепендентовъ, осенью 1648 г. поспѣшили снова вступить съ королемъ въ соглашенiе и опять начали съ нимъ переговоры о мирѣ, несмотря на парламентское постановленiе о прекращенiи сношенiй съ королемъ.

Пятнадцать парламентскихъ комиссаровъ отправились на ос. Уайтъ, въ маленькiй городокъ Ньюпортъ. Они прибыли на мѣсто 15 сентября; 18—начались переговоры. Приближенные совѣтовали королю немедленно принять предложенiя Парламента, а иначе, — говорили они, — все погибло, если договоръ не будетъ заключенъ и король не успѣетъ прибыть въ Лондонъ до возвращенiя Кромвеля съ армiей изъ Шотландiи. Карлъ „на словахъ" былъ готовъ слѣдовать этимъ совѣтамъ, но въ душѣ, какъ оказывалось, все еще питалъ надежду на то, что его приверженецъ, Ормондъ, соберетъ въ Ирландiи большую армiю, начнетъ войну съ Парламентомъ, и онъ, Карлъ, убѣжавъ съ ос. Уайта, съ помощью ирландской армiи возвратится въ Лондонъ неограниченнымъ монархомъ и отомститъ, жестоко отомститъ всѣмъ своимъ недругамъ, заставивъ ихъ поплатиться головой за перенесенныя имъ униженiя и страхи.

Относительно начавшихся переговоровъ съ парламентскими комиссарами король откровенно писалъ довѣренному лицу (Вилльяму Гопкинсу), обязанному все приготовить для его бѣгства: „Эти новые переговоры будутъ такими же шуточными, какими были всѣ предшествующiе: въ моихъ намѣренiяхъ ничто не измѣнилось"...

Король то соглашался на предложенiя Парламента, дѣлалъ уступку за уступкой, хотя уступалъ не разомъ, но оспаривая шагъ за шагомъ почву, которую былъ уже не въ силахъ защищать; то онъ обращался къ Парламенту со своими условiями, съ оговорками, то пытался взять обратно сдѣланныя уступки, — словомъ, затягивалъ переговоры, чтобы только выиграть время и дать Ормонду возможность собрать въ Ирландiи достаточно сильную армiю. Съ ирландской армiей,

при помощи голландскаго флота подъ командой принца Руперта, Карлъ, повидимому, надѣялся на большій успѣхъ, чѣмъ тотъ, какой выпалъ на долю его союзниковъ, шотландцевъ.

Послѣ того, какъ король торжественно обѣщалъ прекратить въ Ирландіи всякую агитацію, враждебную Парламенту, послѣ того, какъ онъ открыто, оффиціально воспретилъ Ормонду идти въ Ирландію, тайно онъ рекомендуетъ ему не обращать вниманія на его королевскія повелѣнія и съ возможной поспѣшностью идти въ Ирландію... 10 окт. 1647 г. Карлъ секретно писалъ Ормонду: „Повинуйтесь приказаніямъ моей жены, а не моимъ, до тѣхъ поръ, пока я не извѣщу васъ о томъ, что я свободенъ; не безпокойтесь также о моихъ уступкахъ относительно Ирландіи: это ничего не значитъ"... Сказать другими словами: король заявлялъ Ормонду, что онъ, Карлъ Стюартъ, притворяется, обманываетъ, даетъ обѣщанія съ тѣмъ, чтобы не сдержать ихъ. До такого униженія, до такого нравственнаго паденія доводитъ иногда монарха жажда неограниченной власти...

Въ тотъ день (9 окт.), когда король уступилъ Парламенту на 20 лѣтъ командованіе военными силами — сухопутными и морскими,—Карлъ писалъ Гопкинсу: „По правдѣ сказать, моя сегодняшняя большая уступка сдѣлана лишь для того, чтобы облегчить мнѣ бѣгство: безъ этой надежды я не пошелъ бы никогда на подобную уступку"... Наконецъ, переговоры были кончены, и пресвитеріане—въ интересахъ своей партіи—нашли достаточными уступки, сдѣланныя королемъ, и на основаніи ихъ находили возможнымъ заключить съ королемъ миръ. При прощаньи съ комиссарами Карлъ наговорилъ не мало жалкихъ словъ, причемъ представилъ себя какой-то несчастной жертвой и чуть ли не праведникомъ. И это говорилъ себялюбивый, тщеславный и жестокій человѣкъ, нагромоздившій груды труповъ въ борьбѣ за власть и половину Англіи облекшій въ трауръ...

Комиссары, возвратившись въ Лондонъ, немедленно дали

Парламенту отчетъ и высказались за соглашеніе съ королемъ. Индепенденты, недовѣрявшіе королю и лучше понимавшіе общее положеніе дѣлъ, высказались рѣшительно противъ соглашенія съ королемъ. И въ Палатѣ Общинъ начались горячія, продолжительныя пренія. Индепендентъ Венъ сказалъ: „Сегодня, наконецъ, мы узнаемъ, кто наши друзья и кто враги или, говоря проще, мы увидимъ, кто здѣсь принадлежитъ къ партіи короля и кто — къ народной партіи!“ Прошелъ слухъ, что армія шла на Лондонъ. Индепенденты хотѣли воспользоваться первой тревогой и закончить пренія. Раздались возгласы: „На голоса! На голоса!“ Но индепенденты встрѣтили отпоръ, и рѣшеніе вопроса было оставлено до слѣдующаго дня. 2 декабря дебаты снова возгорѣлись и затянулись до вечера. Уже стало смеркаться, нѣкоторые члены Палаты Общинъ уже удалились. Индепенденты требовали, чтобы были принесены факелы и засѣданіе продолжалось бы при огнѣ.—„Г. Предсѣдатель,—воскликнулъ тогда одинъ изъ членовъ пресвитеріанской фракціи, — эти господа не только хотятъ запугать насъ приближеніемъ арміи, но они намѣрены затянуть пренія на всю ночь — въ томъ разсчетѣ, что люди старые, почтенные, наиболѣе склонные къ миру, не выдержатъ усталости и уйдутъ до голосованія. Надѣюсь, что Палата не дастъ одурачить себя этой уловкой!“ И, несмотря на возраженія оппозиціи, дебаты были снова отсрочены до 4 декабря (3 дек. приходилось въ воскресенье).

4 декабря, при открытіи засѣданія, прошелъ слухъ, что король будто бы былъ похищенъ съ ос. Уайта и увезенъ въ Гурстъ-Кастль, въ замокъ, бывшій чѣмъ-то въ родѣ тюрьмы, находившійся на приморскомъ берегу, противъ ос. Уайта, на краю пустыннаго мыса, крайне нездороваго по климату. Вскорѣ предсѣдатель Палаты Общинъ получилъ письмо изъ Ньюпорта отъ маіора Рольфа, замѣнившаго Гаммонда, и тотчасъ же прочелъ это письмо Палатѣ. Слухъ оказывался основательнымъ, и отнынѣ непосредственное сношеніе Парламента съ королемъ сдѣлалось невозможнымъ.

Дѣйствительно, 30 ноября король, по приказанію арміи, былъ увезенъ въ Гурстъ-Кастль. Наканунѣ, 29 ноября, когда прошелъ слухъ о томъ, что король будетъ похищенъ, полковникъ Эд. Кукъ предложилъ королю бѣжать. Лошади были готовы, лодка ожидала у берега, ночь была темная, Кукъ предлагалъ сопровождать его. Все обѣщало успѣхъ... Но Карлъ колебался, былъ въ нерѣшимости и, наконецъ, отказался отъ услугъ Кука.

Парламентъ, между тѣмъ, спѣшилъ заключить миръ съ королемъ и большинствомъ 140 голосовъ противъ 104 постановилъ, что уступки, сдѣланныя королемъ, могли служить основаніемъ для заключенія съ нимъ мира. Тогда индепенденты рѣшились совершить государственный переворотъ, оправдывая его необходимостью положить конецъ смутѣ и спасти отечество отъ его внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. 6 дек. произошла „чистка" Парламента: 40 депутатовъ, сторонниковъ соглашенія съ королемъ, были арестованы, многіе депутаты были исключены. На слѣдующій день продолжались аресты и изгнанія. Такимъ образомъ, изъ Парламента были удалены 143 депутата. Армія и республиканцы — въ Парламентѣ и въ народѣ — сдѣлались господами положенія. Съ этого дня все уступало имъ; ничто не омрачало ихъ торжества.

Въ Палатѣ Общинъ Гугъ Петерсъ говорилъ: „Подобно Моисею, вы предназначены извлечь народъ изъ рабства египетскаго. Но какъ совершится это дѣло,—это мнѣ еще не открыто"... Опустивъ голову на руки и немного помолчавъ, онъ воскликнулъ: „Вотъ откровеніе снизошло на меня... Армія уничтожитъ монархію, не только у насъ, но и во Франціи и въ другихъ окружающихъ насъ государствахъ! Она выведетъ васъ изъ Египта!"...

Въ тотъ день, когда послѣдніе пресвитеріане покинули Вестминстеръ, Кромвель явился въ Палатѣ Общинъ.—„Богъ свидѣтель, — заявилъ онъ, — что я ничего не зналъ о томъ, что недавно произошло въ этой Палатѣ, но такъ какъ дѣло

кончено, то я очень радъ, и теперь надо лишь поддержать его!"

Палата встрѣтила Кромвеля громкими изъявленіями признательности. Предсѣдатель оффиціально выразилъ ему благодарность за его походъ въ Шотландію. Послѣ засѣданія, подъ шумъ восторженныхъ овацій, Кромвель удалился изъ Палаты и занялъ для себя помѣщенія въ Уайтголлѣ, въ королевскихъ апартаментахъ. Онъ былъ народнымъ героемъ и кумиромъ арміи.

Въ засѣданіяхъ 12 и 13 декабря Палата Общинъ отмѣнила всѣ акты, всѣ недавнія голосованія въ пользу мира. Въ Палату отовсюду стали поступать петиціи, все болѣе и болѣе настойчивыя, о преданіи короля суду, какъ единственнаго виновника междоусобій. Уже на Виндзорскомъ митингѣ, когда единогласно было принято рѣшеніе—сражаться съ врагами народа до послѣдней капли крови, было постановлено, что „если Господь приведетъ одержать побѣду, то призвать къ суду Карла Стюарта, кровожаднаго человѣка, изъ-за котораго пролито такъ много крови и по винѣ котораго на страну обрушились всевозможныя бѣдствія". Мысль о преданіи суду короля, явившаяся годъ тому назадъ у крайнихъ радикаловъ, къ настоящему времени значительно популяризировалась въ массѣ.

Дѣйствительно, положеніе народа и народнаго представительства становилось все болѣе и болѣе критическимъ, вслѣдствіе упорства и властолюбія Карла. „Возстанія, нашествія, заговоры, открытыя покушенія на Парламентъ шли одно за другимъ", писалъ Кромвель. Первымъ благимъ результатомъ 1648 г. были, по его словамъ, уличеніе и наказаніе вредныхъ людей, а также перемѣна образа правленія, „уничтоженіе договора съ королемъ, такъ какъ,—говорилъ онъ,—въ противномъ случаѣ мы отдали бы въ руки короля все, что намъ дорого, и общественная безопасность превратилась бы въ клочекъ бумаги". Опасности, видимыя и невидимыя, возникали съ каждымъ часомъ и угрожали странѣ

неисчислимыми бѣдствіями. Находили необходимымъ покончить съ виновникомъ неслыханныхъ смутъ и страданій народа.

И вотъ раздался голосъ Людлоу: „Кровь затопила всю страну и можетъ быть смыта лишь кровью того же человѣка, который ее пролилъ".

Участь Карла Стюарта была рѣшена.

Отрядъ солдатъ подъ командой полковника Гариссона отправился въ Гурстъ-Кастль съ приказаніемъ перевезти короля въ Виндзоръ. 17 декабря, ночью, Гариссонъ прибылъ въ Гурстъ-Кастль, и король былъ очень доволенъ, узнавъ, что для его резиденціи назначенъ Виндзорскій дворецъ. Онъ былъ радъ вырваться изъ мрачнаго Гурстъ-Кастля, гдѣ полутемное помѣщеніе, въ которомъ и днемъ приходилось зажигать огонь, нагоняло на него тоску.—„Въ добрый часъ! сказалъ Карлъ, узнавъ о своемъ перемѣщеніи: „они становятся снисходительнѣе. Виндзоръ такое мѣсто, гдѣ я всегда чувствую себя хорошо; я буду вознагражденъ за то, что я вынесъ здѣсь".

По дорогѣ въ Виндзоръ королю представлялась возможность бѣжать, но бѣгству помѣшала одна, досадная для Карла, случайность.

Отправившись въ Виндзоръ, король объявилъ, что онъ хочетъ непремѣнно остановиться въ Бегшотѣ и обѣдать въ лѣсу у лорда Нейбурга, (одного изъ самыхъ преданныхъ ему людей). Гариссонъ не рѣшился отказать ему въ исполненіи этого желанія, хотя настойчивость короля внушала ему нѣкоторыя подозрѣнія.

У лорда Нейбурга, большого любителя и знатока лошадей, была одна лошадь, извѣстная во всей Англіи необычайной быстротой своего бѣга. Лордъ Нейбургъ, уже давно бывшій въ тайной перепискѣ съ королемъ, совѣтывалъ ему—въ случаѣ поѣздки въ Виндзоръ—какъ-нибудь дорогой ис-

портить свою лошадь, обѣщая ему дать своего знаменитаго коня, на которомъ король могъ бы легко бѣжать и по лѣснымъ тропинкамъ, хорошо извѣстнымъ ему, могъ скрыться отъ преслѣдованія. И Карлъ, дѣйствительно, по дорогѣ въ Бегшотъ постоянно жаловался на свою лошадь и хотѣлъ перемѣнить ее. Но, прибывъ къ лорду Нейбургу, король узналъ, что та лошадь, на которую онъ разсчитывалъ, наканунѣ была какъ-то ушиблена въ конюшнѣ, хромала и не могла быть пущена въ дѣло. Лордъ Нейбургъ былъ въ отчаяніи и предлагалъ Карлу другихъ прекрасныхъ лошадей, но король отказался, не рѣшаясь рисковать жизнью—въ виду того, что всадники конвоя близко держались къ нему, съ пистолетомъ въ рукѣ.

Впрочемъ, прибывъ вечеромъ въ Виндзоръ, король утѣшился... Онъ былъ въ своемъ любимомъ загородномъ дворцѣ, занялъ свои комнаты и все нашелъ въ нихъ готовымъ для его пріема, какъ бывало въ лучшіе дни, когда онъ со своимъ блестящимъ, веселымъ дворомъ живалъ здѣсь. Мрачныя предчувствія не мучили его. Онъ почти даже забылъ, что очутился плѣнникомъ въ Виндзорѣ.

Въ тотъ же день, 23 декабря, почти въ тотъ же часъ, какъ король пріѣхалъ въ Виндзоръ, Палата Общинъ постановила предать Карла Стюарта суду. Дѣло не обошлось безъ преній: одни требовали, чтобы Карлъ былъ только низложенъ съ престола, какъ бывало съ нѣкоторыми изъ его предшественниковъ; другіе желали отдѣлаться отъ него втихомолку и не брать на себя отвѣтственность за его смерть. Республиканцы же требовали публичнаго суда надъ Карломъ Стюартомъ: они заявляли, что со стороны короля было измѣной вести войну съ народомъ; вызывать себѣ на помощь чужеземцевъ, накликать непріятельское нашествіе на свое отечество было тяжкимъ государственнымъ преступленіемъ.

Немедленно же былъ учрежденъ Верховный судъ. Палата лордовъ отвергла послѣднее постановленіе, но Палата

Общинъ заявила, что оппозиція лордовъ ничего не измѣнитъ, что источникъ верховной власти—народъ, т.-е. его представители. Съ 8 до 19 января судъ собирался въ закрытыхъ засѣданіяхъ. Альджернонъ Сидни опасался того, что процессъ короля можетъ скомпрометировать республику, даже вызвать возстаніе, которое спасетъ короля и погубитъ Республику,—„Никто не шевельнется,—съ увѣренностью возразилъ ему Кромвель:—я вамъ говорю, что мы снесемъ ему голову вмѣстѣ съ короной!"

Незадолго до 20 января, когда королю надлежало предстать передъ Верховный судъ, смотритель Виндзорскаго замка объявилъ Карлу, что его скоро переведутъ въ Лондонъ. Это извѣстіе встревожило и очень смутило короля. До тѣхъ поръ, уже въ теченіе трехъ недѣль, онъ жилъ спокойно, продолжая попрежнему убаюкивать себя мечтой о возвращеніи неограниченной власти, прежней блестящей жизни. Онъ все еще надѣялся на скорую помощь изъ Ирландіи, на иностранное нашествіе, на вмѣшательство европейскихъ государей въ его дѣла. Давно уже не видали Карла такимъ оживленнымъ и самоувѣреннымъ, какъ за послѣднее время. „Черезъ шесть мѣсяцевъ спокойствіе въ Англіи будетъ возстановлено,—говорилъ онъ,—если же „нѣтъ", то изъ Ирландіи, Даніи и другихъ государствъ я получу средства, съ помощью которыхъ возвращу свои права!"—На другой день онъ сказалъ: „У меня еще три карты въ игрѣ, и изъ нихъ самой плохой достаточно для того, чтобы я могъ отыграться!" И все это говорилось съ такою увѣренностью за двѣ недѣли до смерти, говорилось въ то время, когда всѣ карты его были побиты...

Только одно обстоятельство нарушило его благодушное настроеніе... До тѣхъ поръ въ Виндзорѣ соблюдался придворный этикетъ: Карлъ обѣдалъ въ парадномъ залѣ, подъ балдахиномъ; ему подносили кубокъ, становясь на колѣни; блюда приносили закрытыми и ихъ предварительно отвѣдывали. Но вдругъ, по письму изъ главной квартиры, этотъ

порядокъ измѣнился: солдаты приносили кушанья открытыми, ихъ не пробовали, на колѣни никто не становился, балдахинъ исчезъ—и вмѣстѣ съ нимъ весь обычный придворный этикетъ. Карлъ былъ крайне обиженъ, огорченъ такой перемѣной въ отношеніи его; послѣ того онъ сталъ обѣдать въ своей комнатѣ.

19 января въ Виндзоръ явился Гариссонъ съ отрядомъ кавалеріи и отвезъ Карла въ Лондонъ, въ Сентъ-Джемскій дворецъ.

20 января начался судъ.

Когда извѣстили о приближеніи короля, Кромвель выглянулъ въ окно и затѣмъ, обратившись къ судьямъ, сказалъ: „Вотъ онъ!... Часъ великаго дѣла насталъ! Прошу васъ, рѣшайте же скорѣе, что̀ вы отвѣтите ему, когда онъ спроситъ: чьимъ именемъ, чьей властью вы судите его!“ Всѣ молчали.—„Именемъ англійскаго народа!“ сказалъ Генри Мартинъ. Никто не возражалъ. Вскорѣ послѣ того судьи во главѣ съ предсѣдателемъ, Бредшоу, отправились въ Вестминстеръ-Голлъ.

Когда судьи заняли свои мѣста, обвиняемый, по приказанію Бредшоу, былъ введенъ въ залу суда. Бредшоу тотчасъ же всталъ и заявилъ „Карлу Стюарту, королю Англіи“, что англійскія общины, представители которыхъ составляютъ Парламентъ, сочли его главнымъ виновникомъ всѣхъ золъ, обрушившихся на народъ, и рѣшили преслѣдовать его судомъ за это кровавое преступленіе, что съ этой цѣлью былъ учрежденъ Верховный судъ, передъ которымъ онъ и является нынѣ.—„Вы услышите, какія обвиненія тяготѣютъ на васъ!“ закончилъ Бредшоу свою краткую рѣчь. Генералъ-прокуроръ Кокъ всталъ, чтобы читать обвинительный актъ. Король хотѣлъ что-то сказать. „Молчаніе!“ воскликнулъ онъ, останавливая генералъ-прокурора, и съ повелительнымъ видомъ коснулся тростью до его плеча. Тотъ съ раздраженіемъ повернулся къ нему. Набалдашникъ королевской трости отлетѣлъ. Карлъ, повидимому, почувствовалъ себя оскорблен-

нымъ и измѣнился въ лицѣ. Никого изъ слугъ не оказалось поблизости, чтобы поднять набалдашникъ; король наклонился, самъ поднялъ его и, сконфузившись, молча сѣлъ на свое мѣсто.

Послѣ этого маленькаго инцидента генералъ-прокуроръ уже безостановочно продолжалъ чтеніе обвинительнаго акта, вмѣнявшаго королю въ вину всѣ народныя несчастія, происходившія сначала отъ его тираннін, а затѣмъ отъ междоусобной войны, возбужденной имъ, и въ заключеніе генералъ-прокуроръ требовалъ для Карла Стюарта кары, какъ для „тирана, измѣнника и убійцы", за всѣ содѣянныя имъ тяжкія преступленія. Во время чтенія обвинительнаго акта король довольно спокойно и равнодушно оглядывался по сторонамъ, то смотря на судей, то на публику; лишь при упоминаніи о Карлѣ Стюартѣ, какъ „тиранѣ измѣнникѣ и убійцѣ", онъ, молча, усмѣхнулся. По прочтеніи обвинительнаго акта, Бредшоу обратился къ королю: „Сэръ, вы слышали обвинительный актъ. Судъ ждетъ вашего отвѣта!" Какъ угадалъ Кромвель, Карлъ немедленно же спросилъ: какою властью онъ привлеченъ къ суду. Бредшоу, сдержанно, кратко и съ достоинствомъ отвѣтилъ ему, что онъ привлеченъ къ суду англійскимъ народомъ, что если бы онъ былъ внимательнѣе къ тому, что ему было уже сказано, то онъ не задалъ бы своего вопроса.

Затѣмъ король—вмѣсто того, чтобы говорить по существу, постараться разбить направленныя противъ него обвиненія—пустился въ діалектику, повторялъ одно и то же, вступалъ въ пренія съ предсѣдателемъ, обращался къ суду съ такими требованіями, которыя были недопустимы (какъ, напр., его требованіе быть выслушаннымъ Палатой Лордовъ и Палатой Общинъ). Наконецъ, въ засѣданіи 27 января предсѣдатель заявилъ подсудимому: „Если вы не желаете ничего болѣе прибавить, то судъ приступитъ къ произнесенію приговора!"—„Я ничего не прибавлю, сэръ, отвѣчалъ король, я только желалъ бы, чтобы сказанное мною было занесено

въ протоколъ". Бредшоу ничего не отвѣтилъ, такъ какъ уже само собой подразумѣвалось, что всѣ отвѣты и объясненія подсудимаго были записаны дословно. Передъ произнесеніемъ приговора Бредшоу обратился къ королю съ длинною рѣчью, въ которой, восхваляя поведеніе Парламента, онъ перечислилъ всѣ преступленія короля, всѣ несчастія, всѣ ужасы, навлеченные на народъ междоусобной войной, и указалъ на то, что возстаніе, сопротивленіе ему, Карлу Стюарту, было для народа долгомъ, необходимостью въ виду его деспотизма, нарушенія имъ государственныхъ законовъ. Сначала король довольно спокойно слушалъ предсѣдателя, но когда рѣчь Бредшоу стала приближаться къ концу, смятеніе овладѣло королемъ.

Предсѣдатель приказалъ прочесть приговоръ. Карлъ Стюартъ былъ приговоренъ къ смертной казни черезъ отрубленіе головы. Карлъ, блѣдный, взволнованный, повидимому, до послѣдней минуты не ожидавшій подобной развязки, быстро заговорилъ, обратившись къ Бредшоу: — „Сэръ, хотите вы меня выслушать?" — „Сэръ, вы не можете быть выслушаны послѣ произнесенія приговора!" былъ отвѣтъ. — „Не могу, сэръ? прерывающимся голосомъ переспросилъ король. — „Нѣтъ, сэръ, съ вашего позволенія! сказалъ Бредшоу. Стражи, уведите арестанта!"... Тутъ ужъ король потерялъ окончательно всякое самообладаніе. Этотъ монархъ, заносчивый, высокомѣрный, гордый во дни могущества, такъ упорно боровшійся за свое самовластіе, не обнаружилъ на судѣ ни большого мужества, ни чувства собственнаго достоинства, и скороговоркой бормоталъ: — „Я могу говорить послѣ приговора... Съ вашего позволенія, сэръ, я имѣю право говорить и послѣ приговора... Съ вашего позволенія... Подождите!... Приговоръ, сэръ... Я говорю, сэръ, что"... Стражи должны были насильно удалить его изъ залы суда. Карла опять отправили въ Сентъ-Джемскій дворецъ. Казнь была назначена 30 января [1]).

---

[1]) Въ ту эпоху въ Англіи еще не былъ введенъ григоріанскій

Въ сопровожденіи стражи, съ барабаннымъ боемъ, Карлъ Стюартъ прошелъ паркомъ въ Уайтголлъ. Тамъ онъ оставался недолго, и черезъ отверстіе, пробитое наканунѣ въ стѣнѣ, онъ прямо перешелъ изъ банкетной залы дворца на эшафотъ, затянутый чернымъ сукномъ. Черезъ нѣсколько минутъ палачъ сдѣлалъ свое дѣло и, показавъ народу отрубленную голову, крикнулъ: „Вотъ голова измѣнника!"

6 февраля была уничтожена Палата Лордовъ.

7 февраля было опубликовано слѣдующее правительственное постановленіе: „Было доказано опытомъ, и Палата Общинъ объявляетъ, что королевская власть въ этой странѣ безполезна, убыточна и опасна для свободы, спокойствія и счастія народа; поэтому съ сего дня она уничтожается".

8 февраля трупъ Карла Стюарта былъ похороненъ въ Виндзорѣ, въ капеллѣ Св. Георгія, безъ религіозныхъ обрядовъ и безъ всякой помпы.

На большой государственной печати была вырѣзана надпись, составленная Генри Мартиномъ: „Первый годъ свободы, возстановленной съ благословенія Бога, 1648".

Такъ трагически закончилась въ Англіи борьба Карла I Стюарта за неограниченную монархическую власть.

V.

Прежде, чѣмъ говорить о борьбѣ съ народомъ Людовика XVI за неограниченную власть, мы должны сказать нѣсколько словъ о состояніи до-революціонной Франціи, для того, чтобы еще разъ подтвердить на фактахъ справедливость словъ, сказанныхъ Гёте Эккерману: „Въ великихъ ре-

календарь. 30 января 1648 г. соотвѣтствуетъ 9 февраля 1649 г. (по новому стилю).

волюціяхъ никогда не виновны народы, но всегда виновны правительства".

Въ до-революціонное время духовенство и дворяне владѣли $^{2}/_{3}$ всѣхъ земель Франціи и платили лишь самые незначительные налоги. Крестьянское населеніе и горожане владѣли $^{1}/_{3}$ земель, причемъ должны были уплачивать массу налоговъ, нести всевозможныя повинности и прокармливать своимъ трудомъ высшія сословія. Земли у крестьянъ было крайне недостаточно; нерѣдко попадались участки въ нѣсколько десятковъ квадр. саженъ.

Крестьяне жили въ жалкихъ лачугахъ, въ грязи, въ полунищетѣ и въ полномъ невѣжествѣ; лишь очень малый процентъ изъ нихъ умѣлъ читать и писать. Правительство и привилегированные классы были заинтересованы въ томъ, чтобы свѣтъ образованія не проникалъ въ народъ, чтобы народъ коснѣлъ и тупѣлъ въ невѣжествѣ и оставался бы на положеніи вьючнаго скота, дабы привилегированныя сословія могли удерживать за собой свои выгодныя позиціи. Крестьянинъ долженъ былъ уплачивать $^{1}/_{10}$ часть валового дохода со своего хозяйства духовенству и $^{1}/_{10}$—помѣщику; затѣмъ, онъ долженъ былъ платить поземельный налогъ, соляной налогъ, дорожныя пошлины, пошлины на товары. Изъ каждыхъ 100 франковъ, заработанныхъ крестьяниномъ, уплачивалось государству 53 фр. въ видѣ податей, 14 фр.—помѣщику и 14 фр.—духовенству. Изъ оставшихся 19 фр. приходилось еще выплачивать соляной налогъ, налогъ на потребленіе и др. Каждый французъ, старше 7 лѣтъ, былъ обязанъ покупать у государства ежегодно 7 фунт. соли,— и имущество бѣдняковъ часто подвергалось описи и продажѣ за неуплату этого ненавистнаго налога; ежегодно за неуплату соляного налога происходило до 4,000 описей имущества. Вообще же при взиманіи податей ежегодно около 3,500 чел. заключались въ тюрьму; инымъ изъ заключенныхъ грозили плети или каторга.

Значительная часть крестьянъ постоянно жила впроголо-

лодь и подъ страхомъ всевозможныхъ взысканій и штрафовъ. Если же крестьяне съ отчаянія начинали протестовать, волноваться, тогда правительство посылало солдатъ для усмиренія ихъ. Такъ, напр., въ 1775 г. (уже при Людовикѣ XVI), вслѣдствіе плохихъ урожаевъ, общаго вздорожанія предметовъ первой необходимости, толпы крестьянъ подошли къ королевскому дворцу въ Версали и просили помощи у короля. Въ Парижѣ также дѣло дошло до волненій. Людовикъ XVI далъ кое-какія обѣщанія. Крестьяне успокоились, удовольствовавшись обѣщаніями, но правительство тѣмъ не менѣе выслало противъ нихъ—противъ безоружныхъ, голодныхъ людей—вооруженную силу. Крестьяне были разогнаны и двое изъ нихъ повѣшены. Послѣ того съ просьбами къ государю рабочіе люди уже не обращались...

Въ ту эпоху правленіе во Франціи было неограниченное, деспотическое, и, какъ во всякой абсолютной монархіи, во Франціи не было гражданъ: а были подданные, для которыхъ, какъ для рабовъ, не существовало ни личной, ни имущественной неприкосновенности. Съ помощью приказовъ о заточеніи (Lettres de cachet) правительство могло безъ суда, по произволу, заключать въ тюрьму всякаго, кто ему былъ непріятенъ, а съ помощью непосильныхъ налоговъ и податей, назначаемыхъ по произволу (и расходуемыхъ безконтрольно), правительство могло распоряжаться имуществомъ народа. Въ судѣ проявлялся тотъ же произволъ, какой обнаруживался и во всей системѣ управленія: судъ дѣлалъ то, что приказывалъ ему министръ.

Правительство было лишь озабочено доставленіемъ средствъ для королевскаго двора, для королевскихъ родственниковъ и любимцевъ, охраной привилегій дворянъ и духовенства и подавленіемъ вооруженной силой малѣйшаго народнаго недовольства. Суммы, назначенныя для содержанія королевской семьи, были чрезвычайно велики для того времени—такъ же, какъ и суммы, получаемыя членами королевской фамиліи. Множество дармоѣдовъ, авантюристовъ, мошенни-

ковъ жили на средства двора, получали крупныя пенсіи изъ королевскихъ суммъ или изъ государственной кассы. Дворъ состоялъ приблизительно изъ 1,500 человѣкъ. Какова была расточительность, можно уже видѣть изъ того, что гувернантка королевскихъ дѣтей получала 150,000 фр. въ годъ; одинъ изъ государственныхъ секретарей при Людовикѣ XVI, оказавшійся недовольнымъ получаемымъ имъ жалованьемъ (180,000 фр.), добился еще прибавки въ 40,000 фр. Королевскіе дворцы и сады (въ Версали, Тріанонѣ) поражали своею роскошью.

И все это происходило въ то время, когда дефицитъ увеличивался, когда народъ все болѣе и болѣе нищалъ, когда толпы безработныхъ, нищихъ, бродягъ скитались по странѣ, и полиція была не въ состояніи справиться съ ними. Происходили многочисленныя казни: пытали, вѣшали, колесовали, рубили головы, жгли живьемъ. Ради устрашенія казни совершались самыми ужасными способами—и никого не устрашали. Преступность не уменьшалась. Тюрьмы и вообще всѣ мѣста заключенія были биткомъ набиты людьми всѣхъ возрастовъ и обоихъ половъ. Заключенныхъ чуть не морили голодомъ (выдавалось по 5 су на человѣка въ день) и обходились съ ними варварски, звѣрски жестоко.

Такова въ общихъ чертахъ картина Франціи въ концѣ XVIII вѣка, и эту картину всегда должно имѣть передъ глазами при сужденіи о революціи 1789 года для того, чтобы оставаться безпристрастнымъ, справедливымъ критикомъ и судьей, и помнить, что за этотъ-то „прекрасный“ режимъ боролись дворяне, высшее духовенство и король.

Людовикъ XVI былъ далеко непривлекателенъ ни наружностью, ни своими духовными качествами. На пріемахъ и во время торжественныхъ выходовъ онъ стѣснялся, былъ неловокъ и ненаходчивъ. Охота была его страстью, а благосостояніе, счастіе народа стояли для него на заднемъ планѣ.

Его трагическій конецъ заставляетъ многихъ смотрѣть на него снисходительно и приписывать ему такія хорошія качества, какими онъ вовсе не обладалъ. Въ дѣйствительности Людовикъ XVI не былъ такимъ добродушнымъ человѣкомъ, какимъ изображали его нѣкоторые романисты. Онъ былъ нерѣшителенъ, и по слабости характера, по отсутствію сильной воли легко подпадалъ подъ вліяніе окружающихъ, особенно своей жены. Марія Антуанета, подобно Генріэттѣ Маріи англійской, была злымъ геніемъ Людовика XVI. Женщина неглупая, красивая, высокомѣрная, подобно Генріэттѣ Маріи, склонная къ интригамъ, она являлась ярой противницей реформъ, уступокъ духу времени. Народъ прозвалъ ее „Madame Veto", и ненавидѣлъ народъ эту „австріячку", какъ своего злѣйшаго врага.

По вступленіи на престолъ Людовикъ предоставилъ управленіе государствомъ своимъ министрамъ, а самъ преимущественно интересовался лишь охотой на оленей, лисицъ, зайцевъ, барсуковъ и оставался вполнѣ доволенъ, если ему удавалось убить въ теченіе года до 10,000 штукъ дичи. Королева же требовала отъ министровъ постоянно „денегъ и денегъ" для своихъ нарядовъ, увеселеній и украшеній Тріанона. Министръ, ухитрявшійся добывать для двора побольше денегъ (какъ, напр., услужливый Калоннъ), былъ въ чести, въ большомъ почетѣ при дворѣ и въ высшихъ сферахъ, несмотря на то, что своими финансовыми фокусами, своими мошенническими продѣлками онъ могъ довести государство до банкротства, до катастрофы... Министры смѣнялись, система оставалась та же,—система произвола, насилія и выжиманія денегъ съ народа для непроизводительныхъ затратъ. Калоннъ угодилъ двору слишкомъ дорогой цѣной: государственный долгъ увеличился на 1,200 милльоновъ, дефицитъ возросъ до 30 милльоновъ; подати были собраны уже за нѣсколько лѣтъ впередъ; государственный кредитъ палъ.

Изъ министровъ того времени лишь одинъ Неккеръ по-

давалъ французскому обществу нѣкоторыя надежды... Неккеръ, человѣкъ не дворянскаго происхожденія, считавшійся при дворѣ выскочкой,—не былъ любимъ въ высшихъ сферахъ, но пріобрѣлъ популярность въ средѣ народа—особенно тѣмъ, что первый опубликовалъ отчетъ о финансовомъ управленіи. Тогда народъ впервые оффиціально узналъ, что высшія сословія (дворяне и духовенство) почти ничего не платятъ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ, а за все-про все расплачивается рабочій классъ; народъ узналъ также и о томъ, сколько тратитъ дворъ, сколько денегъ идетъ на подарки, на подачки, на пенсіи, на ренты королевскимъ фаворитамъ и фавориткамъ, и сколько накопилось государственнаго долга вслѣдствіе такого плохого управленія. До той поры всѣ эти цифры держались въ строжайшемъ секретѣ, хранились за семью печатями въ министерскихъ канцеляріяхъ. Теперь народъ узналъ: кѣмъ и на удовлетвореніе какихъ „государственныхъ нуждъ“ расхищаются его трудовыя деньги. Тайна государственной механики вскрылась...

Дворъ продолжалъ требовать денегъ, денегъ не оказывалось. Въ виду такой крайности явилась мысль (впрочемъ, уже не первый разъ являлась она) обложить налогомъ имѣнія дворянъ и духовенства. Для рѣшенія этого вопроса правительство созвало нотаблей—представителей дворянства и духовенства. Такое выступленіе правительства могло быть либо результатомъ наивности, либо лицемѣріемъ, ибо во Франціи ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не ожидалъ, чтобы представители высшихъ сословій отказались отъ своихъ привилегій и согласились сами, добровольно, на обложеніе налогомъ своихъ имѣній,—люди, которые только и помышляли о томъ, какъ бы или непосредственно поэксплоатировать народъ или урвать изъ государственной кассы болѣе или менѣе значительный кушъ, т.-е. тѣ же народныя деньги. Изъ собранія нотаблей, какъ и слѣдовало ожидать, ничего путнаго не вышло... А народъ, между тѣмъ, недоволь-

ный, озлобленный, ожесточенный, бродилъ какъ впотьмахъ, ясно сознавая лишь одно, а именно, что враги его—дворяне и высшее духовенство, поддерживаемое правительствомъ.

Наконецъ, безденежье, какъ мертвой петлей, захлестнуло правительство Людовика XVI, и по настоянію Неккера былъ рѣшенъ созывъ Генеральныхъ Штатовъ, т.-е. представителей народа, не созывавшихся съ 1615 г., въ теченіе 174 лѣтъ [1]). Открытіе Генеральныхъ Штатовъ было назначено на 27 апрѣля 1789 г., но потомъ отсрочено до 5 мая.

Король продолжалъ охотиться. Марія Антуанета и высшіе сферы негодовали на созывъ Генеральныхъ Штатовъ.

Генеральные Штаты были лично открыты королемъ въ Версали, въ Hôtel des Menus, 5 мая 1789 г.

Собраніе составилось изъ 270 депутатовъ отъ дворянства, 291—отъ духовенства; въ числѣ же депутатовъ отъ третьяго сословія были: 2 духовныхъ лица, 12 дворянъ, 18 членовъ городскихъ совѣтовъ, 100 гражданскихъ чиновниковъ, 212 адвокатовъ, 16 врачей и 216 купцовъ и представителей сельскаго населенія (всего же—576 чел.). Депутаты получили отъ своихъ избирателей наказы, заключавшіе ихъ жалобы и пожеланія. Прежде всего народъ требовалъ, чтобы была обезпечена личная и имущественная неприкосновенность, и чтобы всякій государственный заемъ и налогъ разрѣшались лишь съ согласія народныхъ представителей.

При открытіи собранія правительство всячески постаралось выказать свое пренебреженіе къ депутатамъ третьяго сословія, т.-е. къ дѣйствительнымъ представителямъ народа, ибо депутаты двухъ высшихъ сословій являлись представителями лишь сословныхъ интересовъ, а не интересовъ всего фран-

---

[1]) См. нашу брошюру: „Два эпизода изъ исторіи Франціи. Генеральные Штаты 1484 и 1614 г.“ Спб. 1908.

цузскаго народа. Депутатовъ третьяго сословія пустили въ залъ засѣданія черезъ боковыя двери, а депутаты дворянъ и духовенства прошли параднымъ ходомъ; сидѣнья для депутатовъ третьяго сословія были сдѣланы ниже, чѣмъ для представителей духовенства и дворянъ.

Въ тронной рѣчи король прежде всего напомнилъ, что онъ повелѣваетъ народомъ, затѣмъ говорилъ о финансовыхъ затрудненіяхъ, о бережливости на будущее время и въ заключеніе заявилъ, что онъ сохранитъ неприкосновенными свою власть и монархическій принципъ, что онъ желаетъ блага своихъ подданныхъ, но что подданные могутъ ожидать этого блага лишь отъ его добраго расположенія... Въ особенности же Людовикъ XVI въ своей рѣчи подчеркивалъ слова о незыблемости своей верховной власти... Рѣчь Барантена, хранителя печати, носила еще болѣе вызывающій характеръ. Барантенъ съ нахальствомъ распространялся о напрасныхъ стремленіяхъ къ реформамъ, о неосновательныхъ жалобахъ народа, о „пагубныхъ, легкомысленныхъ мечтаніяхъ“ — и опять о незыблемости правъ монарха... Абсолютизмъ уже чувствовалъ, что почва подъ нимъ колеблется, и старался ободрить себя и заглушить свои опасенія шумомъ громкихъ фразъ. Такъ, не особенно храбрый человѣкъ, очутившись ночью въ лѣсу или на большой дорогѣ, пріободряетъ себя громкимъ пѣніемъ.

Каждое изъ трехъ сословій должно было засѣдать въ отдѣльномъ помѣщеніи. Третьему сословію былъ отведенъ обширный залъ общихъ засѣданій. Представители третьяго сословія пригласили депутатовъ отъ дворянъ и духовенства въ свой залъ для провѣрки сообща выборовъ, но тѣ отказались, не желая засѣдать со всякимъ „сбродомъ“ (лишь часть приходскихъ священниковъ тогда же примкнула къ депутатамъ третьяго сословія). Въ теченіе шести недѣль шли пререкания и ни къ чему не приводили.

Наконецъ, 17 іюня 1789 г. представителями третьяго сословія было постановлено—большинствомъ 491 голоса про-

тивъ 90, что депутаты, собравшіеся въ общей залѣ засѣданій, признаютъ себя представителями всего французскаго народа и провозглашаютъ себя Національнымъ Собраніемъ. И тотчасъ же было постановлено, что лишь Національное Собраніе имѣетъ право утверждать налоги, что хотя существующіе налоги и незаконны въ принципѣ, но могутъ оставаться въ силѣ до тѣхъ поръ, пока Національное Собраніе не распущено, а также, что государственный долгъ находится „подъ охраной чести и лойальности французскаго народа", пока Національному Собранію не будутъ препятствовать работать надъ организаціей новаго государственнаго строя.

Дворяне и духовенство побуждали короля дать энергичный отпоръ притязаніямъ депутатовъ третьяго сословія, и король, конечно, оказался всецѣло на ихъ сторонѣ. Королю совѣтовали объявить незаконными рѣшенія Національнаго Собранія, „пообѣщать" нѣкоторыя реформы и пригрозить роспускомъ Собранія. Парижскій архіепископъ даже палъ къ ногамъ короля и умолялъ его спасти государство и религію (т.-е., другими словами, спасти господствующее, привилегированное положеніе духовенства и дворянства). Противъ такихъ настояній и моленій Людовикъ XVI не могъ долѣе медлить и вмѣшался въ дѣло. Самимъ Людовикомъ XVI, рѣшившимся въ угоду сословнымъ интересамъ открыто выступить противъ желаній и требованій народа, былъ данъ сигналъ къ революціи...

Такъ какъ декларація короля по адресу Національнаго Собранія не была еще готова, то при дворѣ и было рѣшено прервать засѣданія Собранія для того, чтобы оно не могло сдѣлать еще нѣсколько постановленій, затрогивающихъ права короны и привилегированныхъ сословій. 20 іюня депутаты нашли двери дворца des Menus запертыми и охраняемыми солдатами. Предлогомъ для отсрочки засѣданій была указана необходимость „приведенія въ порядокъ залы засѣданій". Съ этого дня началась ребяческая игра правительства съ огнемъ... Тогда депутаты собрались—на что имѣли

полное право—въ другомъ помѣщеніи, въ манежѣ для игры въ мячъ (la salle du jeu de paume) и заявили, что ничто не можетъ помѣшать Національному Собранію продолжать свою работу и дали торжественную клятву „не расходиться и собираться повсюду, гдѣ позволятъ обстоятельства, пока не будетъ выработана и утверждена на прочныхъ основаніяхъ конституція королевства". Такимъ образомъ, дѣтская уловка правительства не только потерпѣла фіаско, но она еще ускорила поступательный ходъ освободительнаго движенія.

На слѣдующій день, 21 іюня, Національное Собраніе засѣдало въ церкви Св. Людовика, и здѣсь присоединилось къ нему 149 депутатовъ отъ духовенства. Король той порой согласился было на предложеніе Неккера успокоить народныхъ представителей обѣщаніемъ нѣкоторыхъ реформъ, какъ, напр., уменьшеніе налоговъ, уничтоженіе „Lettre de cachet", свобода печати и т. п. И это былъ бы неглупый шагъ, хотя, конечно, и не особенно полезный для королевской власти при сложившихся условіяхъ. Но королева убѣдила Людовика не дѣлать, рѣшительно, никакихъ уступокъ народу и взять назадъ почти всѣ обѣщанныя реформы.

„Ремонтъ" помѣщенія, на который ссылалось правительство скоро былъ оконченъ, и король 23 іюня опять съ помпой явился въ залу засѣданій, гдѣ собрались депутаты всѣхъ трехъ сословій. Депутатовъ третьяго сословія заставили долго стоять на дворѣ, подъ дождемъ, и только послѣ настойчиваго стука впустили ихъ опять черезъ боковую дверь. Людовикъ XVI на этотъ разъ, подъ вліяніемъ жены и своей придворной камарильи, говорилъ въ очень раздраженномъ тонѣ. Онъ объявилъ неимѣющими законной силы постановленія третьяго сословія, „такъ называемаго Національнаго Собранія", опять увѣрялъ, что только онъ одинъ заботится о благѣ народа, что онъ дастъ конституцію, обложитъ налогомъ имѣнія дворянъ и духовенства, если тѣ согласятся, что онъ „въ надлежащихъ размѣрахъ обезпечитъ свободу личности" и съ высокомѣрнымъ видомъ закончилъ свою рѣчь, вызывающимъ

тономъ сказавъ народнымъ представителямъ: „Я приказываю вамъ, милостивые государи, тотчасъ же разойтись, и пусть каждый явится завтра въ залъ, предназначенный для его сословія!..“ Людовикъ XVI, вступая въ борьбу съ народнымъ представительствомъ, былъ не менѣе Карла Стюарта рѣзокъ и заносчивъ.

По удаленіи короля Мирабо заявилъ, что Національному Собранію нечего сказать королю, что всегда надо опасаться подачекъ деспотизма—и напомнилъ Собранію клятву, данную въ манежѣ. Въ эту минуту въ залъ засѣданій вошелъ оберцеремоній-мейстеръ Дре-Брезэ и спросилъ предсѣдателя: слышалъ ли онъ приказъ короля. Тотъ отвѣтилъ, что онъ слышалъ, но что надо еще обсудить этотъ приказъ. Тогда Мирабо напомнилъ Дре-Брезэ, что онъ не имѣетъ ни права говорить и никакихъ другихъ правъ въ настоящемъ собраніи и своимъ громовымъ голосомъ заявилъ ему: „Мы собрались здѣсь по волѣ народа и насъ можно прогнать отсюда только силою штыковъ. Передайте это вашему господину!“

Въ виду того, что вблизи дворца показались отряды солдатъ, Собраніе вотировало неприкосновенность членовъ Національнаго Собранія: всякій, нарушившій это постановленіе „объявлялся лишеннымъ чести, измѣнникомъ народу и государственнымъ преступникомъ“. Когда во дворцѣ стали извѣстны слова Мирабо, король совсѣмъ растерялся, встрѣтивъ такой рѣшительный отпоръ, и сказалъ: „Ну, что жъ, если господа представители третьяго сословія не желаютъ уходить изъ зала, то пусть остаются!“ И они остались, и Собраніе превратилось въ Учредительное (причемъ къ третьему сословію примкнули 47 депутатовъ отъ дворянства и принцъ Орлеанскій)... Чѣмъ уступки духу времени и потребностямъ народа болѣе запаздываютъ, тѣмъ быстрѣе абсолютизмъ приближается къ паденію; уступки же, сдѣланныя своевременно, могутъ затянуть дѣло освобожденія народа на весьма продолжительный періодъ времени. Но придворные

Маккіавелли этой истины не въ состояніи уразумѣть,—и они гибнутъ, увлекая за собой и монархію.

При дворѣ сталъ составляться заговоръ: было рѣшено удалить Собраніе изъ Версали, чтобы лишить его поддержки парижскаго населенія, съ помощью угрозы военной силы заставить его принять правительственный финансовый законопроектъ и затѣмъ разогнать его. И правительство начало стягивать къ Парижу и Версали войска, бо̀льшею частью состоявшія изъ иностранцевъ: на французскія войска не рѣшались положиться. 30,000 чел. уже стояли близъ столицы; 20,000 подходили къ Парижу. Національнымъ Собраніемъ была послана къ королю депутація съ требованіемъ—отозвать войска обратно. Король отклонилъ это требованіе и заявилъ, что войска собраны „для защиты Генеральныхъ Штатовъ". Для защиты отъ кого? оставалось неизвѣстно. Враги Національнаго Собранія (и народа) находились лишь при дворѣ и, главнымъ образомъ въ аппартаментахъ Маріи Антуанеты.

Парижъ заволновался. Въ садахъ Пале-Рояля 11 іюля Камиллъ Демуленъ крикнулъ: „Намъ остается лишь одно спасеніе,—взяться за оружіе!.." Принцъ Ламбескъ со своими драгунами въ тѣ дни прославился своимъ мужественнымъ нападеніемъ на безоружную толпу, причемъ многіе были зарублены или задавлены лошадьми. Начались уличныя схватки съ войсками. Французская гвардія оказалась на сторонѣ народа.

13 іюля раздался набатъ, бывшій какъ бы сигналомъ для начала революціи и похороннымъ звономъ по абсолютизмѣ. Народъ сталъ вооружаться. Національное Собраніе объявило свои засѣданія непрерывными, снова потребовало удаленія войскъ и постановило, что правительство отвѣтственно за все, что̀ произошло и что̀ еще произойдетъ.

14 іюля была взята Бастилія, та ненавистная народу государственная тюрьма, гдѣ томились люди, чѣмъ-либо непріятные, неугодные кому-нибудь изъ членовъ королевской

фамиліи или кому-нибудь изъ высокопоставленныхъ лицъ. Торжествующій народъ, разрушивъ крѣпость деспотизма, напоминавшую о рабствѣ и издѣвательствахъ надъ народомъ, сталъ готовиться къ сопротивленію войскамъ, стянутымъ на Марсовомъ полѣ, но Безанваль, командовавшій ими, не рѣшался двинуться на гвардейцевъ и на возставшій народъ.

Герцогъ де-Ліанкуръ сообщилъ королю о парижскихъ событіяхъ,—о взятіи Бастиліи, о неувѣренности въ войскахъ.—„Да вѣдь это—настоящій бунтъ!" воскликнулъ Людовикъ XVI.—„Нѣтъ, государь, это—революція!" возразилъ де-Ліанкуръ.

Король, уже дважды отказывавшій Національному Собранію въ отозваніи войскъ, послѣ сообщеній герцога де-Ліанкура, приказалъ войскамъ немедленно отступить.

Рано утромъ 15 іюля узнали, что король отправляется въ Собраніе, на этотъ разъ уже безъ всякой помпы, въ сопровожденіи лишь двухъ своихъ братьевъ. При этомъ извѣстіи нѣкоторые депутаты пришли было въ восторгъ, но Мирабо охладилъ ихъ монархическій пылъ, напомнивъ о крови, пролитой въ Парижѣ, о подвигахъ принца Ламбеска, совѣтовалъ быть сдержанными и воскликнулъ: „Молчаніе народовъ—урокъ для королей!" И на Людовика XVI, повидимому, произвело сильное впечатлѣніе то гробовое молчаніе, какимъ встрѣтили его народные представители. Теперь король уже обратился къ депутатамъ, какъ къ Національному Собранію (безъ ковычекъ), заявилъ, что онъ—заодно съ народомъ и въ заключеніе взволнованнымъ голосомъ сказалъ: „Итакъ, представители моего народа, я ввѣряю себя вамъ!"... Какъ было далеко это смиреніе отъ высокомѣрныхъ рѣчей 23 іюня, хотя послѣ того прошло лишь три недѣли!.. Если бы Людовикъ искренно, безповоротно „ввѣрилъ себя" народнымъ представителямъ, то можно думать, что Франція избѣжала бы тѣхъ эксцессовъ, тѣхъ ужасовъ, какіе омрачили ея Великую Революцію. Монархія, вѣроятно, пала бы, но не было бы такихъ потоковъ крови, какими обагрило

Францію упорство правительства и привилегированныхъ классовъ... Но дѣло въ томъ, что Людовикъ, какъ увидитъ читатель, подобно Карлу Стюарту, былъ фальшивъ, неискрененъ въ своихъ отношеніяхъ къ народнымъ представителямъ.

Мы не будемъ слѣдить далѣе шагъ за шагомъ за развитіемъ революціи 1789 г., за всѣми ея трагическими перипетіями, но—согласно преслѣдуемой нами цѣли—мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ, наиболѣе краснорѣчивыхъ, моментахъ борьбы Людовика XVI съ народомъ за его верховную, неограниченную власть.

Въ первую годовщину взятія и разгрома Бастиліи, 14 іюля 1790 г., въ Парижѣ, на Марсовомъ полѣ происходило народное празднество, въ которомъ и дворъ принималъ участіе. Людовикъ XVI торжественно, въ присутствіи сотенъ тысячъ народа поклялся „твердо и вѣрно соблюдать конституцію“, а королева, сама „Madame Veto“, поднявъ сына на руки, воскликнула: „Это—мой сынъ! И онъ и я—мы раздѣляемъ настроеніе народа!“

Народы довѣрчивы,—и въ этомъ часто ихъ несчастіе... Парижскій народъ совершенно серьезно отнесся къ торжеству 14 іюля и къ присягѣ короля на вѣрность конституціи. Народъ еще вѣрилъ королю и слова его принималъ за чистую монету. Но дворъ и высшія сферы иначе смотрѣли на данную присягу и на оскорбительное для нихъ народное празднество.

Въ деспотическихъ монархіяхъ во время революцій приверженцы стараго порядка, матеріально заинтересованные въ поддержаніи его, долго не могутъ примириться съ мыслью о томъ, что руководящимъ факторомъ въ государствѣ является народъ и изъ ихъ рукъ ускользаетъ возможность безконтрольно, по своему произволу пользоваться народными средствами. Не пренебрегая ничѣмъ для сверженія верховной власти народа, представители стараго режима иногда, вслѣд-

ствіе благопріятно сложившихся для нихъ обстоятельствъ, добиваются временнаго успѣха, вызываютъ контръ-революцію, зажигаютъ гражданскую войну, тайно вызываютъ вмѣшательство иностранныхъ державъ, пускаютъ въ ходъ всевозможныя репрессіи, подкупы, вооружаютъ одну часть народа противъ другой, однимъ словомъ, заводятъ смуту, но достигаютъ какъ разъ обратныхъ результатовъ. Являясь непримиримыми врагами конституціоннаго режима, врагами даже малѣйшаго ограниченія королевскихъ прерогативъ и своихъ привилегій, являясь ярыми защитниками произвола и насилія, они окончательно губятъ монархію... Тому примѣръ Франція.

Вскорѣ же послѣ празднества на Марсовомъ полѣ приближенные короля вполнѣ завладѣли слабымъ, неумнымъ Людовикомъ XVI и сообща съ нимъ и съ королевой начали составлять заговоры для возстановленія абсолютизма, причемъ задумали обратиться за помощью къ иностраннымъ государямъ. И этимъ „патріотамъ", стакнувшимся съ иностранными правительствами, дѣйствительно, удалось накликать на Францію непріятельское нашествіе, которое, впрочемъ, не имъ послужило на пользу.

Людовикъ XVI черезъ эмигрантовъ, собравшихся въ Кобленцѣ подъ начальствомъ его брата, графа Артуа, тайно вступилъ въ сношенія съ Австріей, добиваясь иностраннаго нашествія, т.-е. совершалъ государственное преступленіе. 20 мая 1791 г. австрійское правительство обѣщало эмигрантамъ, что Франціи будетъ объявлена война и самодержавіе Бурбоновъ будетъ возстановлено силою оружія. Но Людовикъ, не дожидаясь иностраннаго вмѣшательства, задумалъ бѣжать въ Монмеди (на бельгійской границѣ), гдѣ стоялъ съ войскомъ такой же, какъ онъ, измѣнникъ отечеству, преданный ему генералъ Булье. Этотъ бравый генералъ обѣщалъ встрѣтить его и возвратить въ Парижъ неограниченнымъ монархомъ. Бѣгство королевскаго семейства подготовлялось весьма тщательно, съ величайшими предосторожностями.

Народъ былъ обманутъ ловко разыграннымъ фарсомъ... Дворъ дѣлалъ видъ, что онъ уже примирился съ новымъ, конституціоннымъ строемъ. Лица, особенно непопулярныя въ народѣ, были удалены отъ двора; открыто дѣлалась уступка общественному мнѣнію. Даже пошли еще далѣе, чтобы основательнѣе обморочить публику. Министръ иностранныхъ дѣлъ обратился къ французскимъ посланникамъ за границей съ широковѣщательнымъ циркуляромъ.

„То, что называютъ революціей,—говорилось въ циркулярѣ,—является просто отмѣной ряда злоупотребленій, накопившихся вѣками, благодаря невѣжеству народа и власти министровъ, которая никогда не была властью короля. Опаснѣйшими изъ внутреннихъ враговъ являются тѣ, которые дѣлаютъ видъ, что сомнѣваются въ настроеніи короля. Эти люди или заслуживаютъ строжайшаго наказанія, или же они ослѣплены. Они считаютъ себя друзьями короля, а между тѣмъ являются единственными врагами королевской власти. Они постоянно повторяютъ, что король несчастенъ, недоволенъ,—какъ будто для короля возможно иное довольство, кромѣ благоденствія его народа. Они говорятъ, что его достоинству нанесенъ ущербъ, какъ будто достоинство, основанное на силѣ, выше достоинства, покоющагося на законахъ. Они говорятъ, что король несвободенъ. Отвратительная клевета, если подъ этимъ подразумѣваютъ, что его волѣ причинено насиліе; нелѣпая клевета, если видятъ недостатокъ свободы въ томъ, что его величество не разъ высказывалъ свою волю жить среди гражданъ Парижа, волю, которою его величество обязано любви къ отечеству, можетъ быть, также опасеніямъ за него, но во всякомъ случаѣ—любви своего народа. Распространяйте, слѣдовательно, о французской конституціи тѣ взгляды, которые раздѣляетъ самъ король, и не оставляйте никакого сомнѣнія въ томъ, что намѣреніе его величества заключается въ поддержаніи конституціи всѣми силами“.

Мы привели этотъ циркуляръ, какъ весьма важный доку-

ментъ, написанный по внушенію или, вѣрнѣе, подъ диктовку двора и доказывающій всю фальшь и двуличіе его авторовъ. При этомъ должно замѣтить: такъ какъ только приверженцы короля представляли Людовика XVI несчастнымъ, униженнымъ, представляли его плѣнникомъ, то циркуляръ Монморена, слѣдовательно, эмигрантовъ и роялистовъ вообще называлъ „единственными врагами королевской власти“ и „отвратительными клеветниками“...

Затѣмъ было опубликовано письмо самого короля къ одному изъ самыхъ видныхъ эмигрантовъ—къ принцу Кондэ—такого содержанія: „Возвращайтесь, мой кузенъ, назадъ въ отечество и воспользуйтесь въ немъ всѣмъ тѣмъ счастіемъ, которое оно вамъ предлагаетъ. Возвращайтесь, потому что, вмѣсто враговъ, вы найдете братьевъ. Я приказываю вамъ это именемъ народа и моимъ собственнымъ именемъ. Я заклинаю васъ узами, соединяющими насъ, кровью, текущею въ нашихъ жилахъ. Повинуйтесь, или же бойтесь печальныхъ послѣдствій неосторожнаго, ложнаго шага“!

Все было сдѣлано для того, чтобы усыпить подозрительность народа и заставить всѣхъ вѣрить тому, что король искренно примирился съ новымъ строемъ, съ ограниченіемъ своей власти. Люди, непріятные народу, удаляются отъ двора. Роялистовъ правительство обзываетъ клеветниками, врагами короля. Самъ король, наконецъ, требуетъ, чтобы эмигранты возвращались во Францію... Все это было лишь одной комедіей. Около того же времени, когда составлялся циркуляръ Монморена и сочинялось письмо къ принцу Кондэ, т.-е. незадолго до бѣгства изъ Парижа, Людовикъ XVI далъ знать австрійскому двору, что втайнѣ онъ не признаетъ ни своихъ рѣшеній, ни рѣшеній своихъ министровъ.

20 іюня 1791 г.—черезъ четыре дня послѣ того, какъ было опубликовано письмо къ принцу Кондэ,—король, загримировавшись камердинеромъ, ночью, со всей семьей бѣжалъ изъ Парижа. Онъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ, такъ надѣялся на своего генерала Буле, что, уходя изъ Тюльери,

оставилъ тамъ манифестъ, въ которомъ онъ сбрасывалъ съ себя маску и являлся въ своемъ настоящемъ видѣ. Въ этомъ манифестѣ Людовикъ XVI объявлялъ себя противникомъ всѣхъ реформъ, совершонныхъ съ 1789 г., жестоко нападалъ на Національное Собраніе, на конституцію, на парижскій народъ. Онъ обвинялъ народныхъ представителей въ томъ, что они принудили его утвердить постановленія, ему ненавистныя; между прочимъ, онъ указывалъ и на то, что ему недостаточно 25 мил. фр., ассигнованныхъ ему и т. д.

Людовикъ XVI поторопился, и торопливость его въ этомъ случаѣ оказалась роковою для него и для королевы. Онъ успѣлъ бы издать этотъ манифестъ, очутившись въ арміи Булье (если бы на то была воля судьбы). Въ манифестѣ явно обнаружилось вѣроломство короля: Людовикъ нарушалъ свое королевское слово, измѣнялъ присягѣ, доказывалъ воочію, что его желаніе „всѣми силами поддерживать конституцію" было лишь маской, чтобы обмануть народъ. Изъ этого же факта можно видѣть, что Людовикъ XVI вовсе не былъ такимъ добрякомъ, существомъ, такимъ безвреднымъ, какимъ старались до сего времени представить его нѣкоторые историки.

Абсолютный монархъ, „въ минуту жизни трудную", сдѣлавъ уступки народу, впослѣдствіи иногда желаетъ во что бы то ни стало взять ихъ обратно, т.-е. возвратить себѣ неограниченную власть и ради того онъ идетъ на всевозможныя низости, начиная съ клятвопреступленія и кончая измѣной отечеству, какъ мы видимъ на примѣрѣ Людовика XVI.

Бѣгство не удалось. Людовикъ выѣхалъ изъ Парижа двумя днями позже срока, назначеннаго Булье; кромѣ того, у кареты сломалось колесо, пришлось починивать. Много времени было упущено. Кавалерійскіе отряды, высланные генераломъ Булье на встрѣчу королю, прождавъ напрасно два дня, стали отступать по направленію къ лагерю. Въ гор. Вареннѣ король былъ узнанъ, задержанъ и съ позоромъ, какъ арестантъ, подъ конвоемъ доставленъ въ Парижъ.

Генералъ Буйе въ своемъ высокопарномъ посланіи къ Національному Собранію угрожалъ разрушеніемъ Парижа. Эмигранты вооружались; арміи ихъ стояли въ Кобленцѣ, Вормсѣ, Эттенгеймѣ. Эмигранты усиленно интриговали при всѣхъ нѣмецкихъ дворахъ, стараясь навлечь на отечество непріятельское нашествіе. Наконецъ, въ Пильницѣ (близъ Дрездена) съѣхались австрійскій императоръ Леопольдъ II и король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ II, и 27 авг. 1791 г. издали декларацію, въ которой говорилось, что всѣ европейскіе государи должны соединиться, чтобы дать Франціи соотвѣтствующее правительство (т.-е. подразумѣвалось возстановленіе неограниченной власти Бурбоновъ). Декларація была обнародована съ тайнаго согласія Людовика XVI.

Это вмѣшательство европейскихъ государей во внутреннія дѣла Франціи и вызвало тѣ ужасные кризисы и катастрофы, за которые такъ долго и такъ несправедливо обвиняли французскій народъ, вынужденный къ самозащитѣ. Это же вмѣшательство дало случай „артиллерійскому поручику“ сдѣлаться властелиномъ Европы и было причиной того, что почти въ теченіе четверти вѣка Европа сдѣлалась полемъ бозпрерывныхъ битвъ и заливалась кровью, а паденіе честолюбиваго, геніальнаго полководца дало сигналъ къ жестокой реакціи на долгіе годы...

14 сентября, черезъ двѣ недѣли послѣ обнародованія пильницкой декларації, Людовикъ, какъ ни въ чемъ не бывало, явился въ Національное Собраніе и вторично присягнулъ конституціи (для того, чтобы опять измѣнить ей). Впрочемъ, послѣ знаменитаго манифеста, оставленнаго имъ въ Тюльери передъ бѣгствомъ къ Буйе, только самые довѣрчивые или совсѣмъ глупые люди могли придавать серьезное значеніе королевской присягѣ... 30 сент. Національное Собраніе разошлось, а 30 окт. 1791 г. уже организовалось Законодательное Собраніе.

Эмигранты, между тѣмъ, начинали вести себя крайне вызывающе, особенно во владѣніяхъ курфюрстовъ Майнц-

скаго и Трирскаго (почти на французской границѣ). Послѣ рѣчи Иснара Собраніе рѣшило потребовать обезоруженія эмигрантовъ.—„Скажите, Европѣ,—говорилъ Иснаръ,—что вы уважаете государственныя учрежденія всѣхъ державъ, но что если начнется война королей противъ Франціи, вы зажжете войну народовъ противъ королей!“ Людовикъ съ радостью утвердилъ этотъ декретъ, такъ какъ онъ и Марія Антуанета страстно желали войны, желали и ожидали пораженія французовъ и вступленія въ Парижъ союзныхъ войскъ.

На эмигрантовъ и на своихъ роялистовъ, остававшихся во Франціи, король мало возлагалъ надеждъ: тутъ и тамъ было много шуму, а толку мало. Получалась такая картина: король, дважды присягавшій конституціи, ждалъ отъ иностранныхъ армій возстановленія своей неограниченной власти, т.-е. уничтоженія конституціи. Король даже посылалъ Малле-дю Панъ съ тайнымъ порученіемъ къ австрійскому и прусскому дворамъ—побудить ихъ къ немедленной войнѣ съ Франціей... Такимъ образомъ, французскій дворъ, съ королемъ и королевой во главѣ, дворяне, духовенство, непринесшее присяги конституціи, эмигранты, иностранныя правительства составили обширный заговоръ противъ французскаго народа,—и всѣ они зато впослѣдствіи жестоко поплатились: à la guerre comme à la guerre... Въ силу самозащиты французскій народъ былъ вынужденъ выступить на борьбу со своими внутренними врагами, гнѣздившимися при дворѣ, и съ врагами внѣшними—и онъ съ безпримѣрнымъ мужествомъ боролся съ половиной Европы за свою независимость и свободу—и поборолъ своихъ враговъ.

27 февраля 1792 г. Австрія и Пруссія заключили формальный союзъ и обязались выставить около 250,000 войска для того, чтобы возвратить Людовику XVI неограниченную монархическую власть. Нѣмцы, довѣряя хвастливымъ рѣчамъ эмигрантовъ—этихъ „рыцарей печальнаго образа“—уже поговаривали о „большой военной прогулкѣ въ Па-

рижъ“... Война началась, и, дѣйствительно, во французскихъ войскахъ на первыхъ же порахъ оказалась измѣна. Офицеры-роялисты дѣлали свое дѣло,—предавали отечество непріятелю и свое предательство не считали безчестьемъ. Въ высшихъ парижскихъ сферахъ былъ составленъ планъ—съ помощью офицеровъ-измѣнниковъ впустить австрійцевъ во Францію. Инициаторами этого „патріотическаго“ плана были Марія Антуанета и бывшіе министры, Бертранъ-де-Мольвиль и Монморенъ. Въ первыхъ сраженіяхъ съ непріятелемъ (при Кверверѣ и Турнэ) обнаружилась измѣна. Французы были разбиты и разсѣяны.

Но народъ не унывалъ. Изъ провинцій онъ сталъ стекаться въ Парижъ на защиту отечества. Съ лихорадочной поспѣшностью старъ и младъ записывались въ солдаты. Въ это время Руже-де-Лиль написалъ свою знаменитую „Марсельезу“, единственную въ своемъ родѣ пѣсню, обошедшую весь міръ. Страшныя опасности угрожали Франціи со всѣхъ сторонъ: со стороны наступавшихъ нѣмецкихъ армій, а еще болѣе—со стороны внутреннихъ враговъ—въ арміи и при дворѣ, интриговавшихъ, измѣнявшихъ отечеству, заводившихъ смуту. Для спасенія Франціи въ эти критическія минуты, кромѣ геройства и самоотверженія, требовались несокрушимая энергія, рѣшимость и быстрота дѣйствій.

Въ Законодательномъ Собраніи Верньо и Бриссо выступили противъ двора, и „дѣйствіе ихъ рѣчей было равносильно пушечному залпу, направленному противъ дворца“.

Верньо упрекалъ короля за то, что онъ игралъ присягой и забавлялъ ихъ, какъ дѣтей, что онъ притворялся, будто уважаетъ законы, а самъ, между тѣмъ, желалъ удержать за собой власть лишь для того, чтобы нарушать законы, что онъ дѣлалъ видъ, будто поддерживаетъ конституцію, а самъ въ то же время о томъ лишь и думалъ, какъ бы уничтожить ее.—„Вамъ говорятъ: бойтесь королей Венгріи и Пруссіи! воскликнулъ Бриссо. А я говорю вамъ: главная сила : ихъ враговъ—при дворѣ, и тамъ ихъ слѣ-

дуетъ побѣдить прежде всего... Вамъ говорятъ: преслѣдуйте интригановъ, всѣхъ заговорщиковъ, всѣхъ мятежниковъ, а я говорю вамъ: они исчезнутъ сами собой, если вы начнете съ тюльерійскаго кабинета, потому что этотъ кабинетъ есть тотъ центральный пунктъ, гдѣ сходятся нити, изъ которыхъ сплетаются всѣ эти интриги. Народъ—игрушка въ рукахъ этого кабинета. Въ этомъ—тайна нашего положенія, въ этомъ—источникъ несчастія, это есть наше главное больное мѣсто!"...

Собраніе постановило объявить отечество въ опасности.

---

14 іюля 1792 г., въ день празднованія годовщины разгрома Бастиліи, король опять явился на Марсово поле и снова принесъ одну изъ своихъ присягъ на вѣрность конституціи, но былъ холодно встрѣченъ публикой. Государю уже не довѣряли... Разъ утраченное довѣріе не возвращается никогда.

Передъ вступленіемъ во Францію прусской арміи, ея главнокомандующій, герцогъ Карлъ Брауншвейгскій получилъ секретно проектъ манифеста, который союзные государи должны были обнародовать отъ своего имени. Этотъ манифестъ, редижированный графомъ Артуа и Карломъ Брауншвейгскимъ, былъ полонъ угрозъ и оскорбленій по адресу французскаго народа. Людовикъ разсчитывалъ этимъ манифестомъ напугать французовъ, а между тѣмъ самый злѣйшій врагъ французскаго двора не могъ бы придумать худшаго шага... 25 іюля манифестъ былъ опубликованъ. Отъ имени императора австрійскаго и короля прусскаго въ немъ объявлялось между прочимъ, что „если будетъ произведено нападеніе на Тюльерійскій дворецъ, или же ихъ величествамъ, королю и королевѣ Франціи, будетъ причинено малѣйшее оскорбленіе, или же не будутъ приняты немедленно мѣры къ ихъ освобожденію и безопасности, то они завѣряютъ своимъ императорскимъ и королевскимъ словомъ, что они произведутъ примѣрное, на вѣчныя времена неизглади-

мое наказаніе и подвергнутъ городъ Парижъ военной экзекуціи и совершенному уничтоженію"... Недальновидные, легкомысленные люди этимъ роковымъ манифестомъ лишь подлили масла въ огонь.

При дворѣ готовились совершить государственный переворотъ въ союзѣ съ иностранными державами, но народъ предупредилъ придворныхъ заговорщиковъ. Долготерпѣнію французовъ пришелъ конецъ...

10 августа народъ взялъ приступомъ Тюльерійскій дворецъ, несмотря на встрѣченное имъ отчаянное сопротивленіе. Это было первымъ отвѣтомъ на манифестъ союзныхъ государей; не замедлили послѣдовать и дальнѣйшіе отвѣты... Во время штурма Тюльери придворные кавалеры, сознавая свое безсиліе, невозможность защитить королевское семейство и опасаясь народной ненависти, посовѣтовали королю съ семьей идти въ Законодательное Собраніе.—„Скорѣе я позволю пригвоздить себя къ стѣнѣ!" воскликнула Марія Антуанета, но тѣмъ не менѣе она покорно послѣдовала за королемъ въ Законодательное Собраніе, переживая адскія муки отъ сознанія своего униженія.

Въ Собраніи королевское семейство помѣстили въ ложу стенографа, и король могъ слышать, какъ депутаціи отъ народа требовали его низложенія. Король захотѣлъ ѣсть. И въ эту трагическую минуту онъ не потерялъ своего обычнаго аппетита и „разнималъ по косточкамъ цыпленка въ то время, какъ съ головы его падала корона".

Узнавъ о рѣшеніи свергнуть его съ престола, король сказалъ нѣкоторымъ членамъ Законодательнаго Собранія: „То, что́ вы дѣлаете, не очень-то конституціонно!" Въ ту минуту Людовикъ XVI, повидимому, забылъ, какъ справедливо замѣчаетъ историкъ, что призывъ австрійцевъ и пруссаковъ былъ съ его стороны „актомъ, еще менѣе конституціоннымъ"...

Король съ семьей былъ арестованъ и заключенъ въ Тампль. И кончилось дѣло тѣмъ, чего и слѣдовало ожидать: Людо-

викъ XVI былъ привлеченъ къ суду, какъ клятвопреступникъ, измѣнникъ и предатель. Обвиненія были основаны на неопровержимыхъ фактахъ: улики оказывались подавляющими. Документально было доказано, что король вступилъ въ заговоръ противъ французскаго народа съ дворянами, съ духовенствомъ, съ эмигрантами и съ иностранными державами, что онъ накликалъ на Францію непріятельское нашествіе. Въ бюро цивильнаго листа были найдены доказательства, что въ 1791 г. король писалъ епископу Клермонскому о своемъ горячемъ желаніи во что бы то ни стало возстановить свою неограниченную власть. Записями было доказано, что дворомъ израсходовано 1,500,000 фр. на подкупы. Кромѣ того, въ найденномъ въ Тюльери потайномъ желѣзномъ ящикѣ, въ которомъ король хранилъ свою секретную корреспонденцію, оказались письменныя доказательства заговоровъ, подкуповъ, тайныхъ сношеній двора съ иностранными правительствами, съ эмигрантами, съ ген. Булье и др. измѣнниками, продававшими отечество за королевскіе франки.

Король былъ преданъ суду,—и на судѣ, послѣ всей надлежащей процедуры, поставленъ вопросъ: „Виновенъ ли Людовикъ Капетъ въ заговорѣ противъ свободы народа и въ покушеніи на безопасность государства?“ Улики были явныя, непререкаемыя, и всѣ 720 членовъ Конвента, судившаго Людовика, единогласно признали его виновнымъ. Ему былъ вынесенъ смертный приговоръ. 21 янв. 1793 г. Людовикъ былъ казненъ.

Людовикомъ XVI, подобно Карлу Стюарту, для сохраненія за собой неограниченной власти все было пущено въ ходъ: вооруженная сила, угрозы, подкупы, заговоры, клятвопреступленіе, непріятельское нашествіе, и тѣмъ не менѣе абсолютизмъ палъ. Трагическій конецъ борьбы за абсолютизмъ во Франціи и Англіи былъ вызванъ непримиримостью, крайнимъ упорствомъ и ослѣпленіемъ государей и окружавшихъ ихъ бездарныхъ, своекорыстныхъ людей.

VI.

Борьба деспотическихъ правителей съ народами за неограниченную власть продолжается и въ наше время. Еще недавно мы были свидѣтелями борьбы за освобожденіе.

Въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ Турціи вслѣдствіе неудачной войны съ Россіей и подъ напоромъ всеобщаго недовольства правительство султана было вынуждено пойти на уступки народнымъ требованіямъ и созвало парламентъ. Но лишь только бѣда миновала, султанъ и окружающіе его, оправившись отъ полученнаго удара, снова подняли головы и, какъ ни въ чемъ не бывало, рѣшились защищать свои прежнія выгодныя позиціи, т.-е. возвратить себѣ самовластіе, едва не утраченное въ минуты растерянности. Уступки, сдѣланныя неискренно, были взяты назадъ, парламентъ распущенъ и не собирался въ теченіе слишкомъ 30 лѣтъ. Такимъ образомъ, вводившаяся конституція, хотя негласно, но фактически, была отмѣнена; режимъ произвола и насилія, хотя и дискредитированный, какъ оказывалось, уцѣлѣлъ во всей полнотѣ. Для турецкаго народа еще не насталъ часъ освобожденія, и Абдулъ-Гамидъ въ теченіе 30 лѣтъ продолжалъ деспотически править страной съ помощью солдатъ, шпіоновъ и палачей.

Жизнь этого современнаго намъ деспота многими чертами напоминаетъ исторію нѣкоторыхъ римскихъ императоровъ, а въ его борьбѣ за произволъ повторяются тѣ же моменты, какіе указаны нами въ предшествующихъ очеркахъ.

Слишкомъ 30 лѣтъ Абдулъ-Гамидъ провелъ въ своемъ Ильдизѣ, угнетая турецкій народъ или—вѣрнѣе—всѣ народности, населяющія Турецкую Имперію.

Ильдизъ—очень живописное мѣстечко на берегу Босфора, но Абдулъ-Гамидъ былъ не художникъ, не поэтъ, и главное вниманіе онъ обратилъ на Ильдизъ за его весьма выгодное

стратегическое положеніе. Ильдизъ его стараніями былъ превращенъ въ крѣпость. Весь Ильдизъ былъ обнесенъ высокою, толстою стѣной, къ которой примыкали казармы гвардейцевъ, составлявшихъ личную охрану султана и получавшихъ громадное жалованье. Дворецъ съ прилегавшими къ нему зданіями былъ окруженъ вторымъ рядомъ толстыхъ стѣнъ, на которыхъ находились пушки новѣйшихъ образцовъ.

Несмотря ни на гвардейцевъ, ни на пушки, ни на толстыя стѣны, Абдулъ-Гамидъ, какъ всякій деспотъ, не чувствовалъ себя въ безопасности, жилъ въ постоянномъ страхѣ, не зная покоя ни ночью, ни днемъ. Иногда онъ вставалъ по ночамъ, мучимый безсонницей, и въ подзорную трубу подолгу смотрѣлъ вдаль—на сушу и на море, чтобы убѣдиться, что никто не приближается къ Ильдизу, что все спокойно и ничто не угрожаетъ его особѣ. Человѣкъ, по своей прихоти, по произволу, лишающій счастія и жизни другихъ людей, никогда, ни за какими стѣнами не можетъ чувствовать себя въ безопасности. Ночью въ каждомъ темномъ углу, при свѣтѣ дня въ каждомъ закоулкѣ, на каждомъ шагу ему мерещатся мстители... Абдулъ-Гамидъ боялся ночной темноты; его дворецъ и паркъ, примыкавшій къ дворцу, ярко освѣщались всю ночь вплоть до утра. Онъ страшился и ночной тишины, поэтому оркестръ порой игралъ всю ночь до разсвѣта. По галлереѣ, окружавшей дворецъ, постоянно расхаживали караульные, гвардейцы въ полномъ вооруженіи. Абдулъ-Гамидъ никогда не спалъ двѣ ночи подъ рядъ въ одной и той же комнатѣ, и никто, кромѣ дежурнаго секретаря, не могъ знать, въ какой комнатѣ онъ ночуетъ.

Составилось такое представленіе, что деспоты, извѣстные своею свирѣпостью, страдаютъ отъ угрызеній совѣсти за все зло, содѣянное ими. Романисты и драматурги широко использовали эту тему, очень красиво, художественно изображая, какъ жестокій, кровожадный тиранъ, мучимый нечистою со-

вѣстью, какъ Каинъ, бродитъ по своему дворцу, никогда и нигдѣ не находитъ покоя, какъ повсюду ему мерещатся призраки его жертвъ... Но это не вѣрно.

Когда рѣчь заходитъ объ угрызеніяхъ совѣсти, мучащихъ человѣка, то всегда должно подразумѣвать, что этотъ человѣкъ—натура чуткая, чувствительная, существо, нравственно развитое, хотя не безъ дефектовъ, способное—съ помощью воображенія—ставить себя на мѣсто страдающихъ и переживать испытываемыя ими муки. Невозможно, немыслимо предполагать чувствительность въ человѣкѣ-звѣрѣ, вродѣ Коммода или Каракаллы, въ человѣкѣ, который, какъ мясникъ, съ руками по локоть въ крови, съ наслажденіемъ душитъ и рѣжетъ людей.

И Шекспиръ, этотъ великій сердцевѣдецъ, отдалъ дань всеобщему заблужденію... Его король Ричардъ III говоритъ: „Я клятвамъ измѣнялъ—и страшнымъ клятвамъ; я убивалъ—и страшно убивалъ я; толпы грѣховъ—и гибельныхъ грѣховъ—сошлись передъ оградою судебной и всѣ кричатъ": „Онъ грѣшенъ, грѣшенъ, грѣшенъ!.." „Отчаянье грызетъ меня"... Ричардъ говоритъ: „Сто языковъ у совѣсти моей".. Въ ночь передъ роковою битвой Ричарду являлись тѣни погубленныхъ имъ двухъ малолѣтнихъ принцевъ, задушенныхъ въ Тауэрѣ, королевы Анны, Букингэма, Риверса, Грэя, Вогана, Гэстингса... И Ричардъ говорилъ: „Мнѣ грезилось, что души мертвецовъ сошлись въ мою палатку, и каждый мнѣ грозилъ и звалъ назавтра отмщеніе на голову мою"... Впрочемъ, Шекспиръ внесъ поправку. Тотъ же Ричардъ III въ другомъ мѣстѣ заявляетъ: „Про совѣсть трусы говорятъ одни, пытаясь тѣмъ пугать людей могучихъ. Пусть наша совѣсть—будутъ наши руки, а нашъ законъ—мечи и копья наши!" Такое заявленіе болѣе соотвѣтствуетъ характеру Ричарда III и вообще ближе къ истинѣ.

Конечно, деспотъ можетъ порой вспоминать о людяхъ, убитыхъ по его повелѣнію, но не эти воспоминанія его мучатъ, не они лишаютъ его днемъ покоя, отгоняютъ отъ него

ночью сонъ. Его мучитель—постоянный, неизбывный страхъ за свою жизнь, страхъ—встрѣтить на каждомъ шагу мстителя за людей, имъ загубленныхъ. Этотъ страхъ отравляетъ ему существованіе; онъ-то напоминаетъ тирану о жертвахъ его жестокости и доводитъ его иногда до безумія.

Абдулъ-Гамида, когда онъ въ часы ночной безсонницы бродилъ по своему дворцу, мучили не угрызенія совѣсти, пугали его не тѣни загубленныхъ имъ людей, пугали не призраки: боялся онъ живыхъ людей. Абдулъ-Гамидъ зналъ только одинъ животный страхъ.

Подозрительность и боязнь доводили его до галлюцинацій, до сумасшествія. Каждый приближавшійся къ нему человѣкъ казался ему заговорщикомъ и убійцей. Ни днемъ, ни ночью онъ не разставался съ револьверомъ. Однажды, гуляя въ паркѣ, султанъ набрелъ на садовника, работавшаго, стоя на колѣняхъ передъ какимъ-то растеніемъ. Увидѣвъ султана, садовникъ быстро поднялся съ земли, чтобы поскорѣе принять почтительную позу. Испуганный его быстрыми, торопливыми движеніями, султанъ принялъ его за злоумышленника и, выхвативъ изъ кармана револьверъ, застрѣлилъ его. Въ другой разъ Абдулъ-Гамидъ застрѣлилъ невольницу, почти ребенка, у себя же въ кровати. Какое-то движеніе дѣвочки показалось султану подозрительнымъ: ему померещилось, что дѣвочка хочетъ задушить его...

Многочисленныя султанскія жены трепетали и блѣднѣли при одномъ имени Абдулъ-Гамида. Женщина, навлекшая на себя малѣйшее подозрѣніе, иногда вполнѣ неосновательное, немедленно же исчезала въ волнахъ Босфора или бывала тайно задушена. Много совершилось ужасовъ, много было пролито крови и слезъ въ стѣнахъ Ильдиза. Въ настоящее время стала извѣстною лишь малая доля жестокостей, совершонныхъ въ немъ. Исторія еще не наступила для Ильдиза

Въ Ильдизѣ заточались наиболѣе важные преступники и велись процессы, особенно интересовавшіе султана. Допра-

шивали преступниковъ султанскіе камергеры и секретари, причемъ они являлись скорѣе инквизиторами и палачами, чѣмъ судебными слѣдователями. Султанъ, часто скрывавшійся за занавѣсомъ, самъ руководилъ „слѣдствіемъ“. Обвиняемые при дознаніи подвергались самымъ ужаснымъ пыткамъ, но такимъ, которыя, не умерщвляя, заставляли страдать невыносимо (какъ, напр., постепенно усиливаемое сжиманіе самыхъ чувствительныхъ частей тѣла, прикладываніе къ голому тѣлу горячихъ яицъ, лишеніе сна и т. п.). Нѣкоторые, впрочемъ, умирали подъ пытками. Многіе сходили съ ума... Султанъ рѣдко открыто приговаривалъ къ смерти,— онъ говорилъ: „Я былъ бы радъ, если бы этого человѣка не существовало въ моемъ государствѣ!“ Усердные исполнители понимали, чего хочетъ султанъ, и дѣлали свое дѣло: судьи судили, палачи казнили...

Кромѣ пути „легальнаго“ (если позволительно такъ выразиться), въ распоряженіи Абдулъ-Гамида былъ еще другой путь для того, чтобы избавляться отъ неугодныхъ ему людей: убійство изъ-за угла. Къ намѣченной жертвѣ приставлялось нѣсколько подкупленныхъ убійцъ, которые выслѣживали ее, и въ удобный моментъ, гдѣ-нибудь на улицѣ, въ кафе, или на прогулкѣ жертва падала отъ рукъ „неизвѣстныхъ“ убійцъ (въ дѣйствительности, хорошо извѣстныхъ правительству). Власти начинали разслѣдованіе, не дававшее, конечно, никакихъ результатовъ, убійцы получали втайнѣ приличное вознагражденіе, тѣмъ и кончалась кровавая комедія.

Съ такимъ же коварствомъ, съ такимъ же лицемѣріемъ и жестокостью Абдулъ-Гамидъ, прячась за другихъ, устраивалъ массовыя истребленія людей, казавшихся ему непріятными, опасными для его особы. Въ статьѣ г. И. Смидовича (изъ которой мы заимствуемъ нѣкоторые факты изъ жизни Абдулъ-Гамида) приводится отрывокъ изъ письма французскаго консула, Ла-Булиньера, писаннаго послѣ извѣстной константинопольской рѣзни, когда шайки черни, вооруженныя

дубинами, разсыпались по Стамбулу, по Галатѣ и Перѣ, избивая армянъ, и когда по улицамъ длинными вереницами тянулись тяжелыя колымаги, наполненныя мертвацами—жертвами погрома. „Я не въ силахъ перечислить,—писалъ Ла-Булиньеръ,—безконечнаго ряда фактовъ, до очевидности доказывающихъ, что самъ султанъ вооружилъ руки этихъ убійцъ и направилъ ихъ на все, что только считается армянскимъ".

Необходимость вточности знать все, что дѣлается, говорится и даже думается въ государствѣ, необходимость уловлять всѣхъ своихъ враговъ, чтобы отдѣлаться отъ нихъ, заставила Абдулъ-Гамида создать обширную систему шпіонства и провокаторства. Въ Константинополѣ насчитывалось нѣсколько десятковъ тысячъ шпіоновъ. Агенты Абдулъ-Гамида, получавшіе колоссальное вознагражденіе, имѣлись и въ другихъ государствахъ.

Но, несмотря на всевозможныя репрессіи (или, можетъ быть, именно благодаря имъ), въ іюлѣ 1908 г. въ Турціи вспыхнула революція, и Абдулъ-Гамидъ былъ вынужденъ пойти на уступки народнымъ требованіямъ. Была объявлена конституція, созванъ Парламентъ; деспотическій режимъ, душившій Турцію и осуждавшій ее на безсиліе, палъ. Султанъ, казалось, примирился съ происшедшей перемѣной—съ потерей своей деспотической власти. Онъ не только покорно, безропотно подчинялся требованіямъ народа, онъ униженно заискивалъ передъ нимъ... Жестокій и мстительный, хитрый, пронырливый, онъ умѣлъ сдерживаться и отступать передъ необходимостью, передъ силой, но всегда съ задней мыслью вознаградить себя впослѣдствіи за перенесенное униженіе. Онъ могъ смиряться передъ тѣми, кого онъ боялся, могъ притворяться добродушнымъ, могъ при случаѣ казаться даже великодушнымъ и привѣтливымъ. Но это была лишь „комедія съ переодѣваньемъ". Въ дѣйствительности же Абдулъ-Гамидъ никогда ничего не прощалъ и ничего не забывалъ. Побѣдивъ, почувствовавъ свою силу, онъ бывалъ

безжалостенъ и свирѣпъ... Люди, знавшіе его, были увѣрены, что деспотъ такъ легко не откажется отъ своихъ прерогативъ, что онъ непремѣнно попытается возвратить ихъ силой, хотя бы для того ему пришлось пролить потоки крови и обезлюдить цѣлыя провинціи.

Такъ оно и оказывалось въ дѣйствительности... Стараясь усыпить вниманіе народа своею притворною кротостью и покорностью, Абдулъ-Гамидъ въ то же время украдкой плелъ свои коварныя сѣти. Онъ щедро разбрасывалъ накопленное имъ золото для подкупа всякаго уличнаго сброда, который долженъ былъ фигурировать въ роли „народа". Приверженцы Абдулъ-Гамида, много терявшіе съ паденіемъ режима произвола и насилія, усердно работали надъ тѣмъ, чтобы вызвать контръ-революцію; они старались сорганизовать всѣ темныя силы, которыя и должны были по сигналу, данному изъ Ильдиза, встать отъ имени народа на защиту деспотической власти султана. Уступки, сдѣланныя Абдулъ-Гамидомъ въ трудныя минуты, были неискренни, были даны лишь для того, чтобы обмануть народъ, успокоить его, утишить бурю всеобщаго негодованія. Теперь султанъ спѣшилъ взять ихъ обратно и жестоко отомстить тѣмъ, кто вынудилъ его къ этимъ уступкамъ и былъ свидѣтелемъ его слабости и униженія...

Въ апрѣлѣ 1909 г. Абдулъ-Гамиду и его приспѣшникамъ удалось подкупомъ и посулами возмутить константинопольскую чернь и вызвать контръ-революцію или—вѣрнѣе—уличные безпорядки, которые были быстро подавлены и зачинщики ихъ поплатились головой. Игра была проиграна, и дѣло Абдулъ-Гамида оказывалось безнадежнымъ. Народъ уже не могъ довѣрять Абдулъ-Гамиду, и было рѣшено, чтобы его, какъ врага общественнаго спокойствія и безопасности, удалить съ трона...

Неудача контръ-революціоннаго движенія въ Турціи объясняется значительно высокимъ политическимъ развитіемъ народа и, слѣдовательно, слабостью, малочисленностью въ его средѣ темныхъ силъ.

Когда Абдулъ-Гамиду представили списокъ его злодѣяній, прочли перечень его преступленій и объявили волю народа, онъ только нашелся сказать: „Это—моя судьба!... Да. Но эту судьбу въ теченіе 30 лѣтъ ковалъ онъ самъ со своими приближенными... Абдулъ-Гамидъ былъ отправленъ въ ссылку.

Въ Персіи, почти одновременно, происходили аналогичныя явленія. Шахъ, долго боровшійся за свою деспотическую власть, подобно Абдулъ-Гамиду, звѣрски-жестоко боровшійся, зарывавшій живьемъ въ землю неугодныхъ ему людей—друзей народа, долженъ былъ такъ же, какъ султанъ, уступить народнымъ требованіямъ, также далъ было конституцію, созвалъ Парламентъ, но затѣмъ вознамѣрился снова возвратить себѣ деспотическую власть, вызвавъ контръ-революцію, но такъ же, какъ Абдулъ-Гамидъ, потерпѣлъ неудачу и былъ изгнанъ изъ предѣловъ отечества.

Для двухъ послѣднихъ переворотовъ (въ Персіи и Турціи) исторія еще не наступила: многое, касающееся этихъ переворотовъ, еще облечено тайной. Мы ограничились, можно сказать, лишь упоминаніемъ о нихъ—*для* того, чтобы указать, что въ той и другой странѣ въ борьбѣ за деспотизмъ повторились тѣ же моменты, какіе мы можемъ видѣть на пространствѣ всей міровой исторіи: репрессіи, насилія, жестокія расправы, затѣмъ вынужденныя уступки, попытки взять ихъ назадъ, попытки то удачныя, то неудачныя, но конецъ всегда одинъ и тотъ же,—паденіе деспотическихъ монархій и торжество освободившихся народовъ.

Повторяемъ: велико обаяніе власти. Не только жалкая посредственность, гоняющаяся за побрякушками и мишурой, но и люди, выдающіеся, съ большимъ умомъ, бываютъ не въ состояніи противиться этому обаянію. Играть роль „перваго номера", стоять выше всего окружающаго общества, фигурировать у всѣхъ на виду, властвовать надъ людьми, быть единственнымъ раздавателемъ, по своему произволу,

милостей и опалъ, осуществлять всѣ свои желанія (не идущія наперекоръ законамъ природы), стоять выше всѣхъ человѣческихъ законовъ, самому давать заповѣди, которымъ люди должны безпрекословно повиноваться, какъ велѣніямъ Божества, пользоваться всѣми мірскими благами—переспектива ослѣпительнаго блеска.

И мы уже видѣли, что ради власти человѣкъ жертвуетъ своимъ спокойствіемъ и безопасностью своей семьи, ради достиженія или сохраненія за собой власти онъ готовъ на всевозможныя преступленія, готовъ лить, какъ воду, людскую кровь, губить сотни тысячъ человѣческихъ жизней, готовъ рисковать и своею жизнью.

Но бываютъ люди, на которыхъ обаяніе власти не вліяетъ, не оказываетъ своего одурманивающаго дѣйствія; мишурный блескъ ихъ не ослѣпляетъ, голова ихъ не кружится, когда обстоятельства ставятъ ихъ выше окружающей ихъ среды, сосредоточивая въ ихъ рукахъ громадную власть и давая имъ всю возможность, при желаніи, злоупотреблять ею. Рѣдки такіе люди, но они встрѣчаются въ жизни человѣческихъ обществъ. Это—люди, морально высокоразвитые; это идеальные граждане...

Въ видѣ заключенія къ нашимъ очеркамъ заимствуемъ отрывокъ изъ книги одного стараго англійскаго писателя.

Въ концѣ XVIII вѣка жилъ-былъ въ Англіи король, Георгъ IV, прославившійся тѣмъ, что изобрѣлъ для башмаковъ новую пряжку въ дюймъ длины и въ пять дюймовъ ширины, причемъ эта пряжка покрывала почти весь подъемъ, спускаясь по обѣ стороны ноги до полу. 10 февраля 1784 г. Георгъ IV давалъ балъ въ своемъ вновь отремонтированномъ дворцѣ.

Въ мартовской книжкѣ журнала „Европейскій Магазинъ" за 1784 г. находится восторженное описаніе дворца и бала...

„Передѣлки въ Карльтонскомъ дворцѣ теперь уже закончены, а потому мы можемъ представить читателямъ описаніе парадныхъ аппартаментовъ въ томъ видѣ, въ какомъ

они были 10 февраля, когда его королевское высочество соизволилъ дать балъ высшимъ сановникамъ и дворянству... Уже при входѣ въ тронную залу умъ пораженъ невыразимой идеей величія и великолѣпія... Парадное кресло изъ вызолоченнаго дерева рѣзной работы покрыто пунцовымъ штофомъ. Вверху каждой ножки изображена львинная голова, являющаяся эмблемой мужества и энергіи. Подъ нею вокругъ ножки обвиваются змѣи, служащія эмблемой мудрости. На стѣнѣ, насупротивъ троннаго кресла, виденъ шлемъ Минервы, а надъ окнами сіяютъ лучи славы, изображаемой Св. Георгіемъ, окруженнымъ блестящимъ ореоломъ.

„Вѣнцомъ совершенства является, однако, гостиная, гдѣ каждое украшеніе обнаруживаетъ величайшую художественную изобрѣтательность. Эта зала обита тисненнымъ атласомъ лимонно-желтаго цвѣта. Оконныя драпировки, диваны и кресла того же самого цвѣта. Потолокъ украшенъ эмблематической живописью, изображающей Грацій и Музъ въ обществѣ Юпитера, Меркурія, Аполлона и Париса. Очаровательная сельская нимфа обвиваетъ стволъ пальмы гирляндами цвѣтовъ. Посреди комнаты красуется богатая люстра. Великолѣпнѣе всего представляется эта гостиная, если смотрѣть на нее въ большое зеркало надъ каминомъ. Анфилада комнатъ между гостиной и бальной залой, когда всѣ двери раскрыты, представляетъ собою величественнѣйшее зрѣлище, какое намъ когда-либо доводилось видѣть“...

И посреди этого великолѣпія Георгъ IV, „въ розовомъ шелковомъ кафтанѣ, съ бѣлыми отворотами и обшлагами, въ бѣломъ шелковомъ жилетѣ, вышитомъ разноцвѣтными блестками и украшенномъ множествомъ французскихъ поддѣльныхъ драгоцѣнныхъ камней“, танцовалъ, выдѣлывая граціозныя па...

Репортеръ „Европейскаго Магазина“ захлебывался отъ восторга при видѣ такого восхитительнаго зрѣлища.

Въ мартовской же книжкѣ 1784 г. другого англійскаго журнала („Gentleman's Magazine“) былъ помѣщенъ отчетъ

о другомъ собраніи, объ иномъ празднествѣ, происходившемъ въ Новомъ Свѣтѣ и въ которомъ другой джентльменъ также англійскаго происхожденія игралъ выдающуюся роль:

„Согласно распоряженію президента, его превосходительство главнокомандующій [1]) былъ допущенъ къ публичной аудіенціи въ конгрессѣ. Когда онъ сѣлъ, на нѣкоторое время водворилось молчаніе, а затѣмъ президентъ сообщилъ главнокомандующему, что Соединенные Штаты въ полномъ ихъ составѣ готовы выслушать его сообщенія. Тогда онъ всталъ и сказалъ:

„Господинъ президентъ, важныя событія, отъ которыхъ зависѣла возможность сложить мои полномочія, наконецъ, совершились. Поэтому я позволилъ себѣ теперь предстать передъ конгрессомъ, чтобы передать въ его руки ввѣренныя мнѣ полномочія и просить увольненія отъ дальнѣйшей службы моей родинѣ.

„Радуясь признанію нашей независимости и самостоятельности, я слагаю съ себя должность, которую принялъ съ недовѣріемъ къ собственнымъ моимъ силамъ, единственно лишь вслѣдствіе убѣжденія въ правотѣ нашего дѣла, убѣжденія, вызывавшаго у меня увѣренность въ искреннѣйшей поддержкѣ со стороны націи и въ покровительствѣ Божіемъ. Завершаю послѣдній шагъ моей оффиціальной дѣятельности, призывая на дорогую нашу отчизну покровительство Всемогущаго Бога и умоляя Его блюсти надъ тѣми, кто призванъ пещись объ ея интересахъ. Закончивъ возложеное на меня дѣло, я удаляюсь со сцены публичной дѣятельности... Кладу на этотъ столъ выданный мнѣ патентъ и слагаю съ себя всѣ общественныя должности“.

Президентъ на это сказалъ ему:

„Милостивѣйшій Государь! Защищая знамя свободы въ Новомъ Свѣтѣ, вы преподали полезный урокъ какъ притѣснителямъ, такъ и притѣсненнымъ. Теперь вы удаляетесь

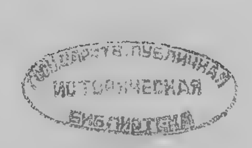
[1]) Это былъ Вашингтонъ.

въ частную жизнь, сопровождаемые благословеніями вашихъ согражданъ. Слава вашихъ доблестей не померкнетъ, однако, съ вашимъ отказомъ отъ дальнѣйшаго командованія войсками, но будетъ жить до самыхъ отдаленныхъ временъ"...

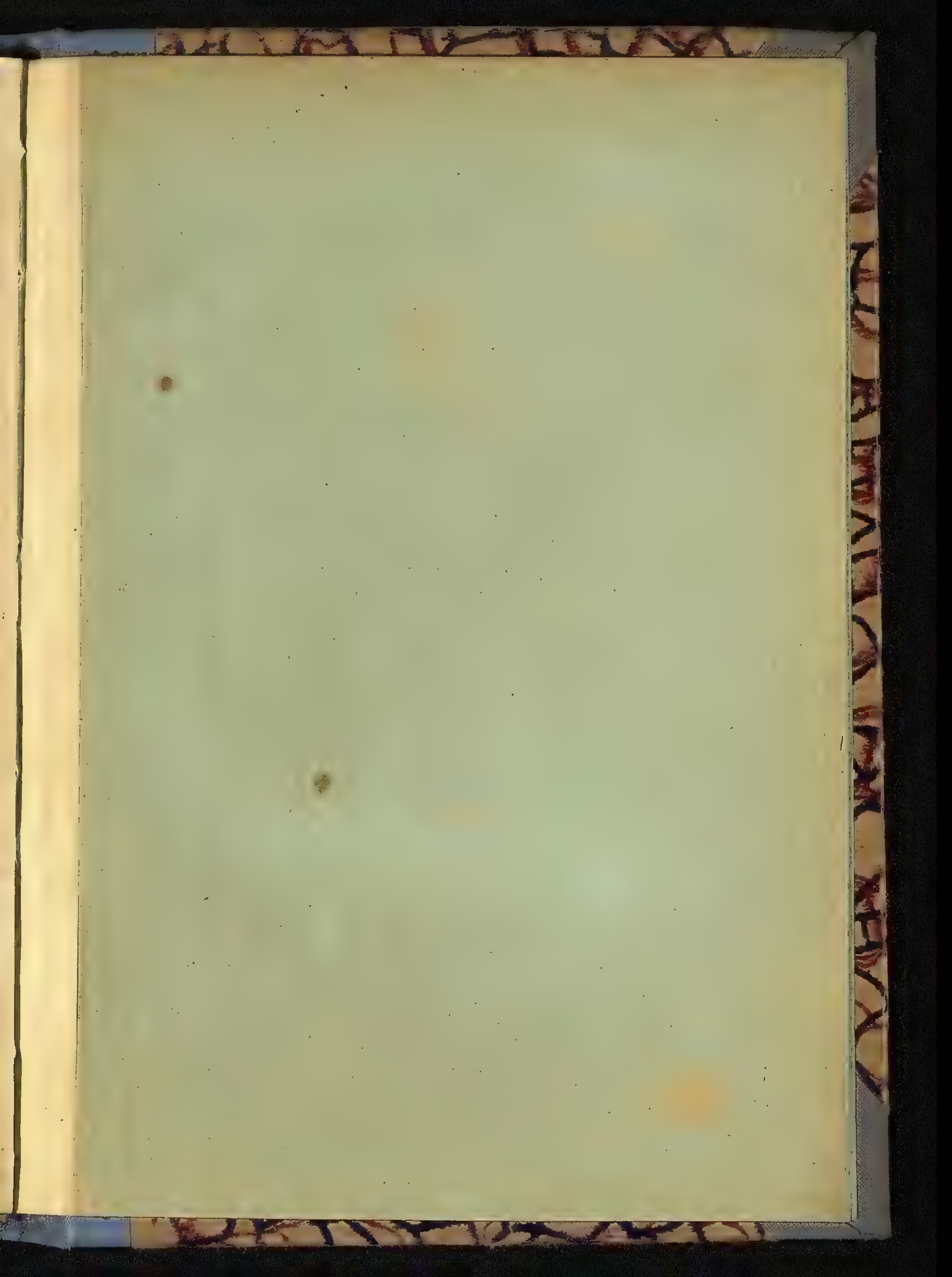
„Позвольте спросить,—говоритъ цитируемый нами авторъ [1]),—какое изъ двухъ зрѣлищъ слѣдуетъ признать самымъ блестящимъ изъ когда-либо виданныхъ: лондонскій ли балъ принца Георга, или сложеніе съ себя Вашингтономъ всѣхъ общественныхъ должностей? Чьему величію и благородству станутъ удивляться будущіе вѣка? Кѣмъ они будутъ восторгаться? Легкомысленнымъ ли балбесомъ, изящно танцующимъ въ великолѣпномъ костюмѣ, отдѣланномъ кружевами и золотымъ шитьемъ, или же скромнымъ героемъ, вкладывающимъ въ ножны свой мечъ послѣ служенія общественному дѣлу, въ которомъ выказалъ безупречную честность, непреодолимое мужество и стойкую энергію, увѣнчавшуюся полной побѣдой?"

На этотъ вопросъ двухъ отвѣтовъ нѣтъ и быть не можетъ.

Георги уже давно забыты. О Вашингтонѣ съ глубокимъ уваженіемъ вспоминаетъ весь цивилизованный міръ.

[1]) В. Теккерей. „Четыре Георга".

10—

~~Цѣна 60~~ 3

ИЗДАНІЕ [illegible] ЩАЕТСЯ
ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ ТИПОГРАФІИ М. М. Стасюлевича.
С.-Петербургъ, Вас. остр., 5 лин., 28.

Полный каталогъ Склада (224 стр.), со сводомъ отзывовъ, одобреній и рекомендацій на каждую книгу высылается безплатно; на пересылку—7 к. марку.

